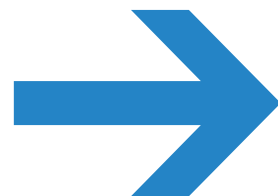

УМК

КУРС ЛЕКЦИЙ

**РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ
В БЕЛАРУСИ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ
ОСНОВАНИЯ
И ОРГАНИЗАЦИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

СОДЕРЖАНИЕ:

РАЗДЕЛ 1. ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТЫ И ПОНЯТИЯ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОГРАММИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ БЕЛАРУСИ

Тема 1. Идея города и понятие о городе. История белорусских городов

Тема 2. Качество и образ жизни — базовые понятия для мышления и организации деятельности по развитию городов

Тема 3. Местное сообщество как базовая категория и социальная единица городского развития

Тема 4. Категория развития и способы работы с будущим

РАЗДЕЛ II. ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЗНИ В МАЛЫХ ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ

Тема 1. Индустриализация и урбанизация: стержневые процессы советской белорусской истории второй половины XX века

Тема 2. Власть в малых городах. Реализация власти и самоуправление

Тема 3. Материальные условия жизни и потребление

Тема 4. Коммуникация в городском развитии, проблемы коммуникативного пространства

Тема 5. Пространство культуры в городской жизни и представления о городе

Тема 6. Организация городского пространства

Тема 7. Активность и свободное время горожан в современных белорусских городах

РАЗДЕЛ III. ПОДХОДЫ, ПРОГРАММЫ И ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ

Тема 1. Культурная политика как рамка для программирования развития белорусских городов

Тема 2. Программы развития белорусских городов

Тема 3. Исследование в программировании: сфера городских исследований в Беларуси

Тема 4. Технология возрождения местных сообществ

РАЗДЕЛ I. ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТЫ И ПОНЯТИЯ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОГРАММИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ БЕЛАРУСИ

ТЕМА 1. ИДЕЯ ГОРОДА И ПОНЯТИЕ О ГОРОДЕ. ИСТОРИЯ БЕЛАРУССКИХ ГОРОДОВ

1. Понятие и идея города.
2. Принципы и способы формирования понятий.
3. История белорусских городов.
4. К понятию о современном белорусском городе: проблемы городской жизни и типология малых городов.

1. Понятие и идея города

Поселения, или населенные пункты в Беларуси официально могут носить несколько наименований: деревни, села, поселки городского типа, города и т. д. Сами города тоже различаются. В зависимости от задач их делят на малые, средние и большие, на города районного, областного и республиканского подчинения и т. д. Самый крупный город в Беларуси — столица — стремительно приближается к демографическому порогу 2 миллионов жителей. Самый маленький город — Дисна — насчитывает не многим более двух тысяч. Отличаются по численности населения они в 100 раз. Почему же мы называем и Минск, и Дисну городами? Есть ли у этого отнесения таких разных поселений к одному и тому же типу хоть какие-то рациональные основания?

С одной стороны, нас может интересовать, что *есть общего между Дисной и Минском*, чтобы и то, и другое называть городом. А с другой стороны, можно задаться вопросом: *являются ли Минск и Дисна городами?* Отвечая на эти вопросы, мы пытаемся разобраться и с *понятием города* и с *идеей города*.

В первом вопросе мы апеллируем к некоторому *понятию, определению* того, что есть город. Понятие можно упростить до предела и договориться считать городом всякое поселение, насчитывающее число жителей свыше некоторого значения. Но тогда мы сталкиваемся с тем, что в Беларуси существуют сельские поселения, превышающие по численности Дисну в несколько раз. Например, деревня Ольшаны Брестской области насчитывает 7 тысяч жителей. Административные, архитектурные, градостроительные нормы используют более сложные понятия и определения.

Любые понятия и определения фиксируют некоторый набор характеристик, которые приписываются «городу» в той или иной ситуации, для решения тех или иных задач. Соответственно, все они применимы в ограниченной сфере и могут противоречить друг другу, тем более, не позволяют отвечать на второй вопрос. Он апеллирует не к какому-то ситуативному отраслевому или конвенциональному определению города. А к *идее города*. Мы можем договориться, проголосовать и утвердить в вышестоящих инстанциях некое определение и сделать его отраслевым или дисциплинарным понятием, которое будет применимым в своих практических рамках. Но все равно остается открытым вопрос о том, что есть город.

Понятия и определения города изменчивы и всегда привязаны к историческим социокультурным ситуациям. Каждое сколько нибудь серьезное исследование городов фиксирует эту историческую изменчивость и очевидные различия городов в разных странах и в разные времена. История появления и изменения городов, а вместе с ними формулирования и переформулирования понятия «город» достаточно хорошо описаны в исторических изысканиях. Можно проследить, как складывались города в результате действия экономических, политических и социальных процессов. Они меняли свой облик, усложняли принципы, по которым складывалась в них жизнь. Во всякой социокультурной ситуации оформлялись свои понятия и определения, которые закреплялись, прежде всего, в практических документах, описывающих и регулирующих городскую жизнь.

От того, что административные или какие-либо другие органы из каких-то соображений объявят некое поселение городом, оно таковым сразу не станет. Даже на обыденном уровне понятно, что после такого объявления с поселением необходимо что-то сделать. Необходимо придать поселению вид

и характер города. В древние времена городом могло считаться поселение, обнесенное стенами. Во времена распространения Магдебургского права в городе необходимо было построить ратушу. Но даже тогда было очевидно, что не стены ратуши и не крепостные стены делают город городом, а то, что происходит и осуществляется внутри этих стен. В стенах города течет иная жизнь, чем снаружи. В стенах ратуши принимаются какие-то решения, эти решения непременно принимаются оговоренным способом. Поэтому понятие города должно содержать в себе критерии организации городской жизни, которая делает город городом.

С развитием цивилизации понятие города усложнялось. Современные понятия формулируются не одним предложением, они предстают в виде длинных документов, называющихся уставом города или городским правом или как-то иначе. И каждое из таких понятий утверждает или постулирует отличие города от того, что городом не является. Поэтому каждое из понятий тем или иным образом отражает идею города. Но как бы они ни отражали эту идею, она по-прежнему остается трудно уловимой и плохо сформулированной. Необходимость схватывания и формулирования некоей идеи города возникает значительно позже появления самих городов.

В большинстве практических ситуаций людям, институтам, учреждениям вполне достаточно операциональных понятий города. А к *идее города люди обращаются только в особых ситуациях*. Либо тогда, когда возникает угроза правам, свободам, всему городскому образу жизни со стороны внешних сил или накопившихся внутренних противоречий. Либо в ситуациях развития, когда горожане стремятся вывести свой город на некий новый уровень или реализовать какие-то идеалы.

До поры до времени изменения понятия города и форм городского устройства, подчиняющиеся практическим задачам и внешним тенденциям, не создавали рефлексивных ситуаций. Пока с ходом времени не сложилось некое особое содержание и смысл городской жизни, которое стало ценным само по себе, как принцип. И угроза утраты этого особого смысла становится толчком для того, чтобы попытаться сформулировать этот смысл, сформулировать идею города как такового.

Не претендуя на историческую точность, можно предположить, что впервые попытки осмыслить и сформулировать идею города были сделаны во времена, когда уже сформированное и широко распространенное в Европе городское устройство (где города выступали самодостаточными и самостоятельными субъектами) стало переноситься на устройство государств. Тогда возникла задача осмысления и описания того особого городского образа жизни как идеала, который обеспечивает этот статус городов и может быть инвариантом, в отличие от исторических, сменяемых понятий городов. Можно сказать, что с этой ситуации европейская цивилизация начала становиться городской цивилизацией, так как дальнейший путь развития европейских политических и социальных институтов уже не обходился без *идеи города*.

С тех пор соотношение представлений, заложенных в понятии и оформленных в уставах городов или законах, с идеей города или идеалами горожан становится актуальным. Конкретное понятие или определение города, которое как норма реализуется в конкретной социальной ситуации и включает в себя идею города, и в определенной мере рассогласовано с ней.

Идея города сама по себе не может быть реализована даже при самых оптимальных условиях. Она лишь то, что может служить ориентиром для работы с понятиями и определениями города, она и возникает в ситуации критики и рефлексии. Рассогласованность конкретного, реализующегося понятия с идеей города в обыденных ситуациях вполне устраивает людей. Но в определенных случаях это несогласование становится предметом изменения. Требуется новое согласование и новое понятие. Именно в таких ситуациях исследователи, политики, специалисты по градостроительству или планированию городов начинают отстаивать идею города, показывая несоответствие этой идее устаревших понятий и представлений. Именно в таких ситуациях рефлегируется отличие города от не города и обнаруживаются противоречия и недостатки в имеющихся понятиях, законах и уставах.

В борьбе с угрозой городскому образу жизни или в ситуациях развития, прежде всего, формулируются представления о том, что *не является городом*. Люди начинают осознавать, что они живут не в городах, а в гарнизонах, слободах или придатках к промышленным предприятиям (рабочих слободах), начинается критика правил и законов, по которым организован не-город, и борьба за введение и установление иных норм и законов, правил, организующих жизнь в поселении.

Поселения растут и совершенствуются под воздействием природных, хозяйственных, демографических факторов, а городами они становятся (или не становятся) в политической или культурно-политической действительности. Тогда стихийный, неуправляемый рост поселения становится предметом контроля и заботы со стороны тех, кто принимает на себя ответственность за судьбу этого поселения, за совместную жизнь людей и за ведение этими людьми общих дел. Но мало принять на себя ответственность, необходимо еще иметь политическую волю, реализовать идеалы и знание того, как эти идеалы могут быть реализованы в конкретной ситуации. Стихийно возникающие поселения становятся городами в процессе политического волеизъявления. Но тогда вопрос упирается в субъект этой политической воли, ориентиром для этой воли становится *идея города, а понятие города в этот период становится объектом особой работы* (формулирование, конструирование понятия). По отношению к идее города и к понятию о городе применимы различные критерии. Идея города должна быть принята всеми, кто участвует в развитии города, поскольку она задает общие ориентиры для движения. При этом идея не несет в себе только самые общие черты и принципы городской жизни, не предполагая конкретности и детализации. На базе идеи может строиться идеология, например, идеология городской цивилизации. Понятие же города более детализировано, и в то же время оно постоянно пополняется новыми компонентами, позволяющими «понимать» современный город. Поэтому при единстве идеи города понятие о нем может различаться как у групп (профессиональных, социальных и т. д.), так и у людей. Разберемся с содержанием идеи города и современного понятия о городе.

«Идея города»

Идея города не мыслима без прав и свобод горожан и без организованного ими самоуправления. Понятно, что не бывает бесконечных прав и ничем не ограниченных свобод. Права, свободы и самоуправление, если они реализуются, то они всегда ограничены. Иное дело, когда они вообще не реализуются. Речь здесь идет исключительно о политических правах или о правомочности города как политического субъекта, который реализуется в городском самоуправлении, когда сообщество городских жителей становится субъектом управления (т. е. политическим субъектом). Эта составляющая позволяет отличать город от сопоставимых с ним по численности населения или по хозяйственному и экономическому потенциалу других поселений, не являющихся городами.

В современных демократических государствах, где городские нормы и идеалы стали прототипами норм и устройства гражданского общества, где сложилась гражданская нация, а права и свободы граждан, включая участие в самоуправлении, распространены на всех граждан без исключения, — это различие недостаточно. В истории существовали периоды, когда по критерию самоуправляемости или политической субъектности можно было провести границу между сельскими и городскими жителями. Для современной гражданской нации такое различие не актуально. Этот критерий действует только для отделения поселений, которые созданы под решение какой-то задачи и не предполагают наличия самоуправления: военные гарнизоны и т. п. А в Беларуси и в других странах, где не сложилось гражданское общество, этот критерий сохраняет свою различительную силу и актуальность.

На протяжении последних столетий (с конца XIX века) можно наблюдать распространение европейских норм организации жизни и деятельности повсему миру. Распространяются и заимствуются принципы и нормы гражданственности в форме приведения законов к общеевропейским стандартам. В частности, законодательно закрепляется право на самоуправление. Практика такой

европеизации показывает, что пожалованные или дарованные сверху или извне демократия, права, свободы и самоуправление либо не приживаются, либо симулируются. Нельзя даровать свободу тому, кто в ней не нуждается. Нельзя вменить самоуправление тому, кто не является субъектом⁸. Но тогда становится понятным, что в идею города необходимо добавить еще одну трудно формулируемую составляющую, которая позволила бы понимать, почему и когда дарованные права, свободы и самоуправление становятся реальностью. Когда законодательное авансирование приводит в конечном итоге к реальному самоуправлению, а когда оно на долгие годы сохраняется как имитация и симуляция.

Эта составляющая метафорично выражена в известной фразе Аристотеля, что «город — это единство непохожих». В современной ситуации она схватывается категориями «**качество и образ жизни**»⁹. Чтобы была возможность зафиксировать непохожесть, она должна не только проявляться в человеческой индивидуальности, но и оформляться и публично предъявляться как образ жизни. Многообразие образов жизни и их согласование образует собственно городскую среду и городскую культуру. Поэтому, говоря о качестве жизни, как содержании идеи города, оно увязывает его не с теми или иными характеристиками потребления, а с возможностью вести тот или иной образ жизни. Качество жизни — это такая характеристика, которая задает свободу выбора и возможность реализации любого избранного образа жизни.

Итак, идея города неразрывно связана со степенью разнообразия образов жизни, необходимостью их публичного проявления и согласования, нахождения компромиссов без нивелирования этого разнообразия. Это и порождает необходимость политики в городе как искусства ведения общих дел.

2. Принципы и способы формирования понятий

Как уже говорилось, понятие города всегда исторично и связано с теми проблемами и задачами, в рамках которых оно формируется. Нередко понятие, сформулированное для той или иной сферы, приобретает более широкое распространение и становится как бы общим, но всякий раз оно ограничено задачами такой сферы.

Поэтому все исследователи, серьезно приступающие к теме города или городского развития, констатируют несформированность понятия город. Эта констатация означает не пробел, который следует обязательно заполнить, а свидетельствует о рефлексивности исследователей, которые понимают, что понятие о городе не может быть вне контекста, вне рамок своего употребления. В качестве наиболее формальных критериев выделения городов среди других поселений выделяют: количественный ценз населения (он исторически и ситуативно менялся и сейчас составляет «не менее 2-5 тысяч»); характер занятий населения (большая часть должна не быть занята земледелием или сельским хозяйством); юридический статус (решение правящего органа о статусе города). Однако эти характеристики можно выделить как наиболее общие, но все же не схватывающие понятия о городе.

Мы можем задать ряд принципов и способов, по которым должно идти формирование понятия о чем-либо, в том числе о таком сложном и многоаспектном феномене, как город.

Первое, понятие о городе не может быть сформировано без обращения к истории городов и истории их осмысления, понимания и развития.

Второе, понятие о городе должно складываться в рамках исследовательской, управленческой, образовательной и иной практики, заимствуя из нее рамки, ориентиры и т. д. Вне такой объемлющей системы любое понятие является абстрактным и нерабочим, то есть не применимым для понимания и организации действия.

Третье, понятие о сложном феномене должно постоянно развиваться и наполняться новым содержанием. Фиксация понятия в определении останавливает понимание этого явления в определенный момент, что может стать источником архаичности представлений, несовременности⁸.

Четвертое, формирование понятия в рамках деятельности по развитию городов должно быть междисциплинарным и межпредметным. Это требование может быть выполнено, если понятие о городе будет включать в себя три составляющие:

- Онтологически-описательную, включающую в себя все возможные представления о том, каков город (парадигматика).
- Нормативно-деятельностную, включающую в себя нормы мышления о городе и действия в рамках города, городского образа жизни (синтагматика).
- Ценностно-прагматическую, представляющую весь комплекс отношений к городу, который задает мотивацию, его место в ряду других ценностей и приоритетов (прагматика).

Опираясь на выдвинутые принципы, процесс формирования понятия о городе становится тем процессом, который должен организовывать работу по всему предлагаемому учебному содержанию.

Далее кратко остановимся на истории белорусских городов и отдельных содержательных выводах, сделанных в рамках исследования малых городов, чтобы задать минимальные содержательные представления для дальнейшей работы.

3. История белорусских городов

Периодизация развития городов может быть более или менее подробной и основываться на разных принципах. Исторические исследования, претендующие на объективность, стремятся вывести критерии такого деления в статус не зависящих от каких бы то ни было ситуативных целей и задач. Здесь нет места подвергать критике такой взгляд на историю. Отметим лишь, что в рамках работы над понятием о городе нам требуется историческая ретроспектива, которая опирается на важные для нас содержательные принципы. Понятие о городе не может быть внеисторичным, однако принципы восстановления этой истории связаны с нашими целями и прагматикой, а не задаются извне. Поэтому мы обратимся к периодизации истории городов, которую давал Ф. Бродель¹: *открытые* (где городские жители практически не отличались от жителей окружающих сельских поселений), *закрытые* (самодостаточные, живущие по своим, установленным в городской общине нормам и законам) и *города, попавшие под опеку правителя или государства*. Такое деление улавливает важное для идеи города изменение сущности выделения городов среди прочих населенных пунктов, которые формируют городские организацию и образ жизни.

Основные характеристики городского развития Беларуси синхронны тенденциям, которые были характерны для региона, включавшего в себя Англию, Германию, скандинавские и славянские страны. В этом регионе большинство городов возникало во времена развитого средневековья, в отличие от других европейских регионов, где городские формы были и раньше, в античные времена.

В период существования *открытых городов* (до X века) на территории Беларуси были распространены городища, выполнявшие оборонительные функции (городище-крепость). К ним часто примыкали и экономически бойкие места (месца). В этот период жители городов были подчинены преимущественно сельскохозяйственному циклу и только на определенное время (осады или ярмарки) меняли свой образ жизни на несельский².

Период *закрытых городов в Европе* (XI-XV века) характеризовался тем, что города обрели финансовую мощь и за счет этого стали независимы от окружающих поселений. В городах сосредоточились люди редких, особенных занятий (ювелиры, медики, служители церкви и т. д.), там концентрировались финансовые, оборонительные и социальные услуги, а также торговая инфраструктура. Этот период белорусской истории плотно насыщен событиями, которые от-

1 Сегодня проблема наличия самоуправления, городских прав и свобод нередко сводится к отсутствию соответствующей законодательной базы. Это указание, несомненно, оправданно. Неоправданна лишь иллюзия, что при приведении в соответствие законодательных документов решится проблема отсутствия самоуправления.

2 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное М., 2-ое изд., 2006

мечают частую смену не только политической ситуации, но культурного влияния, в том числе на формирование городов и городской культуры. Во времена Киевской Руси большинство белорусских городов обустроивались по нормам и образцам, пришедшим от восточных соседей — детинец (княжеский двор, административные здания), окольный город (в крупных городах его заселяли богатые горожане) и пасад (ремесленники и прочий люд). Их развитию способствовали торговые пути, связывающие Европу с Византией. С упадком Византии и белорусские города стали терять свой потенциал развития.

В период формирования и расцвета ВКЛ развитие городов на территории Беларуси продолжалось под преимущественно западным влиянием. В частности, после аграрной реформы 1557 года (Устав на волоки) и административно-налоговой реформы городские общины отделились от сельских и в правовом, и в деятельностном отношении. Шагом формирования собственной организации жизни стало распространение Магдебургского права, защищавшего горожан от своеволия феодалов и монархов. В результате распространения практики получения такого статуса в жизнь городов входила практика самоуправления, формирования цеховых сообществ и гильдий, возможности формирования уникальных для каждого города систем норм и правил. К оборонительной и экономической функции добавилась и культурно-коммуникационная. Города становились центрами новых технологий и образования. Совмещение культурных традиций в развитии городов не позволило им стать в полной мере «закрытыми». Белорусские города сохраняли некоторые признаки открытости вплоть до XVI века. Особым феноменом развития городской культуры в Беларуси стали местечки, которые в последующий период оказались местами сохранения самобытного устройства жизни между городом и селом.

Новое время в Европе (XVI — конец XVIII) характеризовалось быстрым оформлением государств как основных субъектов политических и экономических отношений. И города постепенно стали делить свое значение и значимость в организации жизни с государствами. Города попадали под опеку или были вынуждены устанавливать отношения с государствами и их правителями. И дальнейшее формирование городской организации и городского образа жизни происходило под влиянием этих тенденций. Государства в своем развитии переняли и прошли те формы организации жизни, которые были присущи городам — приемы управления, образ мысли и т. д. Поэтому национально-государственное устройство современного мира можно считать городским. Можно сказать, что период соподчинения и координации жизни городов и государств продолжается до сих пор.

В отличие от Западной Европы власть литовских князей была не так сильна, и белорусские города только укрепляли свою независимость и самостоятельность. В это время в отношении развития городского права и судебной системы белорусские города опередили развитие многих западноевропейских городов, здесь появились социальные институты, которые были на попечении города — госпитали, приюты и т. д. Можно сказать, что на фоне экономической слабости, которая не давала возможности реализовать полностью весь потенциал, белорусские города были передовыми в отношении развития городского образа жизни и социального устройства. Беларусь в это время переживала рост числа и значимости местечек, которые даже могли получить Магдебургское право наравне с городами. Эти тенденции были характерны для Беларуси до середины XII века.

«Кровавый потоп», а затем и Северная война (1700-1721) практически остановили развитие городов. Слабое государство не имело возможности и потребности восстановления городов. На фоне общего экономического разорения снижался товарооборот, гасла и не развивалась торговля. В предыдущий период белорусские города не накопили богатства и потенциала для своего восстановления. Все европейские перспективные тенденции — театр, архитектура и т. д. — перемещались в феодальные поместья. В то же время именно в этот период в белорусских городах вперед стал выходить класс мещан, который к концу XVIII века стал сословием, полноправно вошедшим в городское сообщество. К этому времени стали постепенно оформляться отношения между государством и городами как самостоятельными субъектами, запаздывая за общеевропейскими тенденциями.

По мнению З. Шибеки — специалиста по истории городской цивилизации, такое опоздание и слабость белорусских городов стали причиной незащищенности всего ВКЛ от более сильных соперников — России, Пруссии и Австрии.

Следующей важной вехой в развитии городов стала *индустриализация*, начавшаяся в Европе с конца XVIII века. Белорусские города, в большинстве своем вошедшие под власть Российской империи, во многом утратили синхронность развития с европейскими городами. Жесткое подчинение городов централизованному администрированию, которое было нормальной практикой управления в Российской империи, стало менять облик и образ жизни в белорусских городах, которые постепенно отдавали свои «завоевания». Можно выделить несколько основных характеристик этого периода:

- Прерывание традиций городского образа жизни в силу частой смены статуса поселений, которая опиралась на административные решения, не принимая в расчет сложившуюся историю и традицию. Так была перекроена карта административных центров, которые выбирались, исходя из удобства управления, а старые и более развитые города получали статус местечек. Затем прокладка железных дорог еще раз «переоценила» все города, и многие наиболее развитые остались в стороне от главных транспортных и коммуникационных путей.
- Экономическая политика России не была ориентирована на развитие белорусских земель как индустриальных, они не получали государственные заказы, и индустриализация шла силами местных аристократов в их поместьях. В целом, достижения городов растягивались по поместьям и местечкам.
- Поменялся национальный состав населения белорусских городов, оно стало преимущественно еврейским, поскольку они не имели возможности заниматься сельским хозяйством. Известный факт, что по отношению к сельскому населению белорусских земель царский режим был более лоялен, получает объяснения в политике по отношению к городскому населению, которое облагалось дополнительными налогами и не имело привилегий. Таким образом, происходило разрушение трансляции городской белорусской культуры.

До начала XX века белорусские города практически не развивались как явление, хотя общеевропейские тенденции бурного роста городов и развития городской культуры так или иначе проникали в них.

С начала XX века европейский город становится центром жизни и продвижения новых идей, которые активно переносятся и на нормы устройства жизни и на внешний вид городов. В это же время отношения между государством и городами приобретают технологично функциональный вид. Крупные города становятся центрами жизни государств, а средние и малые находят способы взаимовыгодных отношений и специализируются в той или иной сфере (туризм, образование, производство и т. д.), получая преференции от государства. Развивается футуристическая идеология, которая была воспринята советской властью как руководство к действию.

Более подробно эффекты индустриализации и урбанизации советского периода будут рассмотрены в другом разделе. Здесь необходимо отметить, что советская индустриализация и быстрый рост городов на территории Беларуси были связаны не с восстановлением прерванной линии европейского развития города и городского образа жизни. Они несли в себе антигородскую идеологию. Советская урбанизация опиралась на города как элементы в общей машине, но не на города как самостоятельные субъекты. Вместе с гигантскими потерями городского населения в первую и вторую мировые войны, эти установки практически полностью разрушили городскую культуру в Беларуси, создав некий «заменитель» ее в виде советской культуры и советского образа жизни. Внешнее подобие городов Беларуси на европейские города, созданное за счет индустриализации, не должно скрывать отличий в понятии о современном городе и городском образе жизни.

4. К понятию о современном белорусском городе: проблемы городской жизни и типология малых городов

Жизнь в малых городах течет в размеренном ритме и вполне упорядоченно. Это означает, что период катаклизмов, радикальных трансформаций и некоторого хаоса (а он, надо полагать, все же наблюдался в малых городах, хотя по этому поводу специальных исследований не было) закончился. Стали складываться устойчивые формы организации различных сторон жизни. Складываются они стихийно, без направленного воздействия. С одной стороны, они втягивают и воспроизводят весь предыдущий советский опыт в той мере, в которой он вписывается в нынешнюю ситуацию. С другой стороны, за постсоветский период где-то спонтанно, а где-то через заимствование западных норм сложились новые формы и проявления жизни и деятельности (организовался бизнес, появились новые виды развлечений, отдыха, по-другому стало планироваться будущее детей и т. д.). Большинство таких, возникавших спонтанно изменений были, в конце концов, упорядочены и сведены к стандартным формам: всякая ненормированная активность утилизировалась и канализировалась. Однако эта стандартизация не везде удалась, и отдельные феномены закрепились в качестве полноправных элементов жизни современных малых городов Беларуси. Сейчас потенциал этих инноваций очень невелик. Они очень мало и неравномерно распространены по стране. С другой стороны, условия выживаемости всегда таят в себе возможность сведения «живых» феноменов либо к коррупции, либо к фиктивно-демонстративной деятельности, либо к поиску более благоприятных условий в больших городах и т. д.

Материал, собранный в ходе исследований, позволяет выделить и сформулировать несколько констатаций и существенных проблем, касающихся тех или иных сторон жизни малых городов и их перспектив быть или стать городами.

1. В большинстве малых городов нет сколько-нибудь развитой публичной жизни и соответствующей инфраструктуры. В некоторых случаях есть только ее зачатки, не достаточные для того, чтобы считать их признаками города. Население погружено в частную жизнь, загружено повседневными, локальными заботами. Это уже не заботы выживания, но все же заботы, связанные с обеспечением нормального уровня жизни. Из круга этих забот люди практически не могут выбраться, у них просто нет свободного времени не только для того, чтобы заниматься городскими или общими делами, но даже для того, чтобы начинать думать об этом.
2. С проблемой публичной жизни связана проблема активности и свободного времени. Организация жизни в поселениях направлена на утилизацию активности и того незначительного свободного времени, которое все-таки иногда появляется у людей. Культивирование потребительского и патерналистского отношения не позволяет находить и пытаться реализовать иные формы активности или употребления свободного времени, кроме тех, которые предлагаются и обеспечены государственной поддержкой. Эта проблема связана с переосмыслением целей и ценностей развития и организации образа жизни.
3. Еще одна существенная проблема — проблема историчности и сохранения целостности и идентичности в жизни малых городов и городских сообществ. Многочисленные разрывы практически на всех уровнях: начиная от межличностной и межинституциональной коммуникации, заканчивая культурными катастрофами национального масштаба, обнаруживающими себя в истории каждого города, — не позволяют сформировать город как более или менее целостный объект в сознании и деятельности его жителей. Разрывы и барьеры наблюдаются и между различными социальными группами, и между поколениями, и между отдельными активными людьми.

Эти проблемы представляются столь глубокими, что могут показаться практически неразрешимыми. Но отказ от деятельности не должен становиться принципом и установкой. Вопрос лишь во времени, ресурсах и усилиях, которые должны быть приложены для приведения ситуации в соответствие с желаемым состоянием. В этом отношении вдохновляющим примером может

служить практика больших городов, правда, увы, не белорусских. Так, например, жители Вены⁸, почувствовав, что перестали жить как город, потратили 4 года только на то, чтобы поставить эту проблему перед заинтересованными в возрождении города субъектами и договориться о начале работ. Разработка программы развития и превращения Вены в город (возвращения ее к городской жизни), а также ее реализация вряд ли займет меньше времени.

В ходе экспедиций и работы над собранным материалом мы можем наметить несколько направлений такой концептуальной работы. Во-первых, это типология малых городов, которая бы апеллировала к тем факторам их жизни, которые задают различные направления и импульсы в развитии, создают варианты такого развития. Например, среди белорусских малых городов сейчас можно выделить следующие типы:

- Узловые города, возникшие и существующие за счет нахождения на пересечении разного рода путей и связей — транспортных, коммуникационных, административных. Этот тип похож на города, возникшие на торговых путях.
- Административно-инфраструктурные города, которые обеспечивают функционирование некоторых более широких социально-территориальных организаций. Они существуют за счет выполнения функций администрирования, управления и обеспечения.
- Конверсионные города, для которых возможность сохранения там жизни связана с необходимостью «переработки» некоторого наследия (и материального, и организационного), которое осталось им от размещения военных баз или от ранее существовавших больших предприятий.
- Туристические города, потенциал которых связан с восстановлением и использованием либо исторического, либо природно-ландшафтного капитала. Чаще всего, это древние города, потерявшие свой былой статус, но не потерявшие желания выжить.
- Промышленные города, опирающиеся на обеспечение рабочей силой и инфраструктурой работающих или возникающих предприятий.

Это, безусловно, не полный и не окончательный список. Важно, что развитие в каждом из типов должно апеллировать к совершенно разным вещам: торговле, инфраструктуре, предпринимательству, благоустройству среды и т. д. Общее же состоит в необходимости осознать свою специфичность и отнестись к ней по-хозяйски.

Вторым направлением является создание индикаторов и показателей, способных определить потенциал развития городов, его изменение. Они позволят адекватно сравнивать города, оценивать их сильные и слабые стороны, перспективы развития, а также намечать пути движения наиболее оптимальным образом. Такая оценка может быть связана с учетом тех мест и возможностей, где возникает самостоятельная активность, публичность и свободное время для мышления о городе.

ТЕМА 2. КАЧЕСТВО И ОБРАЗ ЖИЗНИ — БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ ДЛЯ МЫШЛЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАЗВИТИЮ ГОРОДОВ

1. Кризис образа жизни в структуре системного кризиса.
2. Понятие об образе и качестве жизни.
3. Понятия качества и образа жизни в постановке задач культурной политики в развитии городов.

1. Кризис образа жизни в структуре системного кризиса

Комплекс понятий, описывающих качественные и количественные характеристики организации жизни населения страны: образ, уровень, стиль и качество жизни — становится центральным для темы развития городов в рамках представлений о системном кризисе и том месте, которое в нем занимает сфера образа жизни.

Состояние, в котором оказались страны и народы на постсоветском пространстве, в скором времени стало осознаться как **системный кризис**. Одно из немногих аналитических представлений системного кризиса представляет собой разложение всей системы на пять составляющих процессов: кризис идеологии, кризис власти, кризис государственного управления, кризис хозяйства и кризис образа жизни.

Эти пять составляющих системного кризиса можно представить по аналогии с накатывающимися волнами. Несколько упрощая, можно сказать, что до поры до времени интенсивность кризиса нарастает, пока не достигает некой кульминации. После кульминации начинается спад. Спадает и интенсивность самого кризиса, и накал страстей, и сама проблематика отодвигается в общественном сознании с первого места на второе, а затем и далее.

Первым в череде кризисов обычно стоит *кризис идеологии*, который можно выразить в вопросе: какой путь развития выбирает страна — капитализм или социализм? Август 1991 года в Москве можно считать кульминацией кризиса идеологии. Вслед за кризисом идеологии большую актуальность приобретает *кризис власти*. Основной вопрос этого кризиса: кто возьмет на себя ответственность за ведение страны и нации в соответствии с выбором, который эта нация сделала, разрешая кризис идеологии? Интенсивность кризиса власти нарастает вместе с возникновением и структурированием общественно-политических элит. Результатом позитивного разрешения становится демократическая процедура смены политических субъектов у власти. В тех странах, в которых отсутствовали традиции демократии, на смену кризису власти приходит *кризис государственного управления*. Даже в тех странах, в которых в досоветский период уже были созданы соответствующие государственные институты и механизмы (Восточная Европа и советская Прибалтика), их приходилось воссоздавать заново, осваивать, совершенствовать и отлаживать. Поэтому момент учреждения нового государственного устройства становится кульминацией кризиса государственного управления. Следом за конституированием институтов государственного управления обнаруживается, что управление не обеспечено ресурсами: экономика страны в упадке. Именно в этот отрезок времени в рамках системного кризиса на первый план выходит *кризис хозяйства*. Оказывается, что проблемы хозяйства требуют структурной реформы, часто полного переструктурирования, изменения специализации странового хозяйства в масштабах мирового разделения труда.

Изменения в общественном сознании, в идеологии, приобретение навыков участия в политической жизни, переинтерпретация функций государства, в первую очередь, в сфере отношений государства и гражданина, переструктурирование хозяйства — все это ведет к кардинальному пересмотру образно-жизненных оснований. Образ жизни отдельных людей, активно участвовавших в общественных процессах, начинает меняться с самого начала того периода, который мы характеризуем системным кризисом. Но только после кульминации кризиса хозяйства кардинальные изменения образа жизни осознаются основной массой населения, большинством нации. Экономически и

политически пассивные общественные группы лицом к лицу сталкиваются с изменением потребительских стандартов, качества образования и здравоохранения, культуры во всех проявлениях, семейных отношений и вообще повседневности. Этот момент осознания большинством населения изменения образажизненных оснований и можно считать кульминацией *кризиса образа жизни*.

Каждая отдельная страна описывается такой идеализированной схемой с той или иной степенью приближенности. Белорусская ситуация к середине 90-ых годов характеризуется синкретической нерасчлененностью составляющих системного кризиса. Фактически все волны системного кризиса как бы наложились друг на друга — и произошла интерференция. С практической точки зрения, это означает потерю контроля над общественными процессами, отказ от реформ и рефлексии. Этот отказ ведет к тому, что меняется последовательность разрешения отдельных составляющих системного кризиса и фактически *весь комплекс накопившихся кризисов начинает осознаваться и интерпретироваться в образажизненных терминах*.

Возможно, именно этот смысл содержался в метафоре А.Адамовича «Перестроечная Вандея». Вандея как символ консерватизма, традиционного уклада и образа жизни, по-своему оправданный страх иррационального будущего. Иррационального, то есть не промысленного, не проанализированного, не спланированного в рациональных категориях. Понятия, категории, нормы и представления об образе и качестве жизни, которые сформировались в период ускоренной индустриализации советского образца, не были подвергнуты сколько-нибудь существенной критике. Наоборот, они стали неоспоримым основанием для принятия решений в политической, экономической и социальной сферах.

К 1991 году огромные массы людей были поставлены перед необходимостью кардинально изменить свой образ жизни. При этом никто не был к этому готов.

Во-первых, потому что сознательно или бессознательно, но люди планировали свою жизнь, исходя из понимания предыдущей ситуации. Продвижение по карьере, приобретение собственности (в первую очередь жилья), образование, планирование семьи, обеспечение собственной старости и т.д. оказались недействительными. Удовлетворение элементарных потребностей требовало совсем других действий и поведения, чем год или два назад. Подавляющее большинство людей не имело образцов и планов организации жизни в новых условиях. Люди мыслили в категориях и понятиях, сформировавшихся годами и десятилетиями, руководствовались выученной, освоенной, принятой и казавшейся незыблемой советской системой ценностей и идеологии.

Во-вторых, рядом, в соседних странах (Польше, Литве), а частично и в самой Беларуси открываются рыночные перспективы и возможности. Растерянные и потерявшие ориентиры люди не рассматривали эти возможности и перспективы как свои. Они не имели ни достаточной квалификации и подготовки, ни, главное, желания их осваивать. Поэтому рынок начал распространяться и захватывать белорусское население в самых примитивных и неприглядных формах. Люди не выбирали новый образ жизни, а были вытолкнуты в него, вопреки своей воле. Те немногие, кто в этот период смог переориентироваться, вызывали у оставшихся отнюдь не желание им подражать, а зависть и раздражение.

В-третьих, в стране не существовало ни инфраструктуры, обеспечивающей новые формы жизни и деятельности, ни нормативной и правовой базы, регулирующей и регламентирующей ее, не было даже политической воли для управления процессами изменений. При этом проблем и оперативных задач, требующих решения, возникало множество. И все решения этих проблем и оперативных задач стали принимать архаичные формы на грани, а порой и за гранью цивилизованности и морали.

К 1994 году все нерешенные составляющие системного кризиса наложились друг на друга, страна больше не могла существовать в режиме бесконтрольного распада. Вызревало радикальное политическое решение — советский реваншизм и контрперестройка. Избранный первый президент независимой

Беларуси предложил программу возврата к советским порядкам, к восстановлению советского образа жизни.

К началу XXI века социальная структура крупных индустриальных центров была стабилизирована, заводы начали работать, хотя численность занятого в промышленности персонала осталась на уровне кризисных лет. От примитивных форм торговли стали переходить к индустриализированной и технологизированной.

На сегодняшний день очень трудно оценить те изменения, которые произошли в социальной структуре и образе жизни, благодаря новой волне индустриализации и урбанизации. Трудно понять, что в современном положении дел является новым, а что видоизмененным старым. Политика и экономика, начиная с 1994 года, строились на основе идей, проектов и подходов, заимствованных из прошлого периода развития страны. Поэтому в процессе разворачивания этой волны индустриализации и урбанизации не было нужды в научном, теоретическом и исследовательском обеспечении. Соответственно и категории, и понятия, используемые в анализе и практике управленческих решений, были заимствованы либо из прошлого, либо из «открывшихся» для изучения западных теорий и исследований. Ни в том, ни в другом случае понятия из сферы образа жизни не рассматривались в рамках системного кризиса, тем более, сама сфера не рассматривалась и не могла рассматриваться как сфера, через которую возможно разрешение наложившихся друг на друга кризисов.

Выше мы описали ситуацию, сложившуюся в сфере образа и качества жизни в современной Беларуси как требующую реформирования. Причем именно с реформированием этой сферы, то есть с разрешением кризиса образа жизни мы связываем начало поэтапного разрешения всего системного кризиса, в котором находится Беларусь.

Суть кризиса образа жизни состоит в том, что новые индивидуальные и коллективные формы организации жизни, улучшения качества жизни, выбора образа жизни противоречат сложившимся в обществе и государстве формам и способам принятия решений и регулирования. Несмотря на наличие государственных программ, направленных на работу с уровнем жизни, вся эта сфера целиком складывается стихийно, поскольку программы не принимают во внимание процессов глобализации, действующих независимо от этих программ. Действие же процессов глобализации создает условия для широкого, практически неограниченного притока новых образцов и эталонов жизни. Они осваиваются и реализуются в белорусской ситуации стихийно. Новые социальные феномены, структуры, связи и субъекты остаются за рамками понимания, объяснения и рационального отношения, включая законодательное регулирование.

Чтобы признать существование и возможности неограниченного расширения разнообразия образов жизни, которое возникает благодаря процессам глобализации, необходим пересмотр представлений о том, каким должно быть белорусское общество и как им можно управлять. А это требует переопределения всего комплекса понятий и категорий, на котором строится социальная практика.

2. Понятие об образе и качестве жизни

Поскольку наша работа ориентирована на изменение политики управления и социальных программ в стране, необходимо, в первую очередь, сформулировать представления о том, чего мы хотим достичь в сфере образа жизни. Поэтому начнем с категории **«качество жизни»**, как так она имеет модальный, оценочный характер («хорошо — плохо», «качественно — некачественно»). Содержание этой категории задает критерии для оценки жизни и способы работы с социальной реальностью.

В современной западной науке это понятие достаточно хорошо проработано и доведено до измеримых показателей и индикаторов, которые широко используются в политической и социально-управленческой практике. *Качеством жизни* называют совокупность материальных, социально-демографических, политических и т. п. условий жизни и уровень их развитости. Особое значе-

ние при использовании этой категории имеет оценка уровня демократизации, состояния здоровья населения и состояния окружающей среды, возможности образования, степень социальной защищенности и т.д. То есть оцениваются «существенные обстоятельства жизни населения, определяющие степень достоинства и свободы личности каждого человека³».

В результате, это понятие фиксирует максимально широкий спектр человеческих потребностей и требование к созданию условий для их реализации вне зависимости от каких бы то ни было социальных, экономических, этнических и прочих характеристик человека. Непосредственно оно не связано с понятиями и категориями, фиксирующими качественную, содержательную сторону организации жизни (образы или стили жизни). Оно призвано скорее фиксировать наличие или отсутствие условий для реализации разных способов, типов, образов и стилей жизни. Предполагается, что выбор образа жизни происходит свободно, в рамках имеющихся условий. Поэтому задачи социальной и политической практики состоят в том, чтобы улучшать эти условия и таким путем улучшать качество жизни.

Для *советского обществоведения* характерен совершенно иной подход к определению качества жизни. Собственно категории «качество жизни» в советской науке не существовало. Как и в любой закрытой общественной системе, все характеристики и стороны жизни (оценка, образ, уровень и т.д.) рассматривались как детерминированные разделением на классы, слои или группы. Причем сами классы и слои определялись на основе предписанных, объективных характеристик, таких как происхождение, место рождения и т.д. Вопрос об оценке или сравнении характеристик жизни мог ставиться только в отношении динамики тех или иных, в первую очередь, количественных характеристик в рамках каждого класса или слоя отдельно, но не между ними.

Однако в качестве альтернативы западному «качеству жизни» в советском обществоведении стало разрабатываться другое понятие — «образ жизни». В нем были сведены одновременно и модальная, и описательная стороны³. В этой категории фиксировались качественные, содержательные отличия организации жизни в разных слоях. Через образ жизни давалась некое описание того, как устроена повседневная жизнь того или иного социального слоя. С другой стороны, образ жизни имел нормативный и идеологический статус, как описание **образцового** способа организации повседневной жизни людей. «Качественность» жизни раскрывалась непосредственно в содержательных характеристиках образа жизни, через сравнение того, что есть, с тем, какой должна быть жизнь советских рабочих, колхозников и т.д. Наиболее показательным в этом отношении (и наиболее идеологически нагруженным) был «социалистический образ жизни», концентрировавший в себе все преимущества советского общества перед буржуазным. Именно в таком виде (как описание должного, правильного) он использовался в принятии управленческих решений, ограничивая представления тех, кто принимает решения, о должных или о допустимых способах устройства повседневной жизни граждан.

Таким образом, вопрос о качестве жизни рассматривался только в рамках уже имеющихся социальных категорий (сельские / городские жители, рабочие / колхозники / интеллигенция), которые привязаны к жесткой социальной структуре. И суть вопроса сводилась к тому, насколько соответствует имеющийся образ жизни идеальным и идеологическим представлениям о потребностях данной группы людей. Росли потребности (благодаря заботе советского государства) — изменялся образ жизни.

В таком употреблении «образ жизни» всегда вторичен, хотя с его помощью что-то описывают и нормируют, но он сам задается объективной социальной структурой. Поэтому не может быть образов жизни больше, чем социальных групп или слоев. Появление нового, не вписывающегося в имеющиеся представления о социальной структуре образа жизни может быть расценено как маргинальное явление, подлежащее «исправлению». Новый образ жизни не

³ «Образ жизни — понятие отечественной социологии, характеризующее конкретные социокультурные интерьеры (типичные формы, способы и механизмы) жизнедеятельности социальных субъектов» Абушенко В. Образ жизни // Социология: энциклопедия — Мн.: Книжный Дом, 2003.

может изменить социальную структуру и социальные отношения, не может стать основанием для рассмотрения нового слоя, класса или группы. Исходя из таких понятий образа и качества жизни, проникающие сейчас в Беларусь новые образы жизни считаются маргинальными. Их существование и их носители не учитываются в принятии управленческих решений по организации «качественной жизни».

И хотя за последние десятилетия в категориальный аппарат белорусской науки и управленческой практики было перенесено западное понятие «качество жизни», само по себе оно не смогло изменить способа мышления и деятельности в этой сфере. Поскольку перенесены были уже стандартизированные показатели и индикаторы измерения условий жизни. Их можно формально прикладывать к любому обществу. Для изменений в этой сфере необходимо сформулировать такое понятие, которое отражало бы и фиксировало трансформацию оснований в понимании «качественной» и «некачественной» жизни.

Это приводит нас к необходимости акцентировать в содержании понятия «качества жизни» не описательные, а деятельностные составляющие. **«Качество жизни» — характеристика организации жизни, которая фиксирует свободу выбора и возможность реализации любого избранного образа жизни.**

Это предполагает, во-первых, **наличие экспозиции, веера возможных образов жизни**, а во-вторых, **обеспечение возможности их реализации**. Но можем ли мы выбирать и реализовывать избранный образ жизни индивидуально, или этот выбор является результатом социальных взаимодействий? Очевидно, что мы влияем на образ жизни друг друга, и на выбор, и на реализацию. А раз мы влияем, то должны договариваться. Поэтому в категорию качества жизни должны быть включены **условия для диалога и согласования разных образов жизни**.

Такое понимание качества жизни близко современным западным представлениям. Но есть и существенные различия. Чтобы решить стоящую перед нами задачу и коренным образом изменить практику работы с образами жизни, мы делаем акцент на *деятельности, на искусственном отношении* к этой сфере. Это касается и *создания экспозиции образов жизни, обеспечения* возможностей реализации и *формирования* механизмов согласования. Для западных обществ эта категория применяется уже для *оценки* удовлетворительности и развитости условий для реализации любых образов жизни, то есть на динамике роста или снижения показателей. Для нас же сейчас важнее фиксация качественной смены принципов и способов работы в этой сфере.

Предлагаемая категория качества жизни задает иные, по сравнению с советским вариантом, соотношения между категориями уровня и образа жизни. В закрытом советском обществе и образ, и уровень жизни — это две характеристики жизни тех или иных классов, групп или слоев. Изменение уровня жизни конкретных групп или слоев соответствовало изменению их потребительской корзины. Это, в свою очередь, приводило к росту потребностей и появлению новых способов удовлетворения этих потребностей. В результате роста уровня жизни менялся и образ жизни. Причем рост уровня жизни не приводил к смене одного образа жизни на другой — городского на сельский, образа жизни рабочего на образ жизни интеллигента. Рост уровня жизни приводил к замене старого городского образа жизни на новый городской образ жизни. Итак, характеристики образа жизни изменяются вслед за изменением уровня жизни.

Вводимая нами категория качества жизни задает обратное соотношение. Если нам важна возможность выбора из широкого спектра образов (образцов) жизни, которые не связаны с принадлежностью к социальным слоям или группам, тогда уровень жизни становится **задачей** или **условием**, которое необходимо выполнить, чтобы воспользоваться этой свободой и реализовывать тот или иной образ жизни. Уровень жизни становится «зависимым» от того, какой образ жизни выбран. Для одних образов жизни набор материальных, социальных и иных благ может быть очень высок, для других — крайне низок, но всякий раз этот набор задается не принадлежностью к социальному слою, группе, классу, а выбранным образом жизни.

Сформулированная нами выше категория «качества жизни» требует изменения и переосмысления категории «образ жизни». И здесь мы встретимся с противоречием между **изменчивостью образа жизни**, с одной стороны, и **мультипликацией образов жизни** — с другой. Во-первых, *образ жизни* — это *определенный способ жизни человека или группы людей*, типичность, регулярность, качественная специфика, скрывающаяся за многообразием различных проявлений и организующая их. Это то, что подлежит изменению, объективации и исследованию динамики. Во-вторых, *образ жизни* — это *отображение, картина, слепок, зафиксированная норма и эталон*. В этом качестве он не подлежит изменению, каждое изменение — это новый образ жизни, который, будучи зафиксирован в образце, может стать предметом трансляции и реализации.

Эти два разных аспекта «образа жизни» требуют различных стратегий исследования. Для объективации и регулирования и нужны количественные показатели (распространенность и встречаемость того или иного образа жизни, характеристики потребления, доступность социальных благ и т.д.). В том числе изменчивость или консервативность, социальная мобильность и т.п. Для создания и предъявления широкого спектра образов жизни необходима герменевтическая работа с образцами, их фиксацией и предъявлением.

На данном этапе развития гуманитарного знания мы располагаем необходимым инструментарием для исследования образа жизни и всей сферы человеческих отношений, с этим связанной. Но мы точно не знаем, какой круг явлений подлежит первоочередному исследованию и анализу. Чтобы разобраться с этим, следует выяснить, как и зачем это делать? Но сначала нужно разобраться с тем, что в этой сфере является **естественным**, а что **искусственным**?

Распространенной ошибкой при рассмотрении социальных явлений и процессов, в том числе и в сфере, связанной с образом жизни, является отношение к ним как к естественным или квазиприродным. Существование естественных, природных объектов и явлений не зависит от знания о них, чего нельзя сказать об искусственных процессах и явлениях. Искусственное отношение предполагает, что мы рассматриваем социальные явления как результат и как предмет целенаправленной человеческой деятельности. Если мы хотим изменений в сфере образа и качества жизни, то нам необходимо *оискусствление* явлений и процессов в этой сфере.

Если же мы по тем или иным причинам не знаем, не умеем, не можем или не хотим обращаться с процессами и явлениями как искусственными, они, по сути дела, становятся квазиестественными и начинают существовать сами по себе (по крайней мере, для тех, кто так их воспринимает). Происходит *оестествление* социальных процессов и явлений.

Некоторые социальные процессы могли быть порождены творчеством и активностью людей и контролироваться людьми. Но сохранение контроля требует определенной квалификации и подготовки. Тогда искусственность или естественность этих явлений становится в зависимости от сохранения подготовки и квалификации людей. Если по тем или иным причинам должный уровень квалификации не удастся поддерживать, то запущенные процессы перестают контролироваться людьми и оестествляются или отчуждаются от управления. Следует признать, что для большинства людей в большинстве культур управление и контроль в сфере образа жизни недоступны, но мы сейчас обсуждаем *принципиальную возможность искусственного или естественного отношения к процессам и явлениям в сфере образа жизни*. Только наличие такой принципиальной возможности делает нашу работу осмысленной.

Распространение гуманитарного знания и оснащение профессиональных языков понятиями и категориями, допускающими искусственное отношение к процессам и явлениям в сфере образа жизни, характеризуют открытое общество и городская цивилизация. Соответственно развитие городов в Беларуси, которое мы рассматриваем как распространение определенных принципов в организации общественной жизни непосредственно связано с введением новых представлений об образе и качестве жизни, позволяющих исследовать и управлять взаимодействием и согласованием разных норм.

Введенные выше представления о качестве жизни предполагают, что поня-

тием «образ жизни» должны описываться и схватываться явления и процессы, и как естественные, и как искусственные, с возможностью последующего осмысления или оестествления. Достичь этого можно через дальнейшее разведение и прояснение двух аспектов понятия «образ жизни», которых мы уже касались выше.

Первый — это образ жизни как определенный набор норм, согласно которым организуется жизнь человека или группы людей, это то, чем и как живет человек. Он, как правило, попадает, погружается в ситуацию реализации одной из норм и рассматривает ее как данность, как естественную среду. Со временем эта среда может изменяться, в результате меняется и образ жизни людей. Вне специальных особых ситуаций это нерефлектируется как целенаправленный и организованный процесс. В этом отношении образ или образы жизни подлежат исследованию, описанию, фиксации. Через представления о многообразии и содержательных отличиях образов жизни мы можем уловить и понять актуальную жизнь в стране, распространенность и содержательное наполнение тех или иных норм и способов жизни.

Искусственная сторона понятия образ жизни связана с другим аспектом, с отношением к «образу жизни» как знаку, образцу, который является элементом диалога и согласования между различными социальными субъектами. Здесь важно не содержательное описание и объективные характеристики распространенности того или иного образа жизни, а фиксация его как нормы, образца, который должен быть включен в диалог. В этом качестве образ жизни является элементом в принятии управленческих и политических решений, которые направлены на обеспечение условий для существования и сосуществования многообразия образов жизни в одном пространстве, а также возможностей реализации этого разнообразия.

3. Понятия качества и образа жизни в постановке задач культурной политики в развитии городов

Подводя итог нашим рассуждениям над понятиями образа и качества жизни, следует зафиксировать следующее. Для того чтобы обеспечить качество жизни как возможность свободного выбора любого образа жизни и рассматривать городское развитие как задачу, необходимо признать, что:

- все имеющиеся в белорусском обществе способы организации жизни представляют собой культурную и социальную ценность;
- все они имеют право на существование и включение в выстраивание общественных отношений.

Однако простого признания будет недостаточно, поскольку обеспечение качества жизни требует решения ряда задач.

1. Инвентаризация, описание и фиксация всех имеющихся образов жизни. Причем эта инвентаризация и составление экспозиции образов жизни в Беларуси не являются разовым действием, которое оканчивается составлением закрытого списка. Это должна быть постоянная исследовательская работа и мониторинг образов жизни в рамках открытого списка. Здесь образы жизни предстают феноменально — описательно и через указание на примеры, эталоны и образцы.
2. Исследование условий и возможностей трансляции и реализации каждого из выделенных и описанных образов жизни. Трансляция норм и способов организации жизни, механизмы и условия их реализации составляют характеристики бытия (существования) данного образа жизни в социальной реальности. Поэтому, кроме феноменального описания самого образа жизни как определенной нормы, образца и эталона, нам необходимо исследовать и фиксировать следующие моменты:
 - Субъектов реализации различных образов жизни (носителей).
 - Формы организации и институционализации, в которых осуществляется трансляция различных образов жизни (школы, ученичество, презентации и т.д.) и их реализации (формы организации, специальные условия и т.д.).

- Субъектов, целенаправленно занимающихся трансляцией тех или иных образов жизни. Тех, для кого предметом заботы и ответственности является воспроизводство этих образов жизни. Такими субъектами не могут быть индивиды-одиночки, задача организации трансляции образа жизни соразмерна только группам, сообществам.
 - Инфраструктуру трансляции и реализации. Наличие материальных, человеческих, технических и др. условий, которые необходимы для реализации определенного образа жизни.
3. Обеспечение возможности реализации разных образов жизни. Чтобы создать такие условия, образы жизни должны быть описаны уже не в содержательных характеристиках, а через общие *формальные параметры*:
- *Пространства*, требуемого для реализации того или иного образа жизни (географического и социального).
 - *Времени*, т. е. соотношения в том или ином образе жизни свободного и необходимого времени.
 - *Интенсивности*, т. е. характеристик темпа, мобильности и ритма того или иного образа жизни.
 - *Модальности*, т. е. оценки образов жизни как достойных или недостойных, современных или нет, хороших или плохих.

Политические и управленческие решения, ориентированные на обеспечение качества жизни, должны исходить не из конкретного описания должного, достойного образа жизни, а из задачи обеспечения инфраструктуры для реализации всех имеющихся и возможных образов жизни. Параметры этой инфраструктуры могут задаваться из характеристик необходимого пространства, времени, мобильности и т. д. Разница между имеющимися и необходимыми характеристиками и есть основание для принятия решений. Например, в городе должна быть возможность вести жизнь в разном темпе и с разной интенсивностью, должна быть возможность высокой географической и социальной мобильности, и возможность вести оседлый образ жизни, и возможность самому определять, что хорошо и что плохо.

4. Обеспечение представленности широкого веера, экспозиции образов жизни для выбора. Организация экспозиции образов жизни возможна только через пересечение или соприкосновение в одном пространстве людей с разными образами жизни. Организация таких соприкосновений и является элементом обеспечения качества жизни и основанием для принятия решений. Для «встречи» разных образов жизни в одном географическом пространстве требуются, например, отмена прописки, изменение визового режима, развитие инфраструктур и т. д. Для встречи образов жизни с разными социально-культурными характеристиками — свобода выбора школ для детей, организация не клубных и закрытых культурных мероприятий, а открытых и свободных концертов, где культуры могут встречаться друг с другом, где люди могут наблюдать экспозицию и делать выбор.

Соответственно, образы жизни в практике политических и управленческих решений должны задаваться не описательно, а формально и системно, через характеристики пространства, времени, интенсивности и т. д. И эти характеристики имеют количественное выражение.

ТЕМА 3. МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО КАК БАЗОВАЯ КАТЕГОРИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ

1. «Местные сообщества» как инструментальное понятие в рамках темы развития городов.
2. Механизмы разрушения местных сообществ в советское время:
 - 2.1. Сфера публичной жизни и административные отношения.
 - 2.2. Сфера личной, частной жизни.
 - 2.3. Культурная революция, воспитание нового человека и образование.
3. Характеристики местных сообществ в развитии городов.

1. «Местные сообщества» как инструментальное понятие в рамках темы развития городов

В предыдущих разделах мы ввели ряд понятий и категорий, необходимых для работы над городским развитием. В первую очередь, это понятие и идея города, которые выделяют и специфицируют область нашего интереса, задают аксеологическую рамку — нас интересует в городском развитии реализация идеи города, как квинтэссенции открытого общественного устройства, «открытого общества». Понятия образа и качества жизни являются инструментами для выделения объектов исследования и организации деятельности в рамках развития городов. В предыдущем разделе мы разбирали, как понятие образа жизни может стать ключевым для оценки качества жизни, для ответа на вопрос: является ли городом некое поселение? Культивирование и развитие многообразия образов жизни мы рассматриваем как характеристику городской организации. Но, кроме того, для нас важно зафиксировать и собственно *городской образ жизни* как совокупность норм, образцов мышления и действия, способов коммуникации, которые позволяют реализовать идею города, позволяют создать единство непохожих. Способность видеть «иное» и вступить с ним в коммуникацию, устанавливая нормы и правила взаимодействия и следовать им — все это входит в городской образ жизни.

Обозначив таким образом рамки и основные объекты нашего интереса, следует задаться вопросом о том, каким образом осуществляется трансляция и реализация этих образцов норм и идей. В сфере культуры за всю историю человечества накоплено большое число разнообразных норм, идей, идеалов, образов, которые могут быть реализованы в каждой конкретной ситуации, но могут так и оставаться в «хранилище» на многие годы.

Для выстраивания программ развития городов необходимо ввести категорию субъекта или носителя различных образов жизни, индивида или группы людей, в чьих действиях и мыслях эти нормы и образцы находят свою реализацию в каждой конкретной ситуации. Для обозначения таких носителей мы будем использовать понятия «сообщества» или «местного сообщества».

Основания для работы именно с этим понятием следующие:

1. Формально-логическое основание. *Функция трансляции образа жизни* (будь то те образы жизни, которые составляют разнообразие городского пространства, или же собственно городской образ жизни) — это *коллективно-распределенная функция*. Когда мы рассматриваем тот или иной образ жизни, мы можем обращаться к индивидуальным представителям как его носителям, но совокупность индивидуальных носителей одного и того же образа жизни, одной и той же нормы не выполняют функции ее трансляции. Чтобы эта функция выполнялась, она должна быть осмыслена и поставлена как цель, должна быть организована деятельность по передаче образцов, ценностей и установок. Такая деятельность требует некой формы единства, объединения вокруг общих целей, ценностей и установок. Более того, нередко осмысленность и целенаправленность деятельности утрачиваются со временем, когда она переходит в традиции и ритуалы. Актуально переживаемыми остаются связи и отношения между людьми, которые насыщены общими ценностями или общей «собственностью» —

одним делом, одним устройством социального и физического пространства, одной историей, разделяемыми ценностями и т. д. Таким образом, субъектом и носителем городского образа жизни являются коллективные субъекты — социальные организации, объединенные такими связями, которые позволяют выполнять функции трансляции того или иного образа жизни.

2. Содержательно-генетическое основание. *Понятие местных сообществ имеет свою историю и традицию использования в рамках темы местного развития, местного самоуправления, самоорганизации, а также близких к ним вопросов.* Можно сказать, что «местное сообщество» является неотъемлемым элементом и одним из важнейших объектов воздействия в большинстве программ развития, которые несут в себе демократические ценности и установки гражданского участия. При этом местным сообществам приписывается некая территориальная локализация (границы), определенная плотность связей и, главное, способность к самоорганизации и самоуправлению, способность принимать решения по отношению к тому, как будет организована их дальнейшая жизнь. Такая традиция использования данного понятия полностью удовлетворяет функциональным представлениям о субъекте городского образа жизни. Городское сообщество, в соответствии с самой идеей города, — это сообщество, способное самостоятельно организовывать отношения между представителями разных групп, профессиональных сообществ, общин и т. д. внутри города. При этом установки, нормы и модели такой самоорганизации являются самоценностью и содержанием городской культуры и городского образа жизни, который становится объектом сохранения, культивирования и трансляции из поколения в поколение. Эти обстоятельства делают приемлемым использование понятия «местного сообщества» в рамках темы городского развития в качестве рабочего, чтобы постепенно наполнять его содержанием в указанных рамках.

В рамках европейской цивилизации и демократической традиции любому населению на определенной территории приписывается, хотя бы потенциально, статус местного сообщества. Соответственно приписывается и способность к самоорганизации, наличие общих интересов, общей ответственности и т. д. Это обстоятельство приводит к тому, что в рамках задач развития (в том числе городского развития) ставятся задачи активизации, сплочения и усиления местного сообщества. Таким образом, сам вопрос о существовании местных сообществ не ставится — они рассматриваются как естественное условие совместного проживания людей.

Однако, констатируя отсутствие в Беларуси городов, мы можем также ставить и вопрос о том, *существуют ли в белорусских поселениях местные сообщества.* И первым ответом, который должен последовать за таким вопросом, является ответ: «Нет, не существуют». Этот ответ необходим не как окончательная констатация, а как возможность исследования проблемы местных сообществ в городах и постепенного наполнения данного понятия содержанием, необходимым для развития деятельности по восстановлению белорусских городов.

Принимая установку естественности существования местных сообществ для европейских городов, мы будем наполнять содержанием это понятие не через описание их природы, а через анализ тех существенных характеристик сообществ, которые были постепенно уничтожены в годы советской власти в белорусских и советских городах.

Наша задача состоит в том, чтобы найти не то, какие признаки местных сообществ в городе можно обнаружить, а те признаки, которые отсутствуют и которые следует восстанавливать.

2. Механизмы разрушения местных сообществ в советское время

Разрушение местных сообществ и местного самоуправления, которое мы констатируем в сегодняшней Беларуси, являлось результатом целенаправленной политики советской власти. Для достижения этой цели было задействовано достаточно много политических, административных и социальных механизмов и средств, каждое из которых разрушительно воздействовало на одно или несколько оснований, необходимых для существования местных сообществ.

Этот анализ предназначен не только для того, чтобы понимать истоки и причины нынешнего состояния, но и чтобы осознать всю глубину и укорененность данной проблемы в советском образе жизни, менталитете, способах мышления и поведения. Важно еще и то, что многие из этих механизмов действуют до сих пор (что по инерции, а что и целенаправленно реализуется), хотя иногда и в превращенных, закамуфлированных формах. Понимать это нужно, чтобы не строить иллюзий и не ошибаться, планируя и организуя деятельность по возрождению местных сообществ.

2.1. Сфера публичной жизни и административные отношения

Назначение руководителей: имперский порядок. Во всей истории Советской Беларуси начальство на всех уровнях назначались не из местных жителей — и на республиканском, и на областном, и на районном. Таков был негласный управленческий принцип. Руководитель не только не должен быть «местным», но и не должен быть включен в разного рода социальные взаимосвязи с населением. Он должен всегда оставаться представителем вертикали власти и проводником ее идей и решений, а не представителем населения.

Безвластность местных советов. Политика в отношении местных советов (местных органов самоуправления) состояла в том, чтобы поставить эти советы в полную зависимость от других субъектов власти, в первую очередь, от хозяйствующих субъектов, доминирующих на этой территории. Во-первых, они были лишены бюджетов, соразмерных потребностям подведомственных им территорий и населения. Во-вторых, местные советы не могли пополнять свой бюджет ни через налоги с населения, ни через налоги с хозяйствующих субъектов. Их бюджет формировался централизованно в вышестоящих инстанциях. Единственной действительной функцией местных властей была регистрация рождений, смертей, браков и т. д., а также выдачи справок для социального обеспечения.

Таким образом, основной механизм реализации интересов, воли и решений населения на местном уровне, фактически оказался заблокированным. Эта практика организации деятельности «местной власти» сохранила свои основные черты до сих пор, за исключением партийного руководства, чью функцию в современной Беларуси выполняет «президентская вертикаль».

Советская и партийная власти: дублирование власти. Именно принцип выстраивания отношений между властью советов и партийной заложил основной механизм управления обществом, которое сделало невозможным реализацию самоуправления и разрушило местные сообщества. В Советском Союзе, а значит и в БССР, любая административно-территориальная единица, начиная с районов и городов, предполагала две вертикали власти — совет соответствующего уровня (районный, областной, верховный), формировавший свой исполком, и территориальная партийная организация, формировавшая повторяющую Советскую вертикаль структуру. Причем партийные структуры располагали реальной властью, а Советы и их исполкомы находились у них в подчинении. Начиная с некоторого времени, дублирование Советской и партийной властей начало маскироваться устроением процедур принятия решений — участием соответствующих профсоюзных структур. Таким образом, видимое удвоение, а после и утроение власти реально маскировало тотальную власть КПСС и на протяжении всего периода существования СССР изолировало народ от влияния на власть, как в индивидуальном порядке, так и в форме каких бы то ни было объединений людей, сообществ или организаций, не подконтрольных партии.

Переход от насильственного поддержания такой противоестественной системы власти к традиции был возможен только ценой отказа от *способности к частной инициативе и способности к спонтанной или целесообразной самоорганизации людей в сообщества и жизнеспособные коллективы*. Самоорганизация на местном уровне не только была затруднена административными усилиями, но и постепенно стала не нужна людям, которые добровольно отказывались от решения вопросов обустройства своей жизни, перекладывая их на государственные органы.

Производственный принцип устройства партии. При переходе от подпольной террористической революционной партии к правящей и доминирующей пар-

тии в государстве большевикам-коммунистам пришлось переосмыслить принципы построения партии. Партийные руководители или исполнители должны были присутствовать в каждом без исключения поселении, воинском подразделении или производственном коллективе. Если раньше минимальные ячейки партии организовывались в соответствии с территориальной близостью, то после прихода к власти большевики стали строить свои структуры *не по территориальному, а по производственному принципу*. В городских условиях это означало, что партийные организации создаются не по месту жительства своих членов, а по месту работы. Таким образом, партийные организации контролировали не повседневную жизнь людей и условия этой жизни, а экономику и ресурсы. Привязка к территории партийных организаций осуществлялась на более высоком уровне, например, городов или частей города в городах с населением в несколько сотен тысяч человек.

Производственный принцип, использовавшийся компартией для укрепления своей власти, имел и иные долгосрочные последствия, а именно он приводил к такому сильному привязыванию людей к их месту работы, что делал *практически не значимыми и несущественными связи между людьми по месту жительства*. В городах это вело к тому, что соседи стали настолько не нужны друг другу, что перестали знакомиться. Обычным явлением стало то, что городские жители не знают, кто живет в соседней квартире. На селе, где видимая связь между односельчанами проявляется более явно, коллективизация и привязка к колхозам привели к тому, что даже необходимая помощь людей друг другу стала оказываться посредством колхозов.

«Приводные ремни партии и школа коммунизма». На протяжении разных периодов своего правления коммунистическая партия СССР изобретала различные формы контроля над непроизводственной частью жизни людей. Такой формой было, например, привязывание свободного времени городских жителей к обработке дачных участков, что позволяло им, с одной стороны, решать проблему дефицита продуктов, а с другой стороны, вело к разобщению людей, когда они находятся за пределами производства. Но самой главной формой контроля над свободным временем стали *советские профсоюзы*. В собственности профсоюзам была передана вся инфраструктура отдыха и большая часть инфраструктуры развлечений. Заработки советских людей не позволяли самостоятельно оплачивать туристические поездки, отдых на море или на природе, санаторное лечение или увлечение дорогостоящими видами спорта. Все это могло оплачиваться из средств советских профсоюзов. *Поэтому для удовлетворения своих интересов и увлечений советским людям не нужно было проявлять индивидуальную инициативу или сорганизовываться*. Эти обязанности перенимали профсоюзы. Редкие исключения стали появляться только в эпоху застоя, когда туристы, любители самодеятельной песни, молодежь с экзотическими увлечениями обрели возможность самостоятельно сорганизовываться. Именно эти проявления самостоятельности в виде неформальных экстерриториальных сообществ и стали опорой политической и общественной активности в годы Перестройки.

Таким образом, профсоюзы играли очень важную роль в контроле над индивидуальной жизнью советских людей. Они восполняли те пробелы, которые не охватывались партийным и производственным контролем. В то же время они также воспроизводили производственный принцип, привязывая все человеческое общение к самой неподвластной человеку структуре. Их назначение как раз состояло в том, чтобы сделать необязательным, а в некоторых случаях и невозможным, спонтанное объединение людей по интересам и увлечениям и какую бы то ни было самоорганизацию за пределами производства.

2.2 Сфера личной, частной жизни

Никакие формы контроля производственной и социальной жизни без вмешательства и изменения личной жизни и приватного пространства человека не могут быть устойчивыми и долговременными. Одним из самых действенных рычагов воздействия на сферу частной жизни людей, рычагом подчинения и контроля со стороны советской власти было распределение жилья, жилищных площадей и ресурсов. Советская власть с самого начала сосредоточила в своих руках все средства производства и материальные ресурсы, для того

чтобы привязать к себе каждого жителя страны. Чтобы никто не мог иметь независимого от советской власти источника средств к существованию.

Национализировав практически весь жилой фонд в городах, советская власть получила *контроль над процессами миграции и демографического воспроизводства*. Политика советской власти в области распределения жилья имела своими приоритетами *разрушение привычных социальных связей и отношений*, и достигалось это несколькими способами. Перечислим только самые массовые, самые яркие из них.

Коммунальные квартиры. Первоначально коммунальные квартиры организовывались с самыми благими намерениями — обеспечение обездоленных жильем. Но со временем стали очевидны пороки коммунальных квартир, которые по своему воздействию на людей и отношения между ними представляли собой не меньшую угрозу, чем жилищная обездоленность. В первую очередь, проблемы были связаны с невозможностью оптимальным образом распорядиться местами общего пользования. Во вторую очередь — с несовпадением образа жизни, культуры, традиций, обрядов и даже гигиенических навыков представителей разных слоев общества, заселявшихся в эти квартиры.

Постепенно в коммунальных квартирах сложился особый образ жизни и человеческих отношений. Советские люди научились жить в коммунальных квартирах и ладить между собой, но эта наука и этот лад *дались ценой отказа от свободного выбора образа жизни, ценой нивелирования образов жизни и стирания сословных, классовых, имущественных, культурных, национальных и религиозных традиций*. Получил распространение усредненный образ жизни и заниженный уровень потребностей. Вошло в привычку подавлять собственную индивидуальность в угоду миру и спокойствию жизни в коллективе, выйти из которого человек практически не имел возможностей в силу института прописки.

Установившиеся отношения, не стали основанием для развития местных сообществ. Во-первых, достигнутое усреднение являлось результатом не согласования взглядов и интересов, а их (интересов и взглядов) уничтожения. Во-вторых, жители коммунальных квартир, несмотря на то, что жили в них несколькими поколениями, не могли относиться к этому жилью как к своей собственности, которая требует заботы и долгосрочных планов. Зыбкость материального и социального положения, да и жизни вообще, зависимость от неподвластных человеку решений требовали, скорее, развития способностей индивидуального поиска лучшей жизни («теплого места»), чем какого-то совместного обустройства, кооперации и соорганизации.

Бараки. Ускоренная урбанизация советских лет при ограниченных инвестиционных ресурсах привела к тому, что в быстро развивающиеся города был направлен поток мигрантов из отсталых и депрессивных регионов. Проблема расселения решалась созданием дешевого жилья — бараков. Они были предназначены для временного размещения строителей или рабочих, а также для специалистов, привозимых на стройки. Однако с окончанием строительства новых предприятий расходы на капитальное строительство сокращались, поэтому практически все, кто не успел до окончания строительства получить постоянное жилье, оставались жить в бараках. Постепенно утепленные бараки превращались в постоянное жилье для нескольких поколений людей.

В более обеспеченные 60-70-ые годы для рабочих и мигрантов стали строить бараки усовершенствованного вида, которые назывались общежитиями или «малосемейками». Жизнь в бараках, а после в общежитиях характеризовалась одновременно несколькими негативными для выживания сообществ факторами: в первую очередь, временность жилья, конкуренция за право вырваться в более комфортные условия, осознаваемая бесперспективность этих стремлений и, главное, чувство и осознание, что от самого человека практически ничего не зависит. Все это порождало иждивенческие и патерналистские установки советского человека, который никогда не чувствовал себя полным хозяином ни своего жилья, ни своей жизни. Попытки опереться на чувство солидарности, взаимопомощи в районах барачной застройки практически бесперспективны.

Хрущевская градостроительная реформа. Программа жилищного строительства 50-60-ых годов заключалась в ускоренном, массовом строительстве дешевых многоквартирных домов с компактными квартирами и типовым набором удобств и услуг. Основной особенностью этого жилья стала теснота и ограниченность, которая, тем не менее, воспринималась как благо, поскольку это была все же отдельная квартира. Социальные и демографические последствия этой программы были разрушительны и почти необратимы.

«Хрущевки» практически завершили разрушение традиционной многопоколенной семьи у народов европейской части бывшего СССР. Разорвав поколения одной семьи и разбросав их по разным частям города, «хрущевки» уничтожили практически последнюю возможность для советского человека получить опыт жизни в мини-сообществах, какими были большие семьи, нередко включавшие в себя не только родственников.

«Хрущевки» также сильно ограничили рост нуклеарной семьи. Получения квартиры приходилось ждать очень долго, поэтому семьи вынуждены были планировать рождаемость, ограничивая ее размерами имевшихся квартир.

Образовались «спальные районы», что означало практическое отсутствие необходимой для активной и разнообразной жизни инфраструктуры. Поэтому жизнь людей протекала либо на производстве, либо в центральных районах города, где были сосредоточены места для всех видов времяпрепровождения. *Соответственно, в местах проживания люди практически не нуждались друг в друге.*

Институт прописки. Каждый советский человек посредством прописки привязывался к определенному месту жительства, к некоторой административно-территориальной единице. Экономические и культурные различия между территориями можно рассматривать как аналог сословных и феодальных привилегий. Родиться в столице означало иметь привилегии по рождению, не зависимо от личных талантов, способностей, трудолюбия и т. д. Но даже рождение в столице не гарантировало равных прав, поскольку человек не мог выбрать по собственному усмотрению школу для обучения, а вынужден был посещать ту, которая назначена по месту прописки.

В юридическом виде институт прописки, доставшийся Беларуси от СССР, сохранялся довольно долго, вплоть до 2007 года. Совсем недавно «прописка» была заменена на другую процедуру — «регистрацию». При этом по существу ничего не изменилось, что говорит лишь о важности этого института для сохранения социальных отношений и социальной структуры общества, существовавшего в Советском Союзе. В городах его эффективность во многом подорвана зарождающимся рынком недвижимости, а в сельской местности он действует и сохраняет свою силу практически в той же степени, как и во времена СССР.

2.3. Культурная революция, воспитание нового человека и образование

Еще одним важнейшим механизмом разрушения сообществ как формы жизни людей и их самоорганизации, механизмом, действующим на уровне личности (ценностей, взглядов, образа жизни, традиций), были советская культура и образование. Наверное, ни одно другое правительство в мире не уделяло такого большого значения образованию как советская власть на протяжении всего своего существования. Образованию, воспитанию, а точнее перевоспитанию народа придавалось первостепенное значение в закреплении и удержании власти.

С самого начала перед советской властью ставились задачи не только «индустриализации», «коллективизации», но и «культурной революции». *Под культурной революцией понималось воспитание нового человека, который бы хотел, умел и любил жить при социализме.* Фактически задача воспитания нового человека решалась с помощью трех типов средств.

1. Поскольку «бытие определяет сознание», то для формирования определенного сознания необходимо организовать определенные, соответствующие ему условия бытия: начиная от участия в политической жизни (принцип формирования партии, самоуправление) и заканчивая регламентацией частной и личной жизни через проектирование жилой

среды. Эти условия бытия были призваны разрушить или существенно видоизменить традиционные социальные институты, на которых базируется европейское общество, европейские нации: институт частной собственности, институт права, институт семьи, институт личности и т. д.

2. Даже наиболее ортодоксальные марксисты-ленинцы понимали, что хоть бытие и определяет сознание, но сознание характеризуется некоторой вязкостью, инертностью и консервативностью. В качестве такого средства контроля над сознанием стали использовать насилие, предав ему *индустриальный характер*. Частично с помощью насилия были уничтожены носители неудобных для советской власти образов жизни, частично через устрашение населению вменялись элементы необходимого образа жизни.
3. И, наконец, третий тип средств воспитания нового человека — это непосредственно образовательные средства. Советские лидеры были заинтересованы в *массовом и однородном* образовании для всех без исключения советских людей. Воспитанию советского человека вожди и идеологи коммунизма подчиняли и средства массовой информации, и искусство, и даже укоренившуюся в народе религиозность. Все жанры искусства мобилизовывались и организовывались для выполнения задач культурной революции.

Вся система образования Советского Союза от Минска до Дальнего Востока строилась как *единая общеобразовательная политехническая школа*. В рамках этой единой школы была достигнута беспрецедентная стандартизация содержания образования, форм и методов обучения. Единство учебного плана практически не позволяло педагогам проявлять свои качества и способности. Зато позволяло добиться такой стандартности и согласованности, что ученик из сельской школы в Сибири мог перейти в столичную школу и продолжить обучение с того места, на котором он прервал свои занятия в старой школе.

Стандартизация и унификация средней школы выступала образцом для построения школ других типов и уровней: дошкольной, средней специальной, высшей. *Главным продуктом советской школы были не знания, навыки, умения, квалификации учащихся, а личность выпускника*. Эта личность характеризуется безынициативностью и зависимостью от коллектива. *Советский человек практически не способен к автономной индивидуальной жизни и нуждается в коллективе, но, с другой стороны, коллектив, состоящий из таких индивидов, не способен к самоорганизации*.

Эта особенность советского коллективизма имеет особое значение в рамках нашей темы. Индивидуальный член советского коллектива, вливаясь в него, утрачивал субъектность, то есть подчинял свои интересы и цели интересам и целям коллектива. Но и коллектив никогда не становился полноценным субъектом, он обязательно направлялся директивами извне. Важно понимать, что и человек отдельно, и коллектив в результате советского образования и проводимой культурной политики утрачивают способность целеполагания. И индивид, и коллектив утрачивают способность к рефлексии, поэтому они не понимают происхождения целей, считают их само собой разумеющимися и естественно присущими коллективам, причем важно, что цель приписывается именно коллективу, а не индивидуальному человеку, не личности. Поэтому советские люди, будучи объединенными в коллектив, легко и безропотно работают на достижение таких целей, которых не разделяет ни один из членов этого коллектива.

Советских людей с детских лет учили жить в коллективе, подчинять коллективу свою волю, следовать за коллективом и жертвовать многим ради коллектива. Но никогда ни в детстве, ни во взрослом состоянии их не учили создавать сообщества, ставить и анализировать цели.

Каждый советский лидер стремился привести руководимый им коллектив к успеху, успех же определялся не целями, потребностями, нуждами коллектива, а тем, чего требовал вышестоящий лидер. Такая практика требовала соответствующих установок у лидера и соответствующего образования. *Советские люди учились игнорировать собственные нужды, цели и устремления и достигать навязанные извне цели*.

Культивирование такого типа образования привело к шоку и беспомощности в конце перестройки, в тот период, когда бывшие советские республики обрели независимость и должны были сами определять цели и пути дальнейшего развития. В Беларуси достаточно быстро восстановилось авторитарное патерналистское государство, которое стало источником целеполагания для отдельных коллективов и всего населения. Достаточно быстро режиму удалось вернуть к исходному советскому состоянию и всю систему образования. В результате к проявлению собственной инициативы и к самоорганизации в большей или меньшей степени готовы только поколения, окончившие школу в начале и середине 90-х гг., а также маргиналы, представляющие собой «брак и отходы» советской системы образования.

3. Характеристики местных сообществ в развитии городов

Опираясь на анализ факторов и механизмов, которые привели к разрушению местных сообществ, а вместе с ним и субъектной основы, на которой может крепиться функция культивирования и трансляции городского образа жизни, можно выделить наиболее важные для восстановления городов характеристики сообществ. Местные сообщества необходимо рассматривать как объединения людей, связанных не просто проживанием на одной территории и хорошими человеческими отношениями, но, прежде всего, как **объединения, которые имеют волю и возможность для самостоятельного решения основных вопросов организации и обустройства своей жизни, как самоорганизующиеся объединения людей**. Проживание на одной территории и отношения между людьми являются только условием, но не главной характеристикой местных сообществ. Чтобы быть сообществом, требуются определенные качества людей: инициативность, способность коллективно и индивидуально ставить цели и достигать их, чувство собственности и ответственности за свое и общее дело, готовность проявлять солидарность и многое другое. Но требуются также определенные условия, в которых коллективные субъекты имеют возможность реализовывать свою волю.

Мы рассмотрели то, как совместность проживания перестала быть источником и условием взаимодействия людей по поводу обустройства своего жизненного пространства, каким образом произошло отчуждение людей от принятия решений относительно собственной жизни. Тем не менее, формальные характеристики местных сообществ до сих пор закрывают для практиков, нацеленных на развитие городов, сел или регионов, факт отсутствия реальных субъектов развития.

Отличие «живых сообществ» от формальных советских структур выражается в нескольких характеристиках.

- а) Они строятся и объединяются на основе общих интересов, ценностей — общего образа жизни.
- б) Они способны к самоорганизации и выращиванию автономных структур управления сообществами.
- в) Они способны к воспроизводству и длительному существованию через смену и преемственность поколений.
- г) Они способны принимать на себя ответственность и быть хозяевами в зоне своих интересов.

ТЕМА 4. КАТЕГОРИЯ РАЗВИТИЯ И СПОСОБЫ РАБОТЫ С БУДУЩИМ

1. Развитие: объектный и деятельностный подходы.
2. Содержание «будущего»: мечта и ностальгия.
3. Формы организации мышления и деятельности в рамках задач развития.

1. Развитие: объектный и деятельностный подходы

В европейском мире идея развития связана с сосуществованием двух установок: неизбежности изменений, совершаемых в заданной свыше (не человеком) логике и веры в возможность исторического прогресса, с одной стороны, с признанием права человека на изменение существующего порядка вещей, с другой стороны.

Первая установка основывается на представлении об абсолюте (у Гегеля это абсолютный дух) и на постепенном его разворачивании, в котором одна фаза заменяется другой, более совершенной, снимающей предыдущую. Эти представления были дополнены распространившейся на все сферы жизни научной (естественно-научной) установкой, которая предписывала существование аналогичных природных законов, которые управляют всеми процессами и явлениями. Задача людей, ориентированных на развитие, состояла в том, чтобы понять, в чем состоит правильное движение, определить качественные характеристики и способствовать этому движению, попадать в русло. Отклонение же от общей линии является регрессом, остановка в пути — стагнацией. *Развитие в данном случае — есть изменения, соответствующие закономерному движению вперед, совпадение с намеченной линией.* Вопрос о том: развивается ли нечто, что считать развитием — в этом подходе дается через отнесение к качественным и количественным характеристикам объекта, о котором вопрошается. Этот подход можно назвать объектным.

Если бы у человечества были неограниченные возможности познания, оно могло бы заранее «нарисовать» график развития всех явлений, включая социальные, прорисовать историю в будущее. Но несовершенство познания позволяет давать лишь прогнозы. *Прогноз является главным способом работы с будущим*, в рамках этой установки. На основании уже случившейся истории можно определять закономерности развития и заглядывать в будущее, угадывая там логичное продолжение процессов. Здесь важно, что любые качественные изменения чего бы то ни было являются изменениями, которые заложены в природу самого явления. Они не могут быть предметом согласования или результатом принятого решения. Наоборот, всякое согласование или решение *проверяется* на соответствие линии развития. Такой способ рассуждений был раскритикован как историцизм и отнесен к способу рассуждения о закрытом обществе, где все будущее точно определено, даже если оно не известно конкретным людям. Советское общество опиралось именно на такие представления и на такой способ размышления, поэтому развитие отраслей, городов, человеческих коллективов и даже отдельных людей могло быть измерено через прогнозные показатели. Советские руководители и советские люди точно знали, какие изменения — это развитие и прогресс, а какие — регресс и деградация. Такие установки и такие представления о развитии сохраняются и воспроизводятся в современном белорусском обществе.

Иное представление о развитии связывается с приоритетом человеческого действия в истории. Если представить себе разворачивание истории не как закономерный процесс, а как складывающуюся траекторию движения, у которой нет позитивно оцененной цели или ориентира, то и категория развития приобретает иной смысл. Карл Поппер связывал такое развитие с идеей открытого общества, общества для которого будущее определяется в каждый конкретный момент времени теми решениями и действиями, которые принимают люди. Здесь будущее не угадывается или прогнозируется, а задается и намечается согласно мечтам, ценностям, воображению и т. д. Данная установка развивает деятельностные представления о развитии в противоположность объектным. *Развитие — есть деятельность по промысливанию будущего и изменению прошлого в соответствии с образом будущего.* В данном случае внимание переносится с объективных характеристик реальности на

то, как организуется мышление и деятельность человека делающего шаг в развитии. Соответственно и развитие здесь определяется не по правильности характеристик объективной реальности, а по правильности действий человека (деятели развития), соответствию некоторой норме исторического мышления и действия. Эту норму можно описать через схему «шага развития»:

1. Мышление деятеля должно удерживать сразу три пространства: прошлое настоящее и будущее. Причем их взаимное расположение должно позволять все возможные способы отношений, а не только последовательный переход прошлое — настоящее — будущее.
2. Каждое из этих пространств может быть заполнено объектами особого рода: прошлое и будущее заполняется «ситуациями», в которых реализуются те или иные нормы. В прошлом — старые нормы, в будущем — нормы, которые желаемы. Пространство настоящего — пространство рефлексии, мышления и коммуникации. Это специальное пространство для выхода из естественного перетекания прошлого в будущее, пространство организации мыслительной работы над теми нормами, которые работали в прошлом, и идеалами и образцами для будущего, пространство согласования «образа будущего».

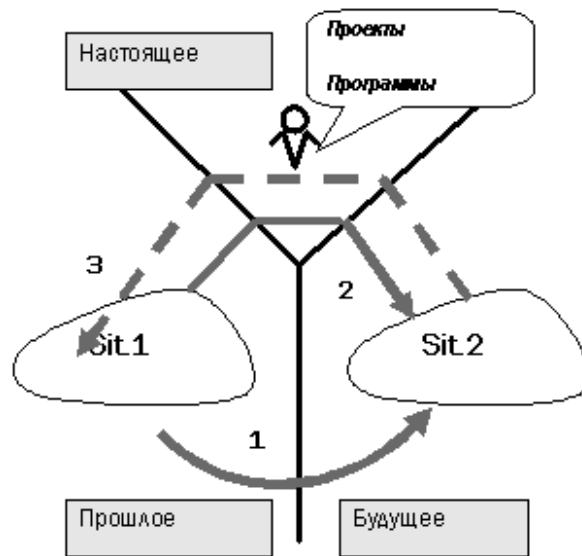

Рис 1. Схема шага развития

3. Прошлое, настоящее и будущее могут быть связаны различными деятельностными способами, на схеме эти способы помечены номерами 1, 2 и 3.

Первый — это *эволюционный* путь естественных изменений. Это те изменения, которые ставились в первом подходе к развитию во главу угла. Мы не можем отрицать наличия естественных процессов, которые текут в соответствии с некоторыми закономерностями. Но эти закономерности можно приписывать неизменному ходу истории или же природе материала (институтов, людей и т. д.), его инертности. Здесь мы выделяем эволюционный путь как то состояние ситуации и ее разнородного материала, которое может разворачиваться естественно, если ничего не предпринимать специально. Таким образом, деятельностный подход включает в себя и снимает представление об эволюционном, естественном развитии, отводя ему место в более широкой системе.

Второй — это искусственно-технический путь преобразований, что зачастую называют *революцией*, когда сначала составляется проект и программа, потом они реализуются, не очень считаясь с естественным ходом событий. Для такого отношения становится важным пространство настоящего, где происходит планирование и проектирование нового будущего. Такое деятельностное отношение предполагает полную смену норм и образцов, которые реализовывались

в ситуации прошлого на новые. Анализ прошлой ситуации здесь необходим, в первую очередь, для оценки ресурсов, которые необходимо затратить для перехода к новой ситуации.

Третий — это *инновационный путь*, когда при наличии проекта и программы в ситуации прошлого находятся (внедряются, имплантируются) элементы будущего, которые затем попадают в естественный ход событий, эволюционируют и замещают собой то, что должно навсегда остаться в прошлом. Перенесение из будущего в прошлое состоит в способности увидеть в имеющейся ситуации потенциал отдельных явлений, объектов или процессов, которые могут в своей эволюции и при целенаправленном культивировании привести к существенной смене старой ситуации на новую. В каком-то смысле можно говорить, что инноватика — это управляемая и осмысленная эволюция. Именно такое понимание процессов общественных изменений объясняет, почему страны «первого мира» (или, как их еще называют, развитые страны) изменяются гораздо быстрее, нежели страны «третьего мира» (так называемые развивающиеся), которые хоть и развиваются, но это развитие приводит к постоянному отставанию от уже развитых стран; и нежели страны «второго мира», которые ставили себе задачу «догнать и обогнать» развитые страны, но растратили всю энергию и общественный потенциал на революции, реформы и последующие восстановления после реформ.

Итак, развитие в деятельностном подходе определяется как организация мышления и деятельности, комплексирующая все формы отношений с пространствами прошлого настоящего и будущего.

Эти два подхода различаются и по отношению к истории, по наполнению содержанием этой категории. В первом случае история существует объективно, как разворачивание того или иного феномена, как история развития общества, города, человека и т. д. История для отдельного субъекта и деятеля (человека или коллектива) дана как внешний для него процесс. В нее можно попасть либо случайно, либо через познание хода истории. В деятельностном подходе история «возникает» в ходе самоопределения деятеля, историей здесь становится результат восстановления прошлого (ситуаций прошлого) и планируемое, ожидаемое будущее, которое соединены рефлексивным и деятельностным отношением субъекта. Здесь возможно историческое самоопределение субъекта, которое означает не попадание в историю, а присвоение себе прошлого и будущего, присвоение как деятелю и активному началу. История не объективна, она является «ситуацией» в организации мышления и деятельности. И здесь важны временные размеры такой ситуации, ее глубина. Если будущее видится на год вперед, то и ситуация прошлого может быть равна последнему году. Если деятельность развития рассчитана на результаты полувека, то и осмысление прошлого не может быть менее глубоким.

2. Содержание «будущего»

Прежде чем мы обратимся к формам организации работ, ориентированных на развитие, рассмотрим два способа формирования содержания будущего. Этот частный вопрос крайне актуален именно в белорусской ситуации. Наследие советского способа мышления о развитии делает саму процедуру полагания в будущее чего-то, что не является закономерным продолжением прошлого, крайне сложной, если не травматичной. В ситуации, когда белорусские граждане оказались перед возможностью самостоятельно решать, чего они хотят, какой они хотят видеть свою страну или город, главную трудность представляло отсутствие способности работать с будущим, способности относиться к нему творчески. В отношении белорусских малых городов это можно наблюдать на примере размышлений о том, что необходимо городу для развития. Ответы на такого рода вопросы характеризуют узкий спектр идеальных представлений, которые в принципе могут стать содержанием образа будущего: это либо картины недавнего прошлого, либо копирование соседей. Даже образцы европейских городов редко становятся материалом для формирования представлений о своем городе.

Владимир Мацкевич выделял две категории, которые различаются по типу отношения к будущему — мечта и ностальгия⁴. Эти категории мы будем исполь-

⁴ Мацкевич В. Белорусская мечта // Вопреки очевидности. Невский простор. 2006

зовать не как содержательные, а как инструментальные, чтобы обозначить опозицию между устремленностью к тому, чего нет и не было, или к тому, что уже было или есть. Вне зависимости от содержания мечтаний или ностальгических воспоминаний, они противоположны своей мотивирующей и активизирующей направленностью. Мечта требует активности, действий и изменений, ностальгия требует пассивности, возвращения или покоя.

Каким образом мыслится будущее белорусских городов: как Нью-Васюки или как «раньше при хорошо работающем заводе союзного значения». Способ таких размышлений задает модальность и отношение к путям принятия решений и выбору действий по развитию городов.

Предположим, что у нас есть два альтернативных предложения обустройства будущего: P1 и P2. Нужно выбрать одно из них. Как это делается? Есть два типических (не альтернативных, а пригодных для синтеза) варианта решения: профессиональный и демократический.

Профессиональный вариант. Предложения обустройства будущего берутся в форме суждения и подвергаются критике и анализу. Проводится экспертиза предложений на предмет определения нормосообразности (культурности), целесообразности, логичности, экономичности (обеспеченности ресурсами и рискованности прибыли) и т. д. Проводится анализ ситуации и выявляются актуальные проблемы. Затем результаты экспертизы и анализа ситуации рассматриваются вместе на предмет установления комплементарности их друг другу. Профессиональное решение в итоге состоит в том, что P1 реализуемо и соответствует требованиям ситуации и актуальным проблемам, а P2 нет (или наоборот), или и P1, и P2 реализуемы, но P1 отвечает требованиям ситуации и решает проблемы, а P2 нет (или наоборот).

Демократический вариант. Предложения обустройства будущего подаются в форме мнений, и избиратель соотносит каждое из мнений со своей мечтой о желаемом будущем или с эмоциональной памятью (ностальгией) о счастливом прошлом. Демократическое большинство принимает окончательное решение: будем следовать предложению P1 и отвергаем предложение P2 (или наоборот).

Как легко можно увидеть, оба варианта решения не являются самодостаточными. Профессиональный вариант решения никогда не является окончательным, он носит экспертный, рекомендательный характер. А демократический не располагает квалифицированными средствами оценки реалистичности и правильности решения. Поэтому оба варианта по отдельности несовершенны и неразумны. Эксперты и профессионалы должны иметь возможность проводить анализ и экспертизу, после чего могут убеждать демократическое большинство. Иначе их рекомендации и оценки останутся достоянием академической или профессиональной среды и никогда не будут реализованы. Демократическое большинство должно быть знакомо с профессиональной оценкой и должно иметь время на ее осмысление и обсуждение. Иначе решение демократического большинства будет поспешным и рискованным, чреватым ошибками и неприятностями.

Обратимся к белорусской ситуации принятия решений. Чаще всего, значимые для всей страны решения происходят при разрыве между этими двумя способами выбора. Демократическое большинство лишено возможности и времени ознакомиться с результатами профессионального анализа и экспертизы. Это можно было наблюдать на выборах и референдуме 1995 года, когда еще присутствовали альтернативные предложения. Затем стали исчезать сами альтернативные предложения, причем во всех сферах, в том числе и в отношении развития городов. Это можно наблюдать на примере Дисны, имеющей 2 программы развития, одна из которых поглотила вторую, лишив возможности выбора между ними. Как такое произошло?

Отношение между демократической процедурой выборов и профессиональной деятельностью строится таким образом, что демократия выступает заказчиком на профессиональную проработку предложений обустройства будущего. Демократия дает возможность профессионалам выполнять свою работу, поскольку нуждается в ее результатах. Но только тогда, когда такая нужда есть. Нужда или потребность в критике, анализе и профессиональной экспертизе

может быть, а может и отсутствовать. Это определяется тем, какой из векторов «ностальгия — мечта» выбирается в качестве пути к будущему.

Предложение по обустройству будущего может эмоционально «греть» демократическое большинство, резонировать ностальгическим чувствам и переживаниям. Мечта требует активности, заставляет напрягаться и работать. Ностальгия удовлетворяется пассивным сопереживанием, сопровождается ленностью и расслабленностью. Экспертиза убивает желание, разрушает ностальгические переживания.

Мечта и ностальгия — антагонисты. Они взаимоисключают друг друга, как активность и пассивность, как движение и покой, как работа и переживание, как счастье и страдание. Ностальгия иррациональна. Люди всегда будут помнить свои детство и юность, будут ностальгировать по ним и бессознательно их приукрашать. Мечта дает силу и энергию людям для обустройства будущего. В конечном итоге, Беларусь завтра будет тем, о чем мечтают белорусы сегодня. И белорусские города будут такими, какими их видят горожане. А какова мечта белорусских городов? Есть ли она? Это вопросы не риторические и не полемические, а вопросы, на которые следует отвечать.

Как можно рассуждать о мечте? Допустим, что *мечта как процесс* — это способность человека видеть (прозревать) горизонты идеального будущего. А *мечта как результат* — идеальный образ будущего. Тогда мечту можно описывать как хронотоп идеального мира, с одной стороны, и как содержание идеального в мышлении, с другой.

Временная составляющая хронотопа идеального мира определяется глубиной обозримого будущего. Заглядываем ли мы в будущее своих детей и внуков, во времена, когда нас не будет, или только в пределы собственной жизни? Думает ли житель белорусского города о том, как будут жить его дети и внуки в этом городе, или только о том, как дожить до пенсии? Думает ли он, как будет описан в учебниках истории период, когда он жил и принимал решения: как потерянное время и застой или как начало развития. Этим определяется оценка того, что люди делают сегодня.

Топическая сторона хронотопа идеального мира определяет масштаб места, в которое проникает мечта. Видит ли средний белорус будущую Беларусь в Европе и в мире, свой город в стране, или в будущем он видит только возделанные 6 соток своей дачи? Этим определяется выбор проектов и предложений обустройства будущего, на которые тратятся налоги среднего белоруса.

То, как человек работает, над чем он работает, определяется содержанием идеального. В советские времена много издевались над концепцией общества потребления, но напрасно. Потребительская мечта — самый простой способ представления плана идеального в массовом сознании. Генри Форд и инженеры Фольксвагена мечтали об автомобиле для каждой американской и немецкой семьи. Их мечта передалась простым американцам и немцам, на эту мечту американцы и немцы работали. Деревенский парень из заводского общежития, мечтающий о бесплатной квартире в блочном доме, получает свою зарплату и ждет очереди. Молодой предприимчивый человек, мечтающий привести невесту в собственный дом, уходит с завода и открывает собственное дело. Разные мечты порождают разные действия.

Эти рассуждения могут показаться банальными и неоригинальными. Уже много сказано о терпеливом, трудолюбивом и неамбициозном беларусе и его менталитете, как в позитивном, так и в негативном зале. Здесь речь не о характере, менталитете или воспитании. Речь о выводах, которые необходимо сделать из всего сказанного.

1. Необходимо, чтобы предложение о Нью-Васюках (P2) было сделано в белорусских городах. Пока демократическое большинство если и вступает в принятие решений, то только выбирая тех, кто лучше справится с одним и тем же предложением (P1). Те, кто предлагает альтернативные решения, должны быть озабочены, чтобы эти решения были и выглядели действительно альтернативно, а не мимикрировали под представления о том, что нужно людям. Мало того, что знания об этой нужде могут быть

неверными. Альтернативные предложения могут не получить поддержки, но станут основанием для того, чтобы расширился план идеального для жителей малых городов.

2. Мечта принадлежит индивидуальному сознанию, а в общественном сознании она представлена тем, что демонстрируется в качестве образцов для подражания и сравнения. Нужны носители мечты, которых сложно не заметить. И они живут в белорусских городах, только в маргинальном, замаскированном состоянии. Для организации развития городов их необходимо сделать видимыми.

3. Формы организации мышления и деятельности в рамках задач развития

В качестве наиболее используемых современных форм организации мышления и деятельности по развитию рассмотрим проекты и программы и, соответственно, программирование и проектирование.

Проектное мышление достигло наивысшей своей распространенности к середине XX века. К этому моменту проектирование было не только массовой деятельностью, но и приобрело свое теоретико-методологическое обеспечение. Оно стало апогеем искусственно-технического отношения к реальности, распространившегося на все сферы, от неживой природы, до человеческих систем. По поводу проектирования и проектов написано много работ, кроме того, проектированием проникнута вся наша жизнь. Здесь мы отметим лишь некоторые, наиболее важные характеристики этого способа мышления и деятельности.

1. Проектирование отделено от реализации проекта. В реализацию поступает уже готовый, законченный проект, к которому прилагается программа необходимых работ и план, график их выполнения. Проектировщик заканчивает свою работу, детально продумав и прорисовав то, что должно быть получено в результате. Возвращение к проекту и его переработка на стадии реализации считаются неудачей и недоработкой либо проектировщика, либо реализаторов. В таком случае, начинается перепроектирование.
2. Проект предполагает очень точный и конкретный «образ будущего», образ того объекта, который будет создан. Это ограничивает временные и пространственные характеристики проектируемого объекта. Для точного прописывания больших и удаленных во времени объектов требуется высокая точность исследований того материала, из которого будет создано будущее (люди, машины, природа, знания и т. д.).
3. Проектирование осуществляется как ряд этапов, которые следуют друг за другом — задачи, выполненные на предыдущем этапе, становятся основанием для работ на следующем. Проектирование организовано линейно: сначала анализируется и исследуется ситуация, в ней выделяются области воздействия, определяются цели, формулируются задачи, исследуются проблемы выполнения задач, предлагаются пути их решения, которые дополняются планом работ и схемой обеспечения ресурсами.
4. Проект и проектирование предполагает наличие только одного (единого) субъекта деятельности по отношению к объекту проектирования. То есть если спроектирован дом, то на строительной площадке действует организация, обладающая проектом и реализующая его. Наличие какого-либо субъекта, имеющего деятельностное отношение к этому же объекту, исключается. Один и тот же дом не могут строить по двум разным проектам одновременно.

Тотальное распространение проектной идеологии и технологии в XX веке вывело на поверхность ограничения и проблемы проектного способа работы с будущим. Наиболее существенные проблемы были таковы. Проектирование и создание объектов (домов, заводов, мебели и т. д.) неизбежно создавало средовые эффекты, меняло всю окружающую среду. Это поставило проблему расширения рамок проектирования до проектирования образов жизни, систем деятельности, сред обитания и т. д. (проектируется не дом культуры, а сво-

бодное время). А по отношению к таким объектам практически невозможно было отнести основные принципы проектирования. Они обладают *высокой степенью неопределенности*, так что нет возможности точно предсказать изменение материалов и условий реализации проекта. Поэтому *не имеет смысла четкое описание* и прорисовка объектов в будущем, необходимы лишь общие контуры и ориентиры. Кроме того, такого рода объекты, в которых включены гуманитарные компоненты: люди, их ценности, желания, установки, воля, а также знания, коммуникация и т. д. — становятся *рефлексивными объектами*, обладающими своими собственными «планами» и действующими по отношению к проектировщику и проекту. Человек может сопротивляться изменениям, которые заложены в проекте, причем это сопротивление может обнаружиться на любом из этапов реализации. Соответственно нет возможности директивного выполнения проекта, согласно установленному плану и рассчитанным ресурсам, необходима *коммуникация и учет различных фокусов управления проектом*.

Все это требует отказа от принципа однородности действительности проектирования. Возможность работы проектировщика с неоднородными, конфликтными, разрывными ситуациями требует создания вокруг него целого комплекса обеспечивающих работ (в частности, комплекса технических и организационно-технических исследований), в ряду которых проектирование становится лишь *частным процессом*, а вся основная нагрузка падает на ситуативную организацию такого комплекса параллельно протекающих работ. Таким образом, проектирование включается в более широкую систему организации мышления и деятельности, причем работа проектировщика теперь не отделима от реализации проекта.

В итоге требуется иной способ организации мышления и деятельности по работе с будущим, который решал бы все эти проблемы. Этот способ — программирование. Очевидно, что программы и программирование существовали и до кризиса проектного подхода. Но в ходе этого кризиса они были переосмыслены, и программная деятельность стала обретать свою теоретико-методологическую основу.

Мы будем пользоваться представлениями о программировании, наработанными в СМД-подходе в рамках программы культурной политики, где при разработке и запуске программ используется так называемая «ленточная схема». Каждая из «ленточек» предназначена для описания одного из автономных процессов или видов деятельности (мышление, исследование, коммуникация, организация и управление и т. д.). Каждая из таких ленточек характеризуется определенным, в некоторой степени однородным материалом, который преобразуется: знания, проблемы, задачи, методы и средства деятельности, способы управления и т. д. Совокупность «ленточек», или вся схема должна удерживать системное целое.

Базовое деление на процессы, которые должны быть включены в программы, опирается на выделение 3 основных пространств: мышления, деятельности и феноменальности вещей. Препятствия и ловушки для реализации могут встретиться в любом из этих пространств. Реализационная программа увязывает и комплексирует все три пространства, считаясь с характеристиками и особенностями их. Наличие этих трех пространств создает полноту включения всех аспектов мышления и деятельности, дает возможность включить их в программу. Дальнейшее деление этих пространств на ленточки может строиться, исходя из той схемы размышления, которая принимается программистами. Один из вариантов — это как бы удвоение схемы: каждый из этих слоев имеет проницаемые границы с другими слоями и втягивает в себя содержание других слоев.

Организованность мышления	Метод
	Онтологическая схема, или замысел
	Предметные знания
Организованность деятельности	Исследования в программировании
	Технология и инфраструктура функционирования програм
	Мониторинг и анализ ситуации
Феноменальность	Образование
	Подготовка кадров и квалификация
	Материальные преобразования

Тогда программирование выглядит как разворачивание содержания в девяти ленточках с возможностью переброски организованностей из одной ленточки в другую. Деятельность в каждой из ленточек осуществляется параллельно, а связь между ними осуществляется через «переброску» содержания. Таковыми могут быть: задачи, возникающие при встрече с препятствиями в одной из ленточек, которые требуют разрешения в другой деятельности; продукты или результаты.

По отношению к развитию городов такая программа может быть представлена следующим образом:

Метод и подход к развитию города, на основе которого строится концепция, стратегия и иные типы оформления документов, организующих деятельность.

Собственно изложение концепции развития городов.

Философия, социология, психология, педагогика, дидактика, право, экономика, менеджмент развития городов и т.д.

Исследования в программировании в сфере городского развития.

Технология и инфраструктура функционирования программы реализации разработанной концепции или стратегии.

Мониторинг и анализ ситуации по мере разворачивания программирования и реализации программы развития городов.

Обеспечение содержания для трансляции, включая подготовку и издание литературы, образование для всех позиций в трансляции и реализации.

Подготовка кадров для городского развития и контроль квалификации на всех уровнях позиционной схемы трансляции и реализации.

Появление в Беларуси сферы городского развития. Собственно процесс развития городов в форме трансляции и реализации.

Это общая и формальная схема только организует пространство для запуска реального программирования. В каждую из ленточек должны быть помещены задачи и проблемы. Очевидно, что запуск программы может начинаться и при незаполненности всех ленточек. А ход реализации программы может приводить к появлению новых ленточек и сфер деятельности.

Можно обозначить только наиболее популярные и распространенные: например, вот уже несколько десятилетий программирование начинается с разработки «повестки дня». «Повестка дня», как правило, фиксирует достаточно большой перечень процессов, которые предстоит запустить с тем, чтобы вывести некую систему (страну или регион) в режим развития. В повестке дня заведомо не описывается конечное состояние, но обязательно предполагается, что запускаемые процессы ведут к некоему желаемому состоянию, желаемому будущему.

Несколько иная форма программирования общественного развития, получившая распространение в последние годы, называется «дорожной картой». В «дорожной карте» описываются не столько запускаемые процессы, сколько точки (или этапы), которые необходимо пройти, и, в силу программного характера «дорожной карты», описывается не конечная цель, а только некоторое состояние, по достижению которого система может развиваться самостоятельно и автономно.

Подводя итоги, можно выделить основные отличия проектирования и программирования:

	Проектирование	Программирование
Основной акцент	<i>Объект, результат деятельности</i>	<i>Процессы, необходимые для достижения результата</i>
Организация процессов	<i>Последовательная (линейная)</i>	<i>Параллельная (ленточная) с перебросом содержания</i>
Характеристика объекта	<i>Точный и конкретный</i>	<i>Общие черты и ориентиры</i>
управление	<i>Директивное, одно-фокусное</i>	<i>Многофокусное, рефлексия и коммуникация</i>
...

РАЗДЕЛ II. ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЗНИ В МАЛЫХ ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ

 note

ТЕМА 1. ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И УРБАНИЗАЦИЯ: СТЕРЖНЕВЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУССКОЙ ИСТОРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

1. Стержневые процессы и основные категории политической и управленческой практики.
2. Этапы ускоренной урбанизации и индустриализации.
3. Последствия процессов урбанизации и индустриализации для городского и сельского образов жизни.

1. Стержневые процессы и основные категории политической и управленческой практики

Обсуждая преобразования сферы образа жизни в нашей стране, следует выделить основные социокультурные процессы, которые задали как понимание и объяснение реальности (понятийный и категориальный аппарат), так и направления и способы социально-экономической и политической деятельности в этой сфере. Такими наиболее значимыми процессами, определявшими общественно-историческую ситуацию страны на протяжении нескольких десятилетий, являются процессы ускоренной *индустриализации* и *урбанизации*. Они же и до сих пор определяют современное положение дел в Беларуси.

Эти процессы в свое время составляли смысл и содержание развития социального мышления и деятельности во всем мире (по крайней мере, в той части мира, который находился под влиянием европейской цивилизации). В настоящее время они могут быть описаны как завершающиеся. Это означает не полное прекращение и сворачивание индустриализации и урбанизации, а только то, что они перестали быть определяющими для общественно-исторического развития. Сейчас они протекают под воздействием гораздо более мощных процессов первого плана, а именно процессов глобализации, вестернизации и информатизации. Современное положение дел с качеством и образом жизни в Беларуси является следствием специфического протекания в стране ускоренной индустриализации и урбанизации, а дальнейшая работа с ними будет определяться реструктурированием всех областей жизни в рамках глобализации, вестернизации и информатизации.

Под *индустриализацией* мы будем понимать такое преобразование хозяйственной деятельности в стране, которое характеризуется не столько экономическими факторами и категориями, сколько производственно-технологическими. Нас будет интересовать только та сторона этого процесса, которая в наибольшей степени влияет на качество и образ жизни людей. *Это организация крупных производственных комплексов, приводящая к изменению структуры занятости населения, монополизация и национализация собственности, стандартизация потребления и образа жизни.* Кроме того, нам придется специально уделить внимание индустриализации сельского хозяйства. Вообще говоря, исторические формы осуществления индустриализации в разных странах не обязательно предполагают индустриализацию и сельского хозяйства.

Под *урбанизацией* мы будем понимать быстрый количественный рост населения городов. Такое понимание урбанизации может показаться зауженным. Но сознательно идем на такое заужение и отделяем процесс урбанизации от процессов городского развития или развития городов. Рост городского населения необязательно сопровождается развитием города с формированием соответствующих социальной организацией и образом жизни. Более того, возможны случаи, когда количественный рост может вести к деградации или городскому регрессу. В Беларуси отмечались именно эти тенденции. В этом отношении важным аспектом урбанизации применительно к Беларуси являются источники пополнения городского населения. Главным источником была внутренняя миграция из белорусских сел, что определило специфику белорусской урбанизации именно как количественный рост населения городов.

Таким образом, в качестве стержневых процессов, задающих основные параметры и направления изменений качества и образа жизни в Беларуси, мы рассматриваем урбанизацию и индустриализацию. В ходе этих процес-

сов меняется не только численность сельского и городского населения, но и происходит трансформация соответствующих образов жизни, связанная с трансляцией, производством или изменением норм, моделей поведения, способов восприятия мира и мышления. Основными категориями, в которых схватывается, понимается эта сфера, а затем и объектами преобразований являются *городской* и *сельский* образы жизни. Здесь важно именно парность этих категорий. Различие между ними проходит на основании *способов производства*, вокруг которых формируется определенная организация жизни.

2. Этапы ускоренной урбанизации и индустриализации

Выделим несколько этапов эпохи индустриализации и урбанизации в Беларуси.

Первый этап — послевоенное восстановление и закладывание фундамента индустриализации — с лета 1944 года до середины 60-ых годов. Огромнейшие людские потери в Беларуси во время Второй мировой войны, тем не менее, практически не изменили соотношение городского и сельского населения в стране¹.

Основной процесс, который знаменовал данный этап — «восстановление хозяйства». Однако наряду с ним необходимо выделить и другие процессы. *Во-первых*, параллельно и как бы внутри процессов восстановления происходит *создание новых предприятий*, не существовавших до войны. В первую очередь, это крупные машиностроительные гиганты — автомобильный и тракторный заводы. Создание новых предприятий требовало миграции специалистов в Беларусь извне и миграции рабочей силы из деревень в города. Поэтому постепенно менялось соотношение городского и сельского населения. *Во-вторых*, параллельно восстановительным и конструктивным процессам разворачивались *деструктивные процессы*. К ним следует отнести *насильственную трансграничную репатриацию* — выселение польско-католического населения из Беларуси в Польшу и встречный процесс переселения православного населения из районов, отошедших Польше, в Брестскую область, а также *выселение белорусских семей в ссылку и ГУЛАГ*, к чему в 50-ые годы добавилось *освоение целины*. Насильственное перемещение людей сопровождалось интенсивной *коллективизацией* в трех западных областях: Брестской, Гродненской и впоследствии ликвидированной Молодечненской.

Серьезно повлияли на изменение образа жизни также продолжение мелиорации Полесья в Восточной Беларуси и запуск интенсивной мелиорации в Брестской области, а также коллективизация в Западной Беларуси.

Если относительно городов и городского населения период с 1944 по 1965 годы можно рассматривать как достаточно целостный и однородный, то применительно к сельскому населению его следует разбить на два подэтапа. Первый из них характеризуется собственно большевистским, сталинским отношением к колхозному крестьянству, когда колхозники были полностью лишены экономической самостоятельности, а также политических и гражданских прав. Они были ограничены в свободе перемещений даже внутри страны в силу жесткого института прописки и отсутствия общегражданских паспортов. Оплата их труда, чаще всего, производилась «натурой», что вело к экономическому закреплению и еще большему ограничению свобод. Второй подэтап можно увязать с периодом хрущевских реформ, когда колхозники получили равные права с остальными гражданами, когда им стали выплачивать заработную плату в деньгах и начислять пенсию. Окончательное выравнивание в правах городского населения и колхозного крестьянства произошло не ранее середины 60-ых годов.

В ходе разворачивания ускоренной урбанизации и индустриализации основными категориями в сфере образа жизни стали *«городское и сельское население»*. Это деление было адекватно задачам, которые ставились советской властью в отношении обустройства жизни в стране. Соответственно основные

¹ Перед войной, в 1941 году, городское население составляло 1968,7 тыс. человек против 7123,3 тыс. чел. сельских жителей или 21,7% к 78,3%. В 1950 году городское население составляло 1619,5 тыс. чел. против 6089,5 тыс. чел. сельских жителей или 21% к 79%.

характеристики жизни привязывались к этим определениям и к желаемым образцам городского и сельского образа жизни. Причем эти образцы наполнялись новым содержанием и смыслом в соответствии с задачами индустриализации и урбанизации. Сельский образ жизни советского человека задавался как противоположный крестьянскому образу жизни. Основанием, формирующим сельский образ жизни, являлось сельскохозяйственное производство. То же самое можно говорить и о городском населении и городском образе жизни. В эпоху индустриализации он характеризовался, в первую очередь, привязкой к индустрии, производству, а не к городу как особому способу организации жизни.

Второй этап (конец 60-ых — 1981 год) условно можно называть «машеровским», хотя реальное его начало следует привязать к реформам в хозяйственно-экономической сфере СССР в конце 60-ых. В середине 60-ых годов *административно-волюнтаристские* методы управления народным хозяйством, которые реализовывались в предыдущий период, были признаны неэффективными. Реформы 60-ых годов можно считать попыткой перехода к *административно-экономическим* методам управления народным хозяйством. Были предприняты попытки экономического стимулирования в сфере товарного производства и обращения, но перевод хозяйства на экономические формы был непоследовательным и незаконченным. Рынка квалифицированных специалистов, профессионалов с высшим образованием по-прежнему не было. Действовал механизм общесоюзного распределения специалистов.

Освобождение колхозного крестьянства вместе с ростом производительности и эффективности труда в сельском хозяйстве привело к неожиданному для политической элиты БССР конкурентному преимуществу Беларуси перед другими регионами. Оказалось, что при отсутствии ценившихся в те времена полезных ископаемых основное богатство Беларуси составляет дисциплинированная рабочая сила, которая, будучи освобожденной от крепостной колхозной зависимости, при отсутствии ГУЛАГА и плановых депортаций была готова только к миграции из села в город в пределах Беларуси. Потенциал этой рабочей силы был очень велик. Партийная и хозяйственная элита Беларуси во главе в П. Машеровым сумела обеспечить условия для использования этого потенциала.

Первое условие — лоббирование в структурах Госплана и на уровне Совмина СССР *размещения на территории Беларуси новых человекоемких производств*, не требовавших сырьевых ресурсов. К таким производствам в 60-е годы относились химическая, радиоэлектронная и легкая промышленности. Второе условие связано с *повышением качества дисциплинированной рабочей силы*. Речь идет о профессиональном образовании. Именно с середины 60-ых годов Беларусь стала лидировать в СССР по темпам, уровню и качеству развития системы профтехобразования (ПТУ и техникумов). Потребность в квалифицированных кадрах с высшим образованием решалась за счет всесоюзного распределения из других регионов. Это создавало диспропорцию в уровне образования местных жителей и мигрантов. Мигранты из других регионов имели относительно более высокий уровень образования и занимали место культурной элиты белорусских городов. Это определяло высокий спрос на русскоязычную культурную продукцию на фоне низкого спроса на белорусскоязычную. Впоследствии это сказалось на том, что при распаде СССР в Беларуси просто не оказалось национально-ответственной элиты, и идея строительства независимого национального государства была чужда верхушке белорусского общества.

На протяжении этого периода городское население возрастало в среднем на 150 тыс. человек ежегодно. К 1976 году городское население превысило 50%, а к концу этого периода составило 57% жителей республики. При этом основным источником была внутренняя миграция из сельской местности в города.

Превратившись в индустриально-аграрное общество с преобладанием городского населения, с по-прежнему высокими темпами урбанизации, с подавляющим экономическим доминированием городов, белорусская нация по-прежнему воспринимала себя сельским народом. При этом сама организация жизни на селе претерпела кардинальные изменения и уже не имела никако-

го отношения к крестьянскому образу и качеству жизни доиндустриального сельского хозяйства.

Третий этап условно назовем «Перестройкой» (1981-1991 гг.), хотя для Беларуси начало этого этапа с Перестройкой никак не связано. Начался он после гибели П. Машерова и продолжался до распада Союза и обретения реальной независимости. Восьмидесятые годы XX века для развитых стран мира могут быть охарактеризованы как постиндустриальная эпоха. Беларусь же в этот период вступила в фазу наивысшего индустриального расцвета. Десятилетие после гибели П. Машерова показало эффективность его экономической политики, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Советский Союз в целом с конца 70-ых годов вступил в полосу экономического и культурного застоя. Для Беларуси же этот период стал временем относительного экономического благополучия и началом культурного возрождения.

Большая часть промышленных предприятий, построенных в предшествующий период, в 80-ые годы вышли на проектную мощность. Беларусь сохранила темпы индустриализации и урбанизации, характерные для предшествующего периода, укрепила свои позиции как индустриально-аграрная республика. И это даже получило закрепление в общественном сознании в метафоре «сборочный цех СССР». К последнему году существования СССР городское население составляло 67%. Относительное благополучие 80-ых годов создавало у белорусов иллюзию развития и даже некоторый комплекс превосходства над другими регионами находящейся в застое империи. Иллюзия развития вызывалась тем, что доходы активно работающих предприятий видны всем и каждому. Тогда как моральное устаревание оборудования, диспропорция амортизационных отчислений и сокращение капитальных вложений, как в абсолютном, так и в относительном выражении, были заметны только специалистам. Причем большинство таких специалистов были сосредоточены в Москве, в Госплане.

Пребывая в таком иллюзорном самообольщении, белорусское общество пассивно восприняло Перестройку и не смогло ни воспользоваться открывающимися возможностями, ни подготовиться к потенциально заложенным в ней неприятностям. Главной из этих неприятностей, неожиданной и непредсказуемой, стала Чернобыльская катастрофа.

Помимо всех прочих хорошо описанных последствий, Чернобыльская авария самым ярким образом высветила диспропорции в хозяйственно-экономическом развитии Беларуси. Развивая в период интенсивной индустриализации энергоемкие производства, Беларусь совершенно не заботилась о пропорциональном развитии энергетики. Беларусь не могла сама удовлетворять свои энергетические потребности. Отмеченная выше дисциплинированность рабочей силы Беларуси была одним из основных конкурентных факторов, но этот фактор совершенно бесполезен в случае техногенных катастроф за пределами страны. Беларусь не имела возможностей ни самостоятельно участвовать в ликвидации аварии, ни принимать решения относительно дальнейшей судьбы Чернобыльской АЭС.

Хозяйство и экономика Беларуси развивались не в интересах страны, нации, а в интересах огромной империи СССР. Именно по этой причине, даже сохранив очень высокий уровень производства, как индустриального, так и сельскохозяйственного, в 1991 году Беларусь оказалась в таком же плачевном положении, как и все остальные осколки империи. К концу Перестройки стало очевидно, что белорусская экономика никак не привязана к нуждам, потребностям, возможностям самой Беларуси. Все хозяйственные, технологические и маркетинговые связи не связаны в структуру в масштабах страны, а разомкнуты на весь бывший СССР. Именно это открытие в наивном экономическом сознании в 90-ые годы стали называть «разрывом экономических связей».

Ситуация государственной независимости Беларуси в 1991 году требовала активных самостоятельных действий: поиск и освоение рынков сбыта, развитие международной торговли. А для этого в Беларуси не было ни соответствующих структур (в Советском Союзе этим занималось Министерство внешней торговли и другие соответствующие ведомства, все они находились в Москве), ни специалистов. Специалисты по маркетингу по количеству не были сопоставимы с индустриальными рабочими или колхозными крестьянами, но, как показали

последующие события, именно дефицит редких и малочисленных, но системно значимых профессий и привел к тому, что все связи были разорваны.

Такая Беларусь досталась в наследство первому правительству независимого государства. Ни первое правительство, ни все последующие правительства установившегося после 1994 года режима не смогли выработать программу решения накопившихся проблем, не смогли переориентировать Беларусь в соответствии с требованиями современности. Отсутствие знаний и мыслительных средств для рационального разрешения ситуации, накапливающихся кризисов привело к тому, что прежние нормы и эталоны советского образа жизни стали обоснованием и оправданием консервативного реванша. Они стали основой политики белорусского государства на новом этапе уже современной истории.

3. Последствия процессов урбанизации и индустриализации для городского и сельского образа жизни

1. *Последствия для городского населения и городского образа жизни.* Беларуси частично удалось избежать наиболее неприглядных негативных последствий ускоренной индустриализации и урбанизации для городского населения и нации в целом. Как правило, быстрый рост городов приводит к пролетаризации его населения, когда асоциальные формы поведения начинают доминировать и выполнять регулирующие функции. Беларуси удалось провести урбанизацию без таких жертв. Это было обусловлено несколькими факторами:

а) *Очень высокой степенью социальной защищенности мигрантов.* Высокие темпы урбанизации в Беларуси сопровождались не менее высокими темпами индустриального квартиростроения и возможностей профессионального образования.

б) *Белорусская индустриализация и урбанизация осуществлялись на фоне относительно высокого развития инфраструктуры, транспорта и связи.* На первых порах сохранялись устойчивые и тесные связи между семьями, созданными молодыми мигрантами в городах, и их родителями, оставшимися в селе. Это тормозило процессы эрозии и разрушения традиционной морали и нравственности, образа жизни.

в) *Последние годы ускоренной индустриализации и модернизации в Беларуси совпали с началом кардинальных перемен в Восточной Европе, что вернуло Беларусь и другие нации региона в общеевропейскую историю и к нормальному развитию.* То есть, будучи едва ли не последней европейской нацией, прошедшей через стадию индустриализации и урбанизации, Беларусь почти не опоздала к началу общеевропейской деиндустриализации.

В то время, очевидно, что современные городские жители, находящиеся в активном возрасте или завершающие свою трудовую деятельность, в большинстве своем являются *типичными маргиналами* — людьми, рожденными и выросшими в деревне, тогда как делали карьеру и создавали семью уже в городе. А младшее поколение является первым собственно городским массовым поколением. Это означает, что ни у старшего, ни у младшего поколения взрослых нет сколь-нибудь устойчивых культурных традиций и городских корней. А поскольку они составляют подавляющее большинство городского населения, то потомственные горожане и носители городских традиций растворяются среди них. Оказываясь в положении рассредоточенного меньшинства, они почти не оказывают влияния на ход городской жизни и управление городами.

2. *Последствия для сельского населения, сельского образа жизни, культуры и инфраструктуры села.* Эти последствия довольно разрушительны. *Катастрофический демографический перекокс.* Миграция в город затрагивает в первую очередь деревенскую молодежь, что сказывается на рождаемости и сопровождается ускорением демографического старения населения. *Трансформация экономического поведения,* а именно отношения к земле, и способов хозяйствования. *Физическое вымирание деревень.* В результате программы укрупнения колхозов и переселения колхозников из хуторов и неперспективных деревень в укрупненные села и агрогородки за последние

50 лет с карты Беларуси исчезло огромное количество сельских населенных пунктов и индивидуальных хуторских усадеб. *Социально-психологические последствия*. Переезд в город в индивидуальной судьбе человека, жившего в сельской местности, воспринимается как удача и практически всегда оценивается положительно. Оставшиеся в деревне воспринимаются теми, кто уехал в город, как неудачники. Низкий статус сельской жизни порождает разного рода комплексы и в совокупности с экономической бесперспективностью приводит к пьянству и другим социальным порокам.

В комплексе последствия ускоренной индустриализации и урбанизации фактически разрушают нормы и традиции сельской жизни, придающие ей осмысленность и собственную ценность, что приводит к деградации сельского образа жизни как такового.

Специфика разворачивания процессов ускоренной индустриализации и урбанизации, которая определила характер формирования сельского и городского образов жизни в Беларуси, складывалась под влиянием ряда факторов. **Первым** и в значительной степени определяющим фактором для описанных последствий является *охват индустриализацией всех отраслей хозяйства, сельского хозяйства в том числе*. Производственный подход к развитию сельского хозяйства обусловил весь комплекс последствий, относящихся к разрушению и деградации сельского образа жизни как особого уклада и способа социальной организации. Этот подход создал условия для развития белорусских городов по принципам слобод, рабочих поселений, полностью исключив из понятийного аппарата и практики управления собственно «городское развитие». **Вторым** важным фактором является *отсутствие параллельного этим процессам развития третьего сектора*: общественных объединений и местных сообществ. В условиях ускоренной индустриализации они выполняют функцию оформления и трансляции образажизненных оснований, сохраняя их от размывания и деградации и таким образом препятствуя маргинализации и люмпенизации населения. **Третьим** фактором, связанным с первыми двумя, является *отсутствие действующего местного самоуправления*. Существующие органы самоуправления — местные советы — включены в общую административную государственную систему, по сути, являясь ее частью. Решения по развитию территорий, строительству необходимых учреждений и структур, а также ресурсное обеспечение выполнения этих решений «спускалось сверху». Местные советы, в свою очередь, не имеют ни полномочий по принятию решений, ни ресурсов для их исполнения. Отсутствие реальной управленческой практики искажает требования, предъявляемые к позиции управленца местного уровня, она рассматривается как сугубо исполнительская и встроенная в государственную систему управления, а не альтернативная. Сформированы и соответствующие такой позиции сервильные (обслуживающие) нормы и правила поведения, а также мышления управленцев.

Таким образом, при обсуждении проблем качества жизни и образа жизни мы можем констатировать *отсутствие устойчивых, устоявшихся образцов и эталонов, которые были бы традиционными и автохтонными для Беларуси, которые выступали бы нормами и образцами в поведении, планировании карьеры сколь-нибудь значительных социальных групп или слоев населения*. И это относится как к сельскому, так и к городскому образам жизни, поскольку первый фактически разрушен, а второй до конца не сформирован.

Имеющиеся различия между жизнью в городе и на селе обусловлены, в первую очередь, различием в уровне жизни. Он задает определенные ограничения тех или иных возможностей в потреблении, передвижении, карьере. И эти ограничения обусловлены местом проживания: на селе есть один круг возможностей, в городе — другой. Это различие ярко выражается в действующих стандартах сельской и городской жизни, которые не позволяют говорить о равных возможностях в доступе к различным образам жизни. В первую очередь это касается доступности информации, развитости возможностей физического передвижения, а также возможностей в социальной мобильности, то есть изменении социального статуса.

В настоящее время в Беларуси по инерции продолжают запущенные 30-40 лет назад процессы ускоренной индустриализации и урбанизации, в то же вре-

мя на них накладываются набирающие силу процессы деиндустриализации и обратной миграции из города в сельскую местность. Это во многом связано с глобализационными процессами, в зону действия которых Беларусь попадает независимо от желания людей или руководства страны. Действие этих процессов проявляется в широком распространении единых стандартов жизни, в создании общей инфраструктуры услуг, которая не зависит от места жительства. Наиболее показательным здесь является расширение сферы общих потребительских, а также экологических стандартов. Кроме того, развитие средств массовой коммуникации создает условия для информационной доступности разных образов жизни, расширению разнообразия выбора. Развитие техники связи и транспорта расширяет возможности реализации различных образов жизни.

Процессы глобализации не позволяют сохранять изолированность какой бы то ни было страны, находящейся в центре их разворачивания. Проницаемость территориальных, социальных и культурных границ, которые несет с собой глобализация так или иначе затрагивает все страны. Поэтому противодействие этим процессам, желание сохранить изолированное положение становятся проблемой и вызовом для окружающих стран. Кроме того, единые стандарты распространяются через подписание международных договоренностей, межгосударственных соглашений.

Таким образом, белорусское общество находится в балансирующем, неустойчивом состоянии, когда фундаментальные, конституирующие процессы накладываются друг на друга и создают причудливую интерференцию, суть которой не схватывается банальными концепциями переходных транзитных обществ.

ТЕМА 2. ВЛАСТЬ В МАЛЫХ ГОРОДАХ. РЕАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ И САМОУПРАВЛЕНИЕ

1. Политика, власть, управление, самоуправление на местном уровне.
2. Структура местной власти в Беларуси.
3. Модели и механизмы реализации местной власти.

1. Политика, власть, управление, самоуправление на местном уровне

В Беларуси местного самоуправления не существует. Этот тезис справедлив, несмотря на существование Закона «О местном управлении и самоуправлении», наличие структур с названием местных органов самоуправления: местных Советов, регулярных выборов в эти местные Советы и даже людей, постоянно заседающих в них. Понять этот парадокс несложно, если понимать, что идея (а также, норма, образец, эталон) далеко не всегда совпадает с ее конкретной реализацией в конкретных условиях, а также то, что люди иногда склонны употреблять слова в неправильном их значении. Древние китайцы, большие поборники того, чтобы слова в точности относились к тому, что они значат, говорили: «Когда слова утрачивают свое значение, народ утрачивает свою свободу» (*Конфуций*). Нечто подобное произошло и нашей стране: когда местным самоуправлением стали называть нечто, совершенно противоположное, свобода принятия решений на местном уровне исчезла. Но вроде бы, раз местное самоуправление в стране должно быть (а, кстати, должно ли?), то надо его создавать! А как? С чего в таких случаях начинать, объяснил нам еще в VI веке до н. э. тот же Конфуций:

Цзы Лу спросил: «Вэйский правитель намеревается привлечь вас к управлению государством. Что вы сделаете прежде всего?»

Учитель ответил: «Необходимо начать с исправления имен». («Лунь Юй»).

Вот и попробуем заняться исправлением имени «самоуправление». Для этого нам придется разграничить понятия политика, власть, управление, администрация и собственно самоуправление.

Политика

Политика, по выражению Аристотеля — это искусство решения общих дел. Сама по себе политика является очень сложным видом человеческой деятельности, необходимость в политике появляется лишь тогда, когда иными способами достичь решения проблем не возможно. Политика позволяет находить решения общих проблем в интересах сторон, участвующих в политической деятельности. Иными словами, нужда в политике (в самых разных ее формах) возникает, когда ни один из ее участников не может разрешить исход дела так, как желает именно он. Никто достаточно не силен, чтобы заставить иных принять его точку зрения. Возникает необходимость коммуникации и согласования интересов. Местная политика — это та же политика, в которой участвуют те же полноправные граждане, но пространство их политических решений ограничено некой территорией их совместного проживания. Есть ли политика в Беларуси? А местная политика?

Власть, управление, администрация

«Когда мы говорим по-русски «власть» или даже «власти», мы имеем в виду вообще начальство, всякое начальство. Когда мы говорим «администрация», в памяти всплывают скорее вывески в учреждениях отдыха, лечебных или учебных заведениях, равно как и новое «городская администрация», кое-где именуемая еще и мэрией. Наконец, когда мы говорим «управление», обыденный опыт подсказывает, что речь идет о департаменте министерства или мэрии, привычка подсказывает, что речь идет о некотором процессе, направленном сверху вниз: от управляющего (власти) к управляемому. Стоит, однако, обратиться к другому языку, понятийный аппарат которых вырос из другой правовой традиции, и различия смыслов становятся довольно очевидными. Власть или власти по-английски Government, управление — Management, администрация

— Authorities, тогда как словом «Administration» как раз выражается процесс функционирования администрации»².

ВЛАСТЬ	УПРАВЛЕНИЕ	АДМИНИСТРАЦИЯ	САМОУПРАВЛЕНИЕ
подготовка и принятие законов и указов в логике разведения полномочий между ветвями власти в опоре на Конституцию	осуществление решений в логике сверху вниз на основании уставов, при четком ограничении поля действия и принципе единочаля	регистрация, слежение за тем, чтобы действия субъектов хозяйствования осуществлялись по правилам и нормам правового пространства, преследование отклонений от нормы	<i>осуществление функций поддержания устойчивости местного сообщества и сбалансированности интересов между различными его группами и индивидами</i>
утверждение бюджета	ограничение бюджетом	ограничение бюджетом и местным бюджетом	<i>ограничение субсидиями и внебюджетными средствами</i>
контроль над соотношением ветвей власти, сферами управления и администрации на основе Конституции и кодексов	контроль над соотношением уровней управления и компетенций	контроль над практикой соблюдения норм и процедур хозяйствующими субъектами и функциональными подразделениями администрации	<i>контроль над качеством среды и практикой соблюдения норм и процедур администрацией, контроль над действиями групп интереса в рамках местного сообщества</i>
назначение и снятие с должности высших лиц в сферах управления и администрации — по Закону	назначение и снятие с должности нижестоящих начальников на основании уставов	назначение и снятие с должности нижестоящих руководителей на основании Закона, кодекса и положений	<i>заключение договоров с властью муниципального уровня, администрацией, хозяйствующими субъектами, ассоциациями</i>
Власть не должна управлять и не имеет административных функций	Управление лишено власти и не имеет административных функций	Администрация лишена власти и не имеет функций управления	<i>Самоуправление лишено власти и имеет ограниченные функции администрации</i>
По вертикали охватывает уровни Федерации и ее субъектов (но в естественной логике мирового опыта должна распространяться на территории и города с внятным разделением компетенций уровней)	По вертикали охватывает все уровни подчиненности от наивысшего до наинизшего	По вертикали точно отражает структуру строения власти для облегчения и упрощения взаимодействия	<i>Не имеет вертикальной структуры, являясь низовой формой самоорганизации по месту; по «горизонтали» может расчленяться на территориальное и общественное. Местное Самоуправление и формировать ассоциации МС</i>

² Глазычев В. Л. «Городское самоуправление в системе власти» // «Избранные лекции по муниципальной политике. Школа муниципальной политики» (1995 г.).

Самоуправление

«Под местным самоуправлением понимается **право и реальная способность** органов местного самоуправления регламентировать значительную часть государственных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения» // Европейская хартия о местном самоуправлении, 1985.

«Под органами местного самоуправления понимаются органы местных самоопределяющихся территориальных сообществ, которыми они формируются и перед которыми несут ответственность за надлежащее осуществление своих полномочий в рамках, предоставленных им законодательством того или иного государства» // Местное самоуправление в Беларуси. — Мн., 2007

2. Структура местной власти в Беларуси: местное самоуправление и управление

Местное самоуправление — форма организации и деятельности населения, проживающего на соответствующей территории (далее, если не указано иное, граждане), для самостоятельного решения непосредственно или через избираемые им органы социальных, экономических и политических вопросов местного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, особенностей развития административно-территориальных единиц на основе собственной материально-финансовой базы и привлеченных средств (см. проект Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь»).

Местное самоуправление осуществляется через местные Советы депутатов, органы территориального общественного самоуправления, местные собрания, местные референдумы, инициативы граждан по принятию решений Советов, участие граждан в финансировании и (или) возмещении расходов бюджета на определенные ими цели и иные формы участия граждан в государственных и общественных делах.

Система Советов в Республике Беларусь состоит из трех территориальных уровней: областного, базового и первичного и включает областные, городские, районные, поселковые и сельские Советы.

Местное управление — форма организации и деятельности местных исполнительных и распорядительных органов (далее — исполнительные и распорядительные органы) для решения вопросов местного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан.

Система органов местного управления состоит из трех территориальных уровней: областного, базового и первичного и включает областные, городские, районные, поселковые и сельские исполнительные комитеты (далее — исполкомы), а также местные администрации районов в городах (далее, если не указано иное, местные администрации).

(См. проект Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь».)

Критика существующей системы местного самоуправления в Беларуси. «Одной из ключевых концептуальных проблем проекта Закона является тот факт, что местное самоуправление в Республике Беларусь — составная часть государственной власти, что означает подмену местного самоуправления государственным управлением» (информационная записка Фонда им. Льва Сапегы «О проекте Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь»).

3. Модели и механизмы реализации местной власти

В расхожих представлениях о власти и управлении в Беларуси всегда существует образ жесткой вертикали исполнительной власти, реализующей железную волю президента страны. Местная власть (председатель районного или городского исполнительного комитета, председатель местного совета), в таком случае — это просто низовое звено этой формальной иерархии, функция которого

сводится к простому исполнению указаний вышестоящего звена. При всей, казалось бы, очевидности этой модели в реальности малых городов Беларуси это выглядит не всегда так. Сомневаться в ее существовании заставляет несколько фактов. Во-первых, существует большое разнообразие в организации жизни малых городов. Даже города со сравнимыми социально-экономическими показателями могут иметь значительные расхождения в уровне и качестве жизни. Во-вторых, так или иначе, должны существовать неформальные отношения, которые будут накладывать свой отпечаток на способы реализации власти в малых городах. В-третьих, всегда возможны отклонения (девиации) от предполагаемой единообразной формы управления. В-четвертых, объективные различия малых городов будут требовать трансформации способов реализации власти и управления под конкретные условия того или иного города. Как мы покажем далее, есть достаточно веские основания утверждать о наличии разных моделей реализации власти и управления в малых городах. Построим наши рассуждения так, чтобы ответить сразу на несколько вопросов, уже заложенных в основной вопрос о правлении:

1. Кто участвует во власти и управлении? Т. е. какие группы обладают влиянием на реализацию местной власти, откуда (из каких групп) происходит рекрутирование людей, занимающих властные позиции, кто может влиять на назначения и персональный состав местной власти и т. д.?
2. Что является объектом управления? На что распространяется власть и чем, собственно, управляют?
3. Как происходит реализация власти? Каковы способы и механизмы управления?

Вводные замечания

С конца XVIII века власть в белорусских городах не принадлежала городскому сообществу, а городская администрация всегда была и, в большей части, остается по сей день чем-то чужим, внешним для жителей города. После «невядомай вайны» 1654 — 1667 годов (по Г. Сагановичу), когда московскими завоевателями было уничтожено более 50% населения ВКЛ, города заполнились евреями. Литвины предпочитали в то время переселяться в сельскую местность, где поселенцы освобождались от налогов, евреи же преимущественно оставались в городах, т. к. не могли владеть землей на правах собственности. К XIX веку с введением царскими властями черты оседлости, количество еврейского населения в городах возросло еще больше, достигая 50 — 80%. Таким образом, этнически население городов становится преимущественно еврейским, тогда как администрация, чаще всего, была польской (полонизированной) или русской (с конца XVIII века). К этническому разрыву между властью города и его населением добавляется ликвидация Магдебургского права и местного самоуправления (с 1785 года). В XX веке этот разрыв усугубляется. Имперский принцип назначения руководителей, заимствованный потом советской властью, не предполагал назначения руководителей из местных жителей. Поэтому, даже несмотря на этническую гомогенность (после Второй мировой войны и в управлении и в составе населения городов доминируют белорусы), администрация городов преимущественно так и оставалась чужой для местного населения.

Длительное историческое отсутствие легальных механизмов влияния жителей городов на уровень принятия решений привело к закреплению таких отношений власти и населения, при которых отчуждение населения от власти видится как нормальное и естественное положение вещей. Население Беларуси не воспринимает самих себя как источник власти в собственном городе. И если на национальном уровне, уровне страны это еще принимается как идеологическая и риторическая установка, то в местах непосредственного проживания это отсутствует даже в куцых формах. Сама возможность существования некоего общественного управления и самоуправления для массы рядовых граждан воспринимается как революционная идея. Попытка создания общественного фокуса управления событием городского масштаба (фестиваль средневековой культуры) в городе Мстиславле закончилась полным провалом, причем не по причине сопротивления местной власти, а из-за полного непонимания смысла и назначения такого элемента управления.

Реализация власти в городе связывается жителями с формальными властными постами в государственной системе. В городе, с их точки зрения, правит председатель исполкома, мэр, начальники отделов исполнительного комитета, начальник милиции и т. д. Реализация той или иной городской политики (например, стимулирование или подавление деловой активности) связывается с действиями, решениями, личной ангажированностью или инициативностью лиц, занимающих эти формальные позиции. При исходной отчужденности населения от власти и отсутствию у него законодательно закрепленных и реально осуществимых механизмов влияния и контроля властей дело, видимо, так и обстоит. Власть и управление в городе реализуются именно из формальных административных позиций. Причем конкретная конфигурация этих позиций (входит или не входит, например, районный прокурор в систему распределения власти) в каждом случае может определяться по-разному, в зависимости от институциональных особенностей, распределения производства и даже личных качеств людей, занимающих те или иные должности.

Однако реализация власти и управления из формальных позиций все же не предполагает, что именно те, кто занимает эти позиции, действительно правят в городе. Их власть значительна, но далеко не абсолютна. Более правильно было бы говорить о том, что в городе правят такие группы или структуры, которые контролируют (имеют влияние на) персональное наполнение ключевых позиций в городских администрациях. Собственно, разница в том, кто же есть в конкретном городе, и задает разные модели властно-управленческих отношений в белорусских городах. Используемая методология исследования (2-3-дневные экспедиции и выборочные целенаправленные действия) не позволяет с достаточной степенью надежности выделить эти группы/структуры. Но построить некоторые предварительные гипотезы возможно.

Группы и структуры влияния

В восприятии местных жителей, особенно тех, кто занимает относительно активную позицию, у власти могут находиться «свои» или «чужие». «Свои» — это, как правило, выходцы из города или района, т. е. люди, личная история которых знакома местным жителям. «Чужие» — преимущественно те, кто является выходцем из другой местности и не знаком горожанам. Особенно остро это чувствуется в тех городах, где существует особого рода локальный патриотизм (Туров, Давид-Городок). В таких случаях при характеристике местных властей специально подчеркивается, что тот или иной представитель власти — наш «туравец», «гарадоцкі» или же «присланный».

В отношении групп и структур влияния тоже можно применить этот способ условного разделения на «своих» и «чужих». Тогда «свои» — это такие группы и структуры, которые связаны своим происхождением и личной историей с тем городом, в котором они реализуют свои властные устремления. «Чужие» — это внешние для города и его жителей группы и структуры, влияющие, тем не менее, на реализацию власти в этом городе. Так или иначе, поскольку власть и управление не есть закрытая система, всегда существует некая комбинация влияния «своих» и «чужих». Поэтому мы говорим скорее о доминировании, чем об абсолютном господстве этих групп.

«Чужие»

Для различных городов существуют различные группы и структуры, реализующие внешнее влияние на власть в городе. Рассмотрим несколько наиболее типичных вариантов.

1) Правление формальной структуры. Власть в городе фактически принадлежит вышестоящим государственным структурам районного или областного уровня (для городов областного подчинения). Местные городские власти выполняют лишь их установочки, проявляя минимум собственной инициативы. Классический пример такой модели реализации власти и управления демонстрирует г. Туров и, в меньшей степени, Давид-Городок. Власть в Турове фактически принадлежит вышестоящей районной администрации (г. Житковичи), которая пресекает любые попытки независимой активности туровских групп. В городе невозможно провести значимые решения, минуя уровень районной администрации. В случае же несоблюдения данного правила «нарушители» на-

казываются (см. случай создания крипты, случай главврача туровской больницы Ирины Сергейчик, случай рассмотрения вопроса о строительстве храма, случай «туровского семинара»). В похожем положении, видимо, находятся и районные власти г. Мстиславля по отношению к областному могилевскому начальству. По меньшей мере, очевидно, что местная власть в Мстиславле в гораздо меньшей степени заинтересована в реализации некой осмысленной политики развития города, чем в сохранении статус-кво и выполнении прогнозных статистических показателей.

2) Корпоративные структуры. В части городов власть в значительной степени контролируется внешними корпоративными структурами: военными, силовыми, производственными, властными группами в центральном аппарате управления. Смена руководства зависит от воли этих корпоративных структур, а местные власти в очень слабой степени способны принимать самостоятельные решения. Часто господство внешних корпораций обусловлено сравнительно недавней историей города. Типичные примеры этого рода демонстрируют Чаусы и Щучин. В Чаусах сильное влияние корпорации военных обусловлено наличием еще с советских времен в городе крупных воинских (танковых) частей. Необходимость обеспечения специального режима (секретности, безопасности и т. д.), вызванного наличием стратегических военных объектов, естественно, требует согласования решений местных властей с командованием воинских частей или их начальством. Точно так же, как и назначение-смещение районного начальства будет по необходимости согласовываться со структурами Министерства обороны.

Сходная ситуация наблюдается в г. Щучине, где традиционно сильны позиции правоохранительных органов и секретных служб. Это связано с размещением в окрестностях города до конца 1990-х стратегической авиации. До какой степени в Щучине распространяется влияние силовых структур, сказать сложно, но следы существования «особого режима» ощущаются. Еще один пример такого рода — г. Лепель, озерная зона с прекрасной экологией, где с советского времени размещается традиционная зона отдыха для высокопоставленных военных. Местные жители утверждают, что власть (а также собственность и местный бизнес) в городе находится под контролем отнюдь не местной администрации, а неких «минских» или даже «московских» структур (от военных до Администрации Президента).

Подобным, внешним, характером влияния на управление могут обладать и крупные производственные структуры. К примерам такого рода следует отнести г. Каменец — районный центр, который расположен поблизости с Национальным парком «Беловежская Пуща». Администрация Пущи, расположенная в г. п. Каменюки, стремится добиваться реализации своих интересов без учета интересов районного центра. Например, новая дорога в Национальный парк была построена в обход г. Каменца, поскольку посещение музея (Белой вежи) в Каменце удорожает стоимость всего туристического маршрута, а это невыгодно администрации парка. Очевидно, что существуют довольно сложные Каменец-Каменюкские проблемы, что отражается в отношении жителей Каменца к Каменюкам.

Доминирование «чужих» предполагает, что в городе, в первую очередь, реализуются именно их интересы, интересы же местных групп и местной власти либо игнорируются, либо реализуются во вторую очередь. Это очень хорошо заметно по характеру управления в городе: на что обращается больше внимания, а на что меньше, насколько свободно чувствует себя и насколько развита местный бизнес, и т.д. Например, репрессивная политика в отношении местного бизнеса в Мстиславле не может быть выгодной самому городу, точно также как изъятие и так мизерных туристических доходов в районный бюджет делается не в интересах Турова.

«Свои»

В ряде городов на формирование и реализацию власти оказывают значимое влияние группы, которые можно условно отнести к «своим». Типологически это могут быть очень разные группы. Выявлено, по меньшей мере, три типа таких групп: кланы или семьи (г. Глубокое); квази-сообщество «выбившихся в люди» (г. Поставы); церковная община (д. Ольшаны). Основные позиции в фор-

мальной структуре местной власти (от районного исполнительного комитета до суда, милиции, представительства банков) в Глубоком контролируются несколькими (двумя-тремя) семьями. Распространены случаи, когда на разных ответственных постах, в том числе и в одной структуре, работают родственники. По-видимому, назначение и смещение местного руководства находится под их сильным влиянием. Маловероятно, что существует очевидный сговор между семьями или их главами. Скорее, существует молчаливое понимание общности интересов и работает система оказания взаимных услуг.

Помимо контроля административных постов «кланы» заинтересованы в ведении бизнеса, что в системе перекрестного контроля бизнеса со стороны разных ведомств делает семьи и кланы еще более взаимозависимыми. В Глубоком вообще существует сильная коммерциализация власти и управления, что отражается не только в существовании коррупции, но и в особом использовании чисто коррупционных «откатов» для мобилизации ресурсов для решения вопросов городского хозяйства. Например, успешному бизнесмену намекают на необходимость профинансировать ремонт коммунального объекта, за что он получает («покупает») некоторую долю свободы.

Несколько иная модель властных отношений сложилась в г. Поставы, который во многих отношениях представляет собой уникальное для Беларуси явление. Поставы, пожалуй, наиболее развитый город среди тех 18 городов, которые попали во внимание исследовательской группы. Наиболее распространенный ответ о причинах такого положения вещей заключается в том, что «у нас очень хороший председатель исполкома», которого в городе действительно ценят и уважают, называют по имени-отчеству. Однако сомнительно, что такой уровень развития был бы возможен только за счет личных качеств одного человека, тем более, при довольно скудных ресурсах (и властных, и финансовых) любых местных властей в Беларуси.

Действительно, с одной стороны, успехи в развитии города часто объясняются особыми отношениями, которые сложились между людьми, работающими в администрации города («командой» в местной власти). Эти отношения сложились в ходе долгих рабочих взаимодействий. Работая (или проходя воинскую службу: Поставы — бывший военный город) в разное время на разных управленческих должностях в районе, все они уже давно узнали друг друга как хороших специалистов в своих областях, часто в прошлом находились в отношениях руководства-подчинения либо делового сотрудничества. Теперь, хорошо зная друг друга, они способны эффективно решать вопросы управления районом и городом. С другой стороны, более внимательное изучение позволяет выявить в городе интересную группу «влиятельных людей», по крайней мере, таких, которые считают себя влиятельными. Вообще, это тоже уникальный случай, поскольку ни в каком другом городе не приходилось встречать жителей, которые, не занимая никаких формальных постов, могли бы говорить о собственном влиянии на жизнь города. В большинстве случаев это представители «местного» бизнеса, хотя не только они. Часто это люди того же поколения и схожей карьерной траектории, часто из бывших военных. Ближе всего эту группу можно охарактеризовать в расхожих выражениях, кто «выбился в люди», т.е. достиг определенного положения в обществе и определенной степени независимости. Для многих из них важно, что, достигнув такого положения, они «могут сделать что-то для города». Некоторые имеют обширные связи и контакты на национальном уровне (в правительстве, в министерствах).

Можно предполагать, что эта группа имеет значительное влияние в городе, в том числе и на назначение на должности в местной администрации. Сложно судить, до какой степени интегрирована эта группа, но косвенные сведения позволяют предполагать существование хотя бы некоего ядра — людей, периодически встречающихся и разговаривающих о проблемах города. Практически все претендующие на влияние люди в своих суждениях о проблемах города и перспективах его развития не просто давали привычные и банальные ответы, но старались рассуждать и размышлять об актуальных вопросах иногда довольно схожим образом. Вряд ли эта привычка к рассуждениям могла сложиться при отсутствии более или менее регулярного общения между ними.

Случай деревни Ольшаны дает другой пример властного влияния внутренних групп на жизнь города. Более половины из 7,5 тысячи населения деревни принадлежит к общине христиан-пятидесятников. Большинство жителей деревни ведет сельскохозяйственный (выращивание и продажа огурцов) или сопутствующий (перевозка и оптовая продажа огурцов) бизнес. Среди христиан распространен схожий образ жизни: большие семьи, строгая мораль, запрет на курение и употребление алкоголя. Корпоративная солидарность жителей деревни позволяет им эффективно лоббировать свои интересы. Например, строительство «не положенной по статусу» автозаправки. Церковь имеет сильное влияние, но стремится не выходить на политический уровень, тем не менее, маловероятно, что в существующих условиях в Ольшанах можно провести решения, прямо противоречащие интересам общины.

Во всех трех случаях правления «своих» наблюдается позитивная динамика развития поселения: интенсивная деловая активность, широкое частное строительство (в меньшей степени в Поставах), сравнительно более высокая степень и эстетика благоустройства (за исключением Ольшан), более оптимистичные настроения среди жителей. Тем не менее, нельзя с достаточной степенью уверенности говорить о том, что такое развитие будет продолжаться в том же направлении. Для всех указанных примеров существует два сценария развития. Возможно либо перерастание в некое местное прото-сообщество, которое берет на себя ответственность за развитие города, либо, в негативном варианте, превращение этих групп в подобие мафиозных кланов. И чем дольше будет отсутствовать возможность легализации этих в большой степени скрытых форм влияния, тем в большей степени вероятен второй вариант.

Механизм реализации власти

Местная власть управляет городом при помощи системы индикаторов. Система социальных стандартов, экономических показателей, показателей развития (вместе — индикаторов) для малых городов Беларуси предусмотрена нормативными документами национального уровня («Государственная комплексная программа развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007-2010 годы», «Система государственных социальных стандартов по обслуживанию населения» и др.) и планами социально-экономического развития конкретных городов, принимаемыми на 5 лет. Помимо таких официальных индикаторов существует дополнительная система индикаторов «беспроблемности» города: уровень нежелательной социально-экономической активности, уровень жалоб населения на неправомерные действия государственных чиновников, уровень преступности и т. д. Совокупность всех индикаторов покрывает видимое поле допустимой и недопустимой (запрещенной) активности в городе. Любая другая активность, не вписывающаяся в систему отслеживаемых индикаторов, как бы выпадает из поля зрения. Причем именно «как бы», т. к. обычно отрицается наличие «чего-то такого» в городе (нет оппозиции, нет неформальной жизни и т. д.), но, тем не менее, когда это все же есть, то управление сводится к его подавлению. По умолчанию, такая активность является нежелательной и находится под неофициальным запретом в соответствии с общим принципом реально существующего правового регулирования «запрещено все, что прямо не разрешено». Именно в таком смысле можно говорить о том, что покрываемая системой индикаторов деятельность и является объектом воздействия для местных властей. В сущности, это то, чем они управляют. Все остальное репрессируется с большей или меньшей долей энтузиазма или приводится к системе установленных показателей: неформальная активность должна быть приведена к формальной, например, кружковой при школах, домах детского творчества и домах культуры.

Особенно это характерно для городов, где во власти и управлении доминирует формальная структура. Местные государственные структуры здесь управляют лишь штатными прогнозными показателями, остальное их мало волнует. Любые новые, нестандартные ситуации и предложения деятельности являются нежелательными, рискованными. Хотя при ощущении значительной выгоды и при низких затратах, небольшой степени угрозы нарушения по установленным индикаторам власти могут пойти на такие рискованные предприятия. Первый фестиваль в Мстиславле (в 2007 году), предложенный местным властям, был поначалу воспринят очень настороженно. Однако в следующем, 2008 году,

когда он был включен в программу развития туризма района, это уже не вызвало никакой настороженности. Исполком лишь искал способы минимизировать свои затраты и контролировать нежелательную активность населения.

Тогда каким образом в ряде городов удастся добиваться реализации интересов, которые выходят за рамки сетки индикаторов? Предположительно, работает следующая модель. Существует прямо запрещенная деятельность и деятельность, выраженная в индикаторах. Между ними — пространство не запрещенной, но и не разрешенной деятельности, «зазор». В управлении пространством «зазора» и состоит искусство управления в малых городах. В Глубоком и Поставах местный малый и средний бизнес фактически покупает себе либеральный режим, оказывая бесплатные услуги в пользу администрации города. Формально все находится в рамках закона — бизнес оказывает добровольную помощь. Местная власть лишь регулирует «зазор», оставляя возможность купить не запрещенную, но и не разрешенную часть свободы. И те, и другие получают свою выгоду. Точно так же, регулируя «зазор», можно заперещать и подавлять общественно-политическую активность, выгонять активистов с работы, доводить до маргинального состояния. А можно направить их «избыточную» активность в приемлемое русло: например, в сельский туризм или на реализацию общественно-культурных проектов.

Сведение всего к системе индикаторов создает определенное напряжение в системе деятельности. Люди не находят себе места в сложившейся структуре, ибо, чувствуя себя нереализованными, они становятся «лишними». Подавляемая «нежелательная активность» стремится найти себе выход. Это может выражаться в миграции активных людей за пределы города, в росте депрессивных настроений в среде потенциально активных людей, а также в поиске таких форм деятельности, которые обеспечивают хотя бы некоторую долю независимости. Чаще всего, такими формами становится бизнес, творчество, а в последнее время — сельский туризм. Правильное регулирование «зазора», открытие возможностей, свободного пространства для выхода активности может стать хорошим инструментом развития в руках местных администраций и заинтересованных в нем локальных властных групп «своих». Чем больше независимость администраций от внешнего влияния, т. е. чем сильнее влияние «своих», тем в большей степени есть возможность для позитивной динамики городского развития.

ТЕМА 3. МАТЕРИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И ПОТРЕБЛЕНИЕ

1. Развитие городов: соотношение понятий уровень и качество жизни.
2. Инфраструктура источников дохода в малых городах.
3. Уровни потребления в малых городах.
4. Упреждающая и запаздывающая модели инфраструктуры потребления.

1. Развитие городов: соотношение понятий уровень и качество жизни

В данном разделе курса не стоит задачи экономического или социологического анализа уровня жизни населения в малых городах. Эта работа может быть проведена слушателями факультативно на основании имеющейся литературы и статистических данных. Следует лишь отметить, что и по официальным показателям, и визуально, а также по мнению большинства жителей малых городов уровень их жизни и материальные условия постепенно повышаются. Безусловно, здесь нет однозначности и равномерности в данной тенденции, но общий тренд может быть зафиксирован в самых различных проявлениях.

Кроме того, анализ государственных программ, направленных на развитие малых городов, показывает, что совокупность основных показателей, характеризующих это развитие, прямым или косвенным образом относятся к материальному и социальному обеспечению жителей. По крайней мере, в формулировке этих программ производственные задачи подчинены цели роста благосостояния.

В рамках темы развития городов важным является разведение и выстраивание отношений между категориями уровень и качество жизни.

Уровень жизни — количественно измеряемая характеристика, включающая в себя набор определенных (различных) благ (финансы, материальная собственность, социальный пакет и т. д.). Оценка уровня жизни может вестись как по числу компонентов (набор благ), так и их уровню (наполнению). Для оценки уровня жизни используется еще категория стандартов, описывающая необходимый набор и уровень благ для нормальной жизнедеятельности.

Качество жизни — характеристика, описывающая возможности реализации избранного (любого) образа жизни. Это предполагает наличие некоторого набора образов жизни, а также возможности их реализации.

Уровень жизни соотносится с качеством жизни следующим образом: чем выше уровень жизни (шире набор благ и больше их количественное выражение), тем больше возможностей реализовывать различные образы жизни. Однако повышение уровня жизни является хоть и необходимым, но не достаточным условием для обеспечения ее качества, поскольку оно не решает вопроса о разнообразии и выборе образов жизни.

Развитие поселений, именуемых городами, в рамках программ и проектов белорусского государства строится преимущественно на достижении ряда показателей и стандартов: уровень зарплаты жителей, уровень безработицы, уровень потребления различных материальных и нематериальных благ (расходы населения), количество мест досуга, количество мест для медицинского обслуживания, количество мест бытового обслуживания, а также количество потребленных услуг и т. д.

Система статистических показателей и социальных стандартов не учитывает критерия разнообразия и доступности отдыха, услуг, товаров и т. д.

Для развития городов уровень жизни может быть оценен только в соотношении с условиями и инфраструктурой получения и использования имеющихся материальных благ реализации — инфраструктурой доходов и потребления.

Обращение именно к инфраструктуре подчеркивает, что мы будем рассматривать совокупность мест, где жители города получают доходы и могут потра-

тить деньги, не с точки зрения их содержания и оценки, а как совокупность объектов, которые *создают условия для реализации разнообразия*.

2. Инфраструктура источников доходов в малых городах

Первая характеристика, которую следует отметить в инфраструктуре получения доходов в малых городах, — это разделение ее на две части: **основной и дополнительный заработок**. Причем отнесение к основному или дополнительному осуществляется не на основании размера дохода, а по признаку основного места работы, где лежит трудовая книжка. Возникшая в годы застоя, затем ставшая единственно возможной формой выживания в Перестройку и первые годы независимости, «подработка» на приусадебных участках, а также челночная торговля, прочно вошли в образ жизни беларусских горожан. Особенную устойчивость это приобрело именно в малых городах, где прежние рабочие места до сих пор не восстановлены и большинство предприятий находится в убыточном состоянии. В приграничных городах в качестве дополнительного заработка процветает контрабанда, формы и содержание которой гибко реагируют на обновление таможенных правил. В последние десятилетия к ним добавились поездки на стройки в соседние страны (в основном Россию, а также Латвию и Литву).

Подработка является практически тотальной для всех слоев населения и для представителей всех профессий — управленцы, рабочие, интеллигенция и т. д. Города в этом отношении обычно *гомогенны*, они имеют свой способ добычи дополнительных средств. Следует отметить, что некоторые из этих способов на самом деле приносят основной объем средств — торговля и поездки на строительство.

«Основной заработок», в свою очередь, можно разделить по работе на *частных или на государственных предприятиях*. Частные предприятия (бизнес) представлен в городах крайне слабо: ремонт автомобилей и торговля. Несмотря на государственные программы поддержки малого бизнеса, широкое распространение этот способ получения доходов пока не получил. Преимущественно это либо индивидуальная деятельность, либо семейные предприятия, охватывающие несколько человек. Соответственно инфраструктура получения доходов на частных предприятиях ограничена выбором стать самому предпринимателем. Расширение этого ассортимента произошло в последние годы в связи с программой развития агротуризма. Исключение составляют города, где есть крупные и средние частные предприятия (Поставы, Каменец). Здесь жители города имеют возможность выбрать высокооплачиваемую работу с жесткими условиями, графиком и дисциплиной, собственный предпринимательский риск или государственное предприятие и учреждение. Следует отметить, что люди редко чередуют собственную предпринимательскую деятельность с работой на государственном предприятии. Обращение к предпринимательской деятельности выводит людей сразу в иную категорию, где разнообразие доходов ограничено объективными условиями города и средствами, которые можно вложить.

Государственные предприятия и учреждения составляют основную инфраструктуру доходов жителей малых городов (по крайней мере, официальных доходов) и имеют типовое распределение по кластерам.

Первый кластер — промышленность. Среди всех промышленных предприятий в малых городах основную долю занимают предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья: консервные, сушильные заводы, а также мясо-молочные комбинаты. Эти предприятия преимущественно находятся на грани выживания (за редкими исключениями), численность рабочих небольшая, зарплаты небольшие, что связано с состоянием сельского хозяйства. В отдельных малых городах остались работать отделения больших производственных комплексов — электронной, химической промышленности. Они также не представляют места с высокими доходами.

Второй кластер — сфера услуг и торговля. В отличие от советского времени эти сферы перестали быть престижными и доходными. Тем не менее, этот кластер более престижен, если не в денежном выражении, то по условиям труда.

Третий кластер, самый престижный и для многих городов самый емкий — *государственные учреждения*. Большинство малых городов — административные центры районов, где сосредоточены все управляющие органы, а также основные учреждения образования, культуры и спорта. Эти рабочие места обеспечивают стабильность и дают большую свободу распоряжения временем, которые употребляется для дополнительного заработка.

В целом инфраструктура получения доходов в малых городах — *типовая для всех городов*. Переезды из одного малого города в другой могут позволить изменить вид дополнительного заработка или расширить возможности за счет развитого частного предприятия. В рамках одного города инфраструктура получения доходов не предоставляет разнообразия. Это является причиной сетований на то, что «в нашем городе негде работать», которые чаще всего ассоциируют с безработицей. Даже при небогатом спектре представлений и желаний жителей малых городов о своей карьере информационная насыщенность современной жизни создает ощущения узости и бесперспективности возможностей работы.

3. Уровни потребления в малых городах

Местом, которое концентрирует инфраструктуру потребления в малом городе, является рынок (базар). В белорусских городах экономические отношения еще не выросли до такого уровня, чтобы можно было полностью отказаться от рыночной формы в пользу более «окультуренной», в виде, например, гипермаркетов. Поэтому они остаются значимым элементом инфраструктуры потребления в городе. Насыщенность и ассортимент товаров, уровень цен и т. д. являются результатом баланса существующего в городе спроса и предложения. И в этом смысле городские рынки могут репрезентировать сферу потребления, доступную для жителей этого города, а сам базар может быть индикатором развитости инфраструктуры потребления в городе. Конечно, совсем не значит, что если на нем не продается, например, стиральная машина, то ее вовсе невозможно купить в этом городе или стиральными машинами там никто не пользуется. Но, обобщая, можно сказать, что «качество» рынка, его обустроенность корреспондируют с тем, как развита инфраструктура потребления в городе. Рынки в малых городах по своей оборудованности и благоустроенности различаются в некоторых пределах, начиная от площадки под открытым небом для палаток и лотков (например, в Дисне) и заканчивая крытым рынком, как было, например, в Поставах. Различия касаются также ассортимента товаров, цен, занимаемой площади и т. д.

Отталкиваясь от различий в инфраструктуре рынков, можно выделить несколько уровней потребления, которые характеризуют малые города.

К первой группе относятся города, которые имеют инфраструктуру, ориентированную на удовлетворение потребностей базового уровня (например, Верхнедвинск, Дисна, Кличев). На рынках большую часть занимают продукты питания, предметы гигиены, в одежде и обуви преобладает ширпотреб. Все, что сверх этих потребностей, приобретается за пределами самого города. Соответственно, в таких городах слабо развита сфера бытового обслуживания, не развита инфраструктура отдыха и развлечений. Либо вообще нет ни одного заведения общественного питания, либо (например, в Кличеве) работает два кафе и один ресторан, но они ориентированы на специфический отдых, сопряженный с употреблением большого количества алкоголя. Поэтому ассортимент ограничивался алкогольными напитками и холодными закусками. Сам город как некоторое организованное пространство не предоставляет никаких возможностей, кроме удовлетворения минимальных потребностей, и не стимулирует их количественное или качественное развитие.

Инфраструктура потребления городов **второй группы** (Ганцевичи, Береза, Щучин, Столин, Лепель) более развитая, за счет лучшей организации сферы бытовых услуг (услуги ремонта, парикмахерские, услуги сотовой связи и т. д.). В ассортименте товаров на рынке, кроме уже перечисленного в первой группе, появляются бытовая техника (пылесосы, микроволновки), различные компьютерные комплектующие, иногда мебель. Также чуть больше возможностей, связанных с отдыхом, но они касаются скорее разнообразия форм при неизменном содержании. Отличия от первой группы связаны с изменением внеш-

ней атрибутики. Например, в ресторане есть гардероб, сделан нормальный ремонт, в меню тридцать блюд и т. д. Но из этих тридцати блюд можно заказать только три, музыка гремит так, что общаться, отдыхать там просто невозможно, и провести тихий семейный вечер нереально. По внешнему виду это ресторан, а по сути (по содержанию) — обычная забегаловка.

Отличия инфраструктуры потребления городов 1-й и 2-й группы можно зафиксировать и охарактеризовать количественными показателями в пределах одной нормы. Люди в этих городах живут, реализуя один образ жизни, и в рамках этого образа жизни у одних есть больше возможностей, а у других чуть меньше.

В городах третьего типа (Сморгонь, Поставы, Глубокое) инфраструктура потребления имеет принципиальное отличие, которое не может быть описано только количественным приращением. Суть этого отличия состоит в том, что инфраструктура потребления дает возможность жителям города быть непохожими. Причем эта непохожесть касается не количественных показателей: машин, более дорогой мебели или качественных продуктов. В таких городах появляется возможность реализовывать разные образы жизни. Инфраструктура городов 3-го типа позволяет людям удовлетворять разные потребительские нормы, разные представления о том, что для них важно и на что они будут тратить свои средства и ресурсы.

Выбор в пользу того или иного варианта потребления определяется не только возможностями сферы потребления (сложившейся конъюнктурой и т. д.) малого города Беларуси, но и «идеальными представлениями» его жителей. Между качеством инфраструктуры и разнообразием идеальных представлений или образов жизни складываются взаимозависимые отношения. В условиях, когда инфраструктура города «однородна», эти самые идеальные представления о хорошей жизни складываются сами собой и воспроизводятся как бы естественно. Они приобретают характер поголовной стихийной моды, сложившейся в локальных условиях. Например, представления о качественной жизни в городе Кличеве предполагают наличие широкополосного Интернета и спутникового телевидения. В результате параболлическими антеннами буквально увешан весь город. Повышение уровня жизни жителей города приводит к увеличению потребления, но в рамках одной нормы потребления при неизменном сохранении отсутствия разнообразия.

С другой стороны, чтобы появилось разнообразие инфраструктуры, необходимо, чтобы кто-то в городе являлся носителем новых представлений и имел намеренье и ресурсы изменить ситуацию так, чтобы в нем появились возможности жить в соответствии с этими представлениями.

4. Упреждающая и запаздывающая модели инфраструктуры потребления

Развитие городов связано с увеличением разнообразия, другими словами, *увеличением «емкости» инфраструктуры потребления*, то есть ее способности обеспечить реализацию большего количества норм потребления и образов жизни. Поэтому попытаемся разобраться в прецедентах увеличения такой «емкости».

Развитие инфраструктуры потребления в контексте развития города можно описать как переход от одной ситуации, в которой инфраструктура потребления обеспечивает реализацию одной нормы потребления, к ситуации, когда инфраструктура потребления обеспечивает реализацию двух различных норм потребления (Рис. 1).

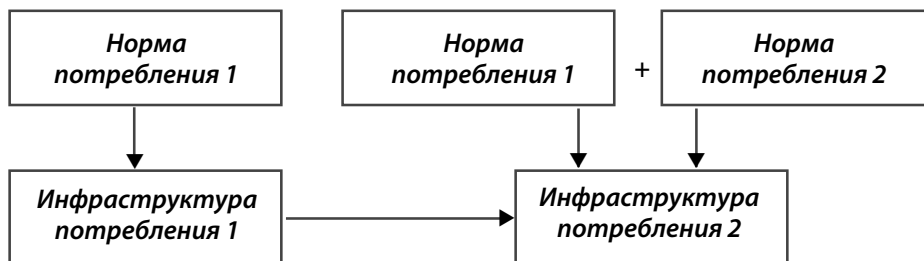

Рис. 1. Модель развития инфраструктуры потребления

Такая схема иллюстрирует идеальную ситуацию, где появление «другой» нормы потребления сопряжено с возникновением адекватной инфраструктуры, обеспечивающей ее реализацию, т.е. сохраняется соответствие между потребностями и возможностями инфраструктуры потребления. Однако в малых городах чаще встречается ситуация, в которой появление новой нормы потребления не обеспечивалось соответствующей инфраструктурой для ее реализации, т.е. сфера потребления *запаздывает* по отношению к нормам потребления. Носители новых норм попросту становятся маргиналами или уезжают туда, где могли жить так, как они считают необходимым (в областной город, столицу) (Рис. 2).

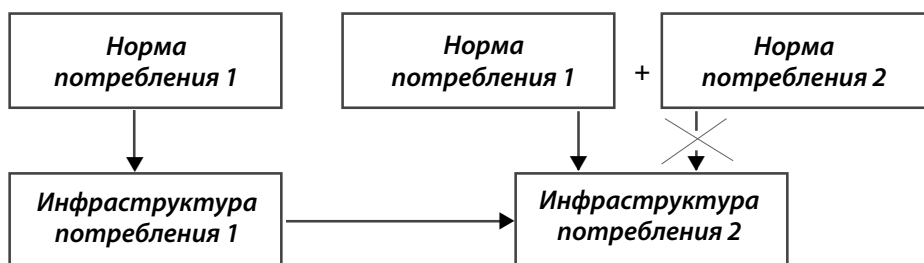

Рис. 2. Запаздывающая инфраструктура потребления.

В качестве примера можно привести дискотеки в Чаусах. Их там две: одна расположена ближе к центру в РДК, а другая — в «микрорайоне», в Доме молодежи. Та, которая в микрорайоне, выглядит привлекательнее (интерьер лучше, звук качественнее, светооформление и т. д.), но не продают алкоголь, нет боулинга или хотя бы бильярда, т. е., по сути, это танцпол. Наверное, этого было бы достаточно в конце 80-х, но сейчас представления об отдыхе у современной молодежи другие, и отсутствие адекватной инфраструктуры развлечений нивелирует и те преимущества, которые есть. В итоге на эту дискотеку никто не ходит. Можно сказать, что возможности потребления, которые предлагает запаздывающая инфраструктура, не обеспечивают потребительские аппетиты обывателей. Уровень жизни жителей малых городов уже предоставляет финансовые возможности потреблять больше, уже сформированы большие потребности, а сфера потребления городов достаточно «мелкая». Поэтому для реализации норм потребления жители из городов с запаздывающей инфраструктурой потребления ездят в другие (более крупные) города. Например, из Дисны едут в Новополоцк, из Ивья в Лиду или Гродно, из Ганцевич в Барановичи, из Лепеля в Минск.

В противоположность запаздывающей сфере потребления для городов третьего группы (по крайней мере, для некоторых из них) характерна *упреждающая инфраструктура потребления*. Она имеет некоторую избыточность инфраструктуры по отношению к тем потребностям, которые имеются в актуальной ситуации (рис. 3).

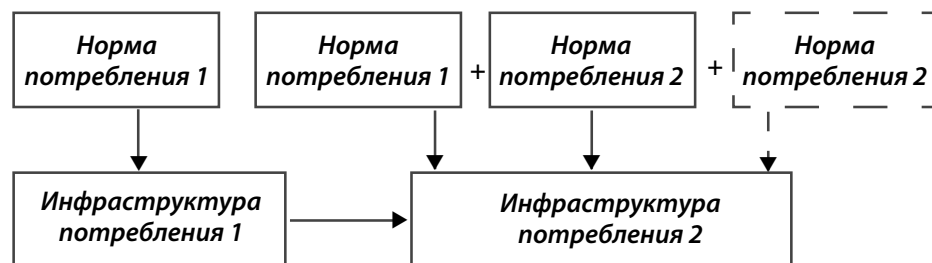

Рис. 3. Упреждающая инфраструктура потребления.

Это означает, что сфера потребления может рассматриваться как инфраструктура образов жизни, которых еще нет в актуальной ситуации. Самый яркий пример упреждающего потребления связан с бизнесменом Анатолием Бабичевым из Постав, который спонсирует местную футбольную команду и строит в городе современный стадион с искусственным покрытием. В настоящий момент Поставы не являются футбольным центром Беларуси, там не собираются проводить крупные международные чемпионаты, т.е. объективных причин, чтобы строить в городе стадион европейского уровня в настоящий момент нет. Стадион как элемент инфраструктуры обеспечивает реализацию потребностей, которые избыточны для актуальной ситуации Постав. И он строится не из потребностей актуальной ситуации, а исходя из видения желаемого будущего, и является инструментом реализации будущего. Другими словами, стадион не для тех футболистов, которые уже играют в национальном чемпионате, а для детей, которые в будущем будут побеждать в соревнованиях.

Внешне похожая ситуация в Столине с теннисными кортами, которые тоже избыточны для города. Однако, при всем кажущемся подобии, имеет место существенное отличие от ситуации в Поставах. В Столине нет субъекта, который бы имел деятельностное отношение к культивированию новой нормы потребления, но есть материальный ресурс, предоставленный программой CORE. Поэтому, можно предположить, что построенные корты будут предоставлены сами себе, а их будущее использование будет определяться структурой текущего момента. Не исключено, что, не дождавшись теннисистов, они станут, например, рынками, как иногда бывает с ледовыми аренами и стадионами. В Поставах же есть не только ресурс, но и некое стратегическое видение будущего, а главное — есть субъект, у которого есть желание и возможности прямо здесь, в Поставах строить ту жизнь, которая его устраивает.

Подводя итог, можно было бы выделить два принципа, которые способствуют развитию инфраструктуры сферы потребления в малых городах Беларуси. Первый — это принцип избыточности, суть которого в том, что для развития сферы потребления нужны некоторые свободные ресурсы или то, что мы называли излишками. А второй — это принцип наличия субъекта, имеющего деятельностное отношение к формированию новых образов жизни.

ТЕМА 4. КОММУНИКАЦИЯ В ГОРОДСКОМ РАЗВИТИИ, ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

1. Функции коммуникации в организации жизни города.
2. Основные элементы анализа коммуникации: субъекты, формы и содержание коммуникации.
3. Характеристики состояния пространства коммуникации в малых городах Беларуси.
4. Барьеры и фильтры в коммуникативном пространстве.

1. Функции коммуникации в организации жизни города

Рассматривая коммуникацию в рамках обсуждения организации жизни в городе и городского развития, необходимо определить место и функции коммуникации в этих процессах. Пространство коммуникации является «связующим звеном» между пространством идеальных представлений (идей, программ, целей, норм, эталонов и т. д.) и пространством непосредственной человеческой активности. В этом смысле любая материальная деятельность человека опосредуется некоторыми нормами, представлениями, целями и ценностями, а рефлексия результатов конкретных действий, в свою очередь, может приводить к изменению целей, переоценке ценностей, принятию иных норм. Осмысленность человеческих действий появляется именно в этом коммуникативном процессе постоянного соотнесения целей и норм деятельности с производимыми изменениями.

В силу своей коллективной природы любая деятельность требует согласования целей, норм и представлений и организации конкретных действий. Городская коммуникация — это то пространство, в которое выносятся цели, представления и результаты деятельности субъектов городского развития (то есть тех, кто осуществляет определенные действия, направленные на организацию жизни в городе) для обсуждения, согласования и реализации.

Функции городской коммуникации:

- Распространение информации, относящейся к различным аспектам городской жизни.
- Согласование и развитие идей и представлений, норм и целей субъектов городского развития.
- Формирование городского сообщества, групп интересов, публик и т. д.
- Принятие и легитимация решений, относящихся к обустройству жизни и развития города
- Организация совместных действий в разных сферах городской жизни.

2. Основные элементы анализа коммуникации: субъекты, формы и содержание коммуникации

Субъектами городской коммуникации могут выступать: местные власти, институционализированные (религиозные общины, политические партии, общественные организации и т. д.) или неинституционализированные (различного рода сообщества, неформальные организации, группы по интересам, «тусовки» и т. д.) группы, отдельные жители города («горожане»).

По формам городскую коммуникацию можно разделить на опосредованную и непосредственную. К опосредованной коммуникации можно отнести коммуникацию, осуществляемую через СМИ (местные газеты, радио, ТВ, интернет-сайты), а также объявления и граффити как особый способ передачи сообщений или визуализации своего присутствия в городе. Непосредственная коммуникация включает в себя любые формы межличностного или межгруппового непосредственного коммуникативного взаимодействия, как специально организованного, так и неформального (сфера общения и т. д.).

Содержанием городской коммуникации может являться город (как объект от-

несения), программы и перспективы городского развития, отдельные аспекты и проблемы городской жизни и т. д.

3. Характеристики состояния пространства коммуникации в малых городах Беларуси

Кратко рассмотрим особенности разных форм и каналов городской коммуникации в Беларуси, с точки зрения субъектов и содержания коммуникации.

Газеты.

Абсолютное большинство местных газет являются государственными по принадлежности и районными по охвату (а соответственно, и по содержанию). Независимые местные газеты существуют только в отдельных городах, кроме того, в некоторых городах выпускаются (или выпускались до недавнего времени) разного рода «бюллетени» общественных объединений, «листки» или небольшие газетки подпольного или полуподпольного характера. Основной массив информации в местных газетах составляет, как правило, официоз республиканского и областного уровня (основные новости, особенно законодательные, «программы развития» и т. д.), официальная информация райисполкома, районные показатели, проблемы сельского хозяйства и новости посеваемости и т. д. «Районность» СМИ обуславливает низкую представленность в них городской тематики, размывание границ города и сельской местности. Наиболее освещаемые местными газетами аспекты собственно городской жизни — проведенные в городе празднества или мероприятия, сообщения о ЧП и правонарушениях, иногда — «очерки» об истории города (в основном — во время и после второй мировой войны) или о «знаменитых людях города» (как правило, привязанные к каким-либо профессиональным праздникам). Нередко местные газеты не поступают в розничную продажу, а распространяются только по подписке (чаще всего — «добровольно-принудительной», когда планы на подписку «спускаются» в различные организации и ведомства), что формирует соответствующее отношение к ним жителей города. Информация, печатаемая в районных газетах, часто дублируется и по другим каналам: в республиканских и областных газетах, через «официальное информирование» по месту работы, общенациональное и местное радио и телевидение и т. д. Если добавить к этим характеристикам еще и практически полное отсутствие обратной связи, можно с уверенностью говорить о том, что районные газеты представляют собой не пространство коммуникации, а средство информирования населения.

Интернет.

В связи с развитием компьютерных технологий и распространением сети Интернет, отдельно стоит рассмотреть Интернет-сайты как место и канал городской коммуникации. Официальные сайты районных исполнительных органов власти уже стали обязательной частью информационной политики государства в интернет-пространстве. Параллельно довольно активно появляются различные неофициальные сайты городов. А также сайты или странички отдельных организаций или структур (школы, музеи, религиозные общины, предприятия и т. д.), которые потенциально могли бы быть субъектами городского развития, иметь свои собственные взгляды и планы на развитие города.

Анализ сайтов малых городов³ показывает, что:

- Развитие сайтов малых городов и Интернет-коммуникации, которые они иницируют, складывается спонтанно и *вне контекста* развития малых городов, вне постановки соответствующих проблем и задач. Основные тенденции и проявления в этой сфере являются результатом наложения и интерференции таких процессов, как: развитие информационных технологий и расширение технических возможностей коммуникации, освоение жителями малых городов новых форм и возможностей коммуникации, включение их в широкие потоки циркулирования информации, расширение государственной информационной политики на новую медиа-сферу и др.

³ Водолажская Т. Сайты малых городов Беларуси в контексте городского развития // http://www.methodology.by/index.php?option=com_content&task=view&id=376&Itemid=73

- Возможности, связанные с внутренней спецификой устройства самой сферы Интернет-коммуникации, остаются слабо востребованным и реализованным. Возможности, которые предоставляет Интернет-пространство, не позволяют *автоматически* запускать процессы городской коммуникации и выходить на качественно иной уровень обсуждения проблем. Без специальных целенаправленных действий коммуникация в Интернет-пространстве становится отражением коммуникации в «реале», вместе со всеми ее барьерами и препятствиями.
- Вне специальных задач на использование Интернет-пространства оно становится дополнительной возможностью «*утилизации активности*» в малых городах. Своеобразие, индивидуальность и энергия направляются в такие виды деятельности, в которых они не имеют возможности выхода на уровень публичной, городской жизни, а остаются частным проявлением. Причем в Интернет-пространстве эта уникальность и активность растворяются в информационном многообразии и теряют ту значимость, которую могла бы иметь в локальном контексте городской жизни.
- Интернет-пространство пока нельзя рассматривать как альтернативное пространство жизни городов, в котором они были бы не только разнопланово представлены (как немногочисленные города из первой группы), но и своим присутствием создавали новый городской дискурс, пространство коммуникации. Сайты не представляют разнообразие образов жизни, не предлагают новые нормы и образцы правил, новые образы жизни.

Непосредственная коммуникация

Организация непосредственной коммуникации по поводу города, решения его проблем, разных образов жизни, в нем представленных, предполагает наличие публичных мест для осуществления такой коммуникации, либо искусственно сформированных (типа агоры или городских советов, «клубов» и т. п.), либо исторически адаптированных под эти функции (например, пабы или бары в некоторых странах, рынки и т. п.). Поскольку в белорусских городах такие места практически отсутствуют, сфера непосредственной коммуникации вытеснена по преимуществу в сферу «приватного» общения.

При этом существуют темы и аспекты городской жизни, которые по каким-то причинам практически не попадают в эту сферу или попадают в искаженном виде. К таким темам можно отнести и тему города как такового, и «нетипичные» формы жизни и деятельности. Это обусловлено наличием специфических коммуникативных барьеров.

4. Барьеры и фильтры в коммуникативном пространстве

Можно выделить несколько видов «барьеров» в коммуникации. Во-первых, это препятствия, которые можно назвать (довольно условно) «физическими» барьерами. К таковым можно отнести отсутствие местных газет в свободном доступе, отсутствие или непригодность существующих в городе «мест» для коммуникации между жителями и различными группами и т. д. Разные города отличаются друг от друга как по наличию пространств для коммуникации, так и по их «качеству» и «безбарьерности». В этом смысле города можно классифицировать по критерию разнообразия каналов коммуникации (наличие независимых или более-менее популярных СМИ; обустроенных для коммуникации Интернет-сайтов; мест, в которых принято размещать объявления; клубов, неформализованных объединений; кафе-баров-ресторанов, в которых есть условия для того, чтобы в них можно было хотя бы встречаться и разговаривать — приемлемый антураж, четкий график работы и т. д.).

Второй вид «барьеров» связан с проблемами опознавания содержания сообщения, знаков и символов из-за отсутствия определенных знаний.

Однако наиболее существенные барьеры в коммуникации (и это «третий вид» барьеров) связаны с тем, что можно назвать «проблемой кодирования-декодирования сообщений» или «системой фильтров» в коммуникации.

Возникновение коммуникационных фильтров и проблемы в их преодолении связаны с отсутствием рефлексии по поводу содержания понятий и катего-

рий, в которых описывается мир, и переводом всех вносимых в коммуникацию содержаний в терминах имеющих схем и представлений. Поскольку эти понятия и категории по преимуществу воспринимаются как «объективные», закономерные, заданные, они не попадают в процесс осмысления, критики, согласования.

Основные фильтры, посредством которых происходит селекция информации:

1. Фильтр, ограничивающий возможности попадания «города» в содержание коммуникации: как и зачем обсуждается город и городские проблемы.

Этот фильтр связан, в первую очередь, с распространенностью в представлениях жителей производственного принципа устройства городов. Город в такой картинке представляет собой «градообразующее» предприятие (или несколько предприятий) и систему жизнеобеспечения вокруг него (них). При этом такие представления о городе одинаково распространены как в городах, которые создавались в период советской урбанизации и индустриализации, так и в городах, создание и история которых состоялись задолго до этого.

Кроме «производственного» принципа в представлениях о городе присутствует еще и активно транслируемый принцип административно-территориального деления, который также определяет способ и формы коммуникации по поводу города.

В такой системе представлений обсуждение города как некоторой самостоятельной целостности, существование и развитие которой может зависеть не только от развития промышленности, зависящего, в свою очередь, от системы распределения ресурсов на областном или республиканском уровне, становится невозможным.

Кроме того, такая система представлений обуславливает отсутствие активного отношения к городу в целом и проблемам его развития, поскольку делает жителей и любые группы изначально несоразмерными решению этих проблем. В соответствии с такими представлениями, единственный способ деятельности, доступный для жителей города, которые всерьез озабочены не локальными, а достаточно «масштабными» городскими проблемами — тем или иным способом повлиять на решения «сверху»: писать письма и обращения, использовать патерналистские установки, возможность развития города за счет внутренних ресурсов и активности горожан или внешних ресурсов, не связанных напрямую с системой административного управления, просто не обсуждается.

2. Фильтр, который связан с представлениями о социальной структуре, о принадлежности к определенным слоям или группам и со строгим ограничением возможности коммуникации между этими слоями и группами. Посредством этого фильтра определяется, о чем и с кем принято разговаривать. Все, что выходит за заданные пределы, слабо или вообще не распознается.

В «картине мира» жителей городов прописана «система мест» в структурах деятельности и четко заданы функции и сферы ответственности, приписываемые этим местам. При этом эта «система мест» практически не претерпела изменений с советских времен. Значимыми для города и его развития в этой системе мест являются местные власти (при этом распространены представления об отсутствии «собственной воли» у местных властей), промышленные предприятия, система «культурных учреждений». На эти места возлагается ответственность за развитие соответствующих сфер, кроме того, они начинают восприниматься и как единственные «информированные источники» по тому или иному вопросу.

За такими «местами», как «церковь», «предпринимательство» на уровне представлений «закреплены» иные статусы и функции, поэтому в качестве субъектов, имеющих влияние на жизнь и развитие города, они не воспринимаются (например, решение социальных или образовательных проблем «не предписано» церкви, забота о развитии города «не предписана» предпринимательству, поэтому если кто-то из этих субъектов начинает осуществлять некую деятельность, направленную на реализацию целей, выходящих за рамки их «основной

функции», эта деятельность не распознается или в интерпретации ей придается другой смысл). Политические партии и общественные организации за весь постсоветский период своего существования, похоже, так и не заняли никакого «значимого» места в этой системе.

Такие представления «об устройстве мира» определяют «систему фильтров» попадания различных сообщений в пространство коммуникации. Эти «фильтры» срабатывают как на этапе «кодирования» и «отправления» сообщений, определения партнера в коммуникации, так и в процессе «приема» и интерпретации передаваемого сообщения.

Резюмируя рассмотрение коммуникативных барьеров, отметим, что в представлениях жителей существует раз и навсегда заданная система мест и отношений, определяющих жизнь и развитие города. В этих отношениях четко определены те, в чью компетенцию входит думать, действовать и обустраивать жизнь в городе. Все остальные, сколь бы активны они не были, будут оставаться «невидимыми» для большинства жителей города. Особую трудность для городского развития представляет повсеместная закреплённость таких форм: от норм повседневного общения до обустройства физического пространства для коммуникации (мест, где люди могут встречаться, размышлять и разговаривать). Все это способствует воспроизводству описанных барьеров и препятствий. Поэтому задача развития предполагает расширение и изменение круга норм и правил, которые организуют коммуникацию, их поиск, освоение и включение в городскую жизнь.

ТЕМА 5. ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ В ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГОРОДЕ

1. Пространство мышления как пространство существования проблем современных городов и их развития.

2. Фрагментарность культуры. Значение культурных разрывов в жизни городов.

3. Современное понятие о городе: стандарт и нетипичные варианты.

A. «Стандарт» понятия город.

B. Отражение «стандарта» в микронарративах горожан.

C. Нестандартные представления: живые города.

1. Пространство мышления как пространство существования проблем современных городов и их развития

Рассуждая о проблемах малых и средних городов Беларуси, мы чаще всего говорим о наблюдаемых, очевидных тенденциях социального и экономического характера. Таких как, например, кризис промышленных предприятий, безработица, неразвитость инфраструктуры обслуживания и коммуникаций, депопуляция и т. п. Рецепты выхода из такой сложной ситуации, как правило, тоже прямо направлены на разрешение именно этих очевидных сложностей. Здесь наблюдается единство в подходах к мышлению о городах среди управленцев и политиков, которые формулируют и реализуют программы развития и среди обывателей, на уровне обыденных представлений. Это единство является отражением культуры — нормативного комплекса, в который входят образцы, идеалы, нормы поведения, и т. д., с помощью которых люди каким-то образом разбираются с реальностью — понимают ее, оценивают, строят планы и т. д. Для каждого отдельного человека культура «дана» как среда, которую он осваивает и в которой живет, реализуя образы и нормативы. Накопление и развитие культуры (пространства идеальных и нормативных форм) происходит постоянно и особенно интенсивно с интенсификацией информационных потоков, открытостью границ и т. д. Однако осмысленное и целенаправленное внесение изменений в культуру — это довольно редкое явление, которое происходит в ситуациях кризиса или развития, когда требуется добраться до глубинных оснований проблем, а не справляться с внешними проявлениями.

Государственная комплексная программа развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007-2010 годы в основание предложенной политики кладет развитие производственных предприятий. В то же время в большинстве случаев на вопросы о существующих проблемах, в любой точке страны и независимо от относительного благополучия жизни в конкретном городе, вы услышите стандартный ответ о нехватке промышленных предприятий, о том, что старые советские заводы умерли, и неплохо бы их воскресить, а лучше построить новые.

Интерес в исследовании возможностей и перспектив развития городов в Беларуси вызывает не столько такое всеобщее единство стереотипов восприятия проблем и их содержания. Важно как раз другое: действительно ли мы имеем дело с относительно простым набором проблем, сводимых в представлениях населения и государственных чиновников к хозяйственно-экономическим, или кризис городов вызван иными, более существенными и глубокими причинами?

Поскольку мы не связываем развитие городов с эволюционированием и постепенным естественным изменением под влиянием объективных закономерностей и заинтересованы в понимании, анализе и возможностях развития как осмысленной, целенаправленной человеческой деятельности, то нас волнует не столько объективное состояние городов, сколько способ мышления о них.

Люди действуют на основании того, что они знают и понимают. Они могут замысливать и реализовывать только такие идеи, планы и проекты, которые согласуются с их способом восприятия мира, с освоенными способами мышления

и действия. В реальной деятельности мы имеем дело лишь с затруднениями и преодолимыми препятствиями. И хорошо, если эти препятствия связаны только с ошибками и погрешностями в реализации, с неправильным исполнением нормативных предписаний культуры той или иной деятельности. Реорганизация деятельности, отладка систем производства и управления позволяет относительно легко устранить наличные препятствия. Гораздо хуже, когда мы сталкиваемся с воплощенными в реальности пороками культуры мышления, зачастую связанными с попытками реализации устаревших, архаичных культурных норм в новой социокультурной ситуации. В таких случаях устранение препятствий невозможно путем корректировки «исполнительского мастерства». Необходимо разбираться с идеальными представлениями, моделями и образцами культуры, организующими нашу жизнь и деятельность.

Далее мы рассмотрим ряд проблем и пороков мышления, которые задают кризис современных белорусских городов, и это в наибольшей степени проявляется в малых городах. Среди этих пороков и проблем: фрагментарность, разрывы и отсутствие целостности культурно-исторической целостности городов, а также архаичный (советский) стандарт мышления о городе.

2. Фрагментарность культуры. Значение культурных разрывов в жизни городов

Становление современной культуры (нормативной системы организации жизни и деятельности) белорусских городов не единовременный, а длительный исторический процесс. А значит, можно генетически проследить ее формирование. Рассмотрим это на характерном примере из экспедиций. На Западе Беларуси, у самых границ Беловежской пуши, находится город Каменец. Город впервые упоминается в летописных источниках в 1276 году. Более чем за 730 лет истории город стал свидетелем многих исторических событий. По сей день в городе сохранилось значительное количество архитектурных памятников разных лет: от знаменитой Белой вежи XI века, до городской застройки XIX века до начала XX века. Но, пытаясь восстановить целостную историю Каменца, вы найдете как минимум три-четыре разные версии. Официальная современная версия исторического прошлого Каменца состоит как бы из двух основных частей: первая часть — от древнего мира до конца существования ВКЛ, вторая часть — от 1939 года, года включения Каменца в состав БССР, до настоящего времени. Остальные исторические факты — маргинальные, редко упоминаемые. Официальная версия истории более-менее будет корреспондировать с «*адраджэнскай*» версией, естественно, с некоторыми купюрами. Существующая польскоязычная версия истории города отражает совершенно иной исторический период — с конца существования ВКЛ до 1945 года, преимущественно сосредотачивается на героических моментах истории, связанных с Каменцем, — войнами, жизнью и деятельностью польских культурных героев и т. д. Интересно, что в этой версии ничего не говорится о периоде с 1795 года (Второго раздела Речи Посполитой, после которого Каменец был включен в состав Российской империи) до 1919 года, года восстановления Второй Речи Посполитой. А что было в этот таинственный период с конца XVIII века и до 1919 года, который выпадает из рассмотрения двух предыдущих версий? Об этом упоминается в третьей версии истории Каменца — еврейской. Именно в это время основное население города составляли белорусские евреи, сформировавшие собственную культуру, городскую историю и, во многом, современный архитектурный облик центра города. Подавляющее же большинство современных жителей города Каменца не владеют ни одной из упомянутых исторических версий, их история и того короче: собственная биография и биография предыдущего поколения.

Случай Каменца типичен для большинства малых городов Беларуси. Даже топографическое пространство города Каменец представляет собой напластование разных культурных слоев: культуры ВКЛ, культуры Речи Посполитой (и первой? и второй), культуры белорусских евреев, советской культуры. Планировка центра города — торговая площадь, сохранившая отпечаток старого города, храмы, монастыри и шляхетские замки ВКЛ и Речи Посполитой, еврейская застройка и культовые постройки XIX-XXвв., еврейские и военные кладбища, памятники «*польскага часу*» — все это материальное выражение культур ставших, развивавшихся и пришедших в упадок на нашей земле.

Но как это слоистое устройство отражено в реально существующем порядке, организующем отношение жителей и администрации к городскому пространству? Что из этого сохранилось в современной культуре? Ничего. Или практически ничего. Культурное содержание прошлого выхолощено из оставшихся материальных артефактов городского пространства. Смысл и значение оставшихся зданий и мест утрачены для подавляющего большинства местных жителей. Поэтому можно каменную синагогу в г. Высоком разбирать на камни, подпирающие хилый забор; можно историческое здание в Ивье считать грудой строительного мусора, которое портит вид города; можно старинный католический храм в Мстиславле оставлять гнить без крыши.

Все такого рода шокирующие исторически грамотных людей факты отношения к наследию списываются на «бескультурье». Но это *такая культура*, такая совокупность норм, образцов, идей и представлений, в которой за артефактами ни стоит тех смыслов и значений, которые они имели во времена своего строительства или процветания. Материальная, овеянная в памятниках и исторических артефактах культура разрушается потому, что та, невещественная, культура (нормы культуры), которая стояла за созданием этих памятников, утрачена. В каком-то урезанном виде она транслируется, перепечатывается в альбомах фотографий, консервируется и музеефицируется в мертвых памятниках. Но она исключена из реализации, она отсутствует в реальных процессах жизни и деятельности современного города. Проще говоря, сегодня эта овеянная культура (материальный знак нематериальной культуры) никому не нужна, от нее нет пользы. А вот вред ощутимый: хранить это дорого, эксплуатировать — еще дороже.

Менее всего здесь следует упрекать «местных жителей» как таковых, поскольку *работа по восстановлению или приданию новых смыслов и значений, удержанию общей линии, в которую могут быть осмысленно включены разнообразные компоненты, — это сложная историческая работа*. Она практически не выполнима без соответствующей интеллектуальной и методологической подготовки. В Беларуси сам вид такой работы (исторической) был практически уничтожен. И бескультурье, и историческая неграмотность стали уже видимым результатом, но не причиной.

Существующая культурная ситуация — результат серии культурных катастроф, которые пережила Беларусь⁹. В результате этих катастроф раз за разом уничтожались носители доминирующей культуры: магнатерия как носитель культуры ВКЛ, шляхта как носитель культуры Речи Посполитой, евреи как носители городской культуры, поляки как носители польской национальной культуры в Западной Беларуси. Каждое следующее «поколение» начинало как бы заново, с чистого листа. А оставшиеся от предшественников материальные носители либо переосмыслились, либо оставались в качестве стен, рвов и т. д., не имеющих значения и смысла. Современная белорусская культура имеет лишь очень и очень опосредованную связь с этими культурами.

Назовем такую культурную ситуацию **ситуацией культурных разрывов**. Сегодняшние проблемы города не в последней степени порождены именно этим обстоятельством. Разрывы в культуре приводят к отчуждению населения от городского пространства. Город устроен сложно, слоисто, тогда как современная культура «снимает» только один срез, один слой этого пространства. Видимое пространство современного белорусского города — плоское. Сегодня оно состоит только из объектов жизни и деятельности населения, находящихся в использовании: мест работы (заводы, государственные учреждения, учреждения обслуживания населения и т. п.), мест проживания (дома, общежития, коттеджи), мест проведения досуга (кафе, бары, бани), сопутствующих жизни или деятельности мест (банки, детские сады, школы), мест реализации доминирующего образа жизни (дача, водоем в городе или вблизи него), ритуальных пространств (церковь или костел, актуальное кладбище, памятник Ленину и неизвестному солдату, мемориалы воинам-интернационалистам). Остальное выпадает из поля зрения, не замечается, не используется (или используется фрагментарно)⁴.

⁴ Мацкевич В. «История национальных отношений на фоне культурных катастроф» // Белорусский климат. 1997. №4.

В полной мере разрывность присутствует и в отношении к современному культурному производству. Ничего нового в городской культуре не появляется не потому, что этого совсем нет в белорусских городах. Оно может появляться, но при этом часто оставаться неизвестным жителям города, поскольку не попадает в доминирующую картину устройства города⁵. Так, за ее рамками остаются неформатная молодежная культура (рок-музыка, субкультурные группы), начинания энтузиастов-профессионалов (интеллектуальные игры, новые способы организации досуга), попытки организации общественной активности и демонстрации иных образов жизни, пробы эстетизации городского пространства и т. п. Все, что производится в рамках этой неформатной культуры, исчезает вместе с ее носителями: рок-музыка уезжает вместе с молодежью, а общественная активность «загибается» вместе с уставшими от вечной борьбы активистами. Новый культурный слой не накапливается, т. е. ситуация культурных разрывов воспроизводится только уже в меньших исторических и пространственных масштабах.

3. Современное понятие о городе: стандарт и нетипичные варианты

Кроме исторической разрывности, проблемы культуры или идеальных представлений о городе лежат в их актуальном содержании, в современном понятии города, которым оперируют и сами городские жители, и управленцы, которые озабочены развитием городов.

В ходе экспедиций отмечалось, что в рассказах местных жителей есть нечто, что совпадает практически везде вне зависимости от города. В то же время встречаются некоторые типичные, но не повсеместно распространенные случаи восприятия своего города, а есть и совершенно уникальные прецеденты. Отдавая себе отчет в ограниченности выводов, все же предположим, что *есть некое общераспространенное понятие о городе, которое задает определенное единство и способ представления малого города в современной Беларуси*. Это, так сказать, «стандарт».

Разнообразие же в представлениях, наблюдаемое нами, характеризует наличие *дополнительного понятийного содержания*. А значит и дополнительные возможности мышления о городе и действия в нем и по отношению к нему. Такое дополнительное содержание понятия город может быть сходным (типичным) для нескольких городов, которые оказываются в неких сходных условиях или ситуациях. Оно может быть и уникальным. Кроме того, внутри одного города может наблюдаться большая или меньшая гетерогенность.

А. «Стандарт» понятия город

Симптомами стандартного способа описания своего города, который базируется на неявных, но вполне определенных представлениях о сути таких поселений как малые города, являются: список проблем города (среди них обязательная безработица, ЖКХ и т. д.), предлагаемые пути развития — «открытие/возобновление производства», предметы гордости горожан — «образцовые коллективы» и «чистота и порядок на улицах» и т. д. Одинаковые ответы на эти вопросы дают в каждом городе вне зависимости от реального состояния.

Каркас наиболее массовых представлений о городе базируется на наборе критериев выделения города как единицы, и, прежде всего, единицы территориально-административной.

Закон Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. №154-З «Об административно-территориальном делении и порядке решения вопросов административно-территориального устройства Республики Беларусь»⁶

⁵ Частый случай — исторически значимое здание было передано советскому учреждению (дому культуры, школе, больнице и т. п.), затем это учреждение перевели в новое здание, при этом старое осталось ничейным, просто заброшенным.

⁶ Шелест О. Пространство коммуникации в малых городах: формы, каналы, барьеры // Игра в города: по материалам экспедиций в малые города Беларуси / сост., науч. ред. Т. Водолажская. / — Минск: И.П.Логвинов, 2009..

Статья 5. Критерии отнесения населенных пунктов к категориям

Населенные пункты Республики Беларусь относятся к определенным категориям в зависимости от:

- численности проживающего населения;
- уровня развития и специализации производственной и социально-культурной инфраструктуры;
- государственных функций, осуществляемых на соответствующей территории.

Соответственно формулируется и типология городов, в которой даже названия этих типов подчеркивают административно-управленческий принцип. В частности, большинство городов, которые мы посетили, определяются следующим образом:

– города районного подчинения — населенные пункты с численностью населения свыше 6 тысяч человек, имеющие промышленные предприятия, сеть учреждений социально-культурного и бытового назначения, с перспективами дальнейшего развития и роста численности населения.

На этой трактовке строится общая система представлений о том, что есть малый город и что в нем должно быть. Понятно, что законодательство напрямую не может создавать образ города в глазах его жителей. Но этот «каркас» многократно тиражируется в различных вариациях. Программы и прогнозы социально-экономического развития малых городов, разработка социальных стандартов, которые закладываются в эти программы, опираются на законодательно-закрепленное понятие города. Обрастая фактурой показателей, они переносятся не только в планы и отчеты местных властей (а значит и в их действия), но и в средства массовой информации. По этим показателям меряется степень развития города, его движение вперед или назад. Так задаются критерии для того, чтобы определять, что есть благо для города, а что нет, в чем кроются проблемы и какие есть варианты их решения. Они же формируют критерии для составления исторической ретроспективы города в музеях и на уроках в школах.

В соответствии с таким понятием история города выстраивается вокруг смены или сохранения его административно-экономического влияния, а те страницы жизни города, которые не соответствуют такому магистральному направлению, остаются факультативными. Из музеев и книг «Память» данные представления переключаются уже в качестве оснований для организации массовых мероприятий в городе или районе. Причем они служат ориентирами, как для выбора дат, так и для выработки организационных принципов. Например, все самодеятельные конкурсы организованы по производственному принципу: завод с заводом, колхоз с колхозом, район с районом. Праздники города повсеместно совпадают с датой освобождения Беларуси или района. Городской житель с рождения окружен смыслами, производными от этого нормативно-правового понятия, со всех сторон: на учебе, дома, на работе, во время отдыха.

Дополняют этот каркас представлений положения законодательства о местных органах управления и самоуправления. По нормам закона некое поселение признается городом с точки зрения административного и социально-экономического статуса, и уже как управленческое звено в территориально-административной структуре обязано иметь местный городской совет депутатов и исполнительный комитет. Местные органы самоуправления и управления не являются критерием получения статуса города. И даже когда они созданы, они не становятся реальным элементом самоорганизации городской жизни. В итоге малые города не воспринимаются в качестве самостоятельных субъектов политического пространства страны. Они не имеют своего голоса просто потому, что нет такого органа, где бы этот голос мог звучать. Этот принцип был доведен до крайнего своего выражения после 1995⁹ года, когда большая часть городских советов и исполкомов в малых городах были упразднены. Город, который является районным центром, сливается со своим районом как одна административная единица и органы управления у них одни. Специально для города ни свой совет, ни исполком не нужен. Городские органы управления и самоуправления остались только в тех городах, которые не являются цен-

трами административно-территориальных единиц. Таким образом, городское самоуправление, даже в виде местных советов, не входит для белорусов в современное понятие города.

В. Отражение «стандарта» в микронарративах горожан

Понятие малого города реализуется в восприятии своего города, отношении к нему.

1. *Стирание грани между городом и районом.* Город, особенно если это районный центр, представляется как место, где сосредоточена районная власть и концентрируются административные, экономические, финансовые и социальные ресурсы. Этим практически и определяется отделение города от окружающих деревень и сел. Нередко он вообще не мыслится и не воспринимается отдельно от всего района. Они сливаются, прежде всего, в системе социально-экономических показателей и разного рода «культурных» достижений. Как в статистической отчетности, так и на страницах местных газет граница между районным центром и районом не проводится, поскольку отдельных показателей по городу нередко просто нет. Соответственно «город» как отдельный объект очень часто исчезает из представлений людей: как государственных управленцев, так и обывателей. Мы не раз встречались с таким фактом: в ответ на вопросы о проблемах в городе нам начинают рассказывать о районе. То же касается истории, знаменитых людей, знаменательных событий и т. д. Причем этот переход практически не осознается. Наиболее ярко это проявляется в городах, которые получили статус города относительно недавно (уже в советские времена) и, так сказать, не имеют иного опыта или прецедента получения такого статуса на основаниях иных, нежели административно-экономические. Верхнедвинск, Кличев, Ганцевичи, Житковичи, Столин — одни из самых «районных» городов.
2. *Формализация истории.* Можно выделить несколько стандартных способов предъявления исторической ретроспективы малых городов. В развернутом виде они представлены в книгах «Память», которые являются наиболее полным общедоступным источником исторических сведений. Уже в редуцированном виде эта история предстает в микронарративах о своем городе. В них мы встречаем обязательное упоминание о древности либо города, либо района (в тех случаях, когда о городе этого сказать нельзя). Причем чаще всего без какого-либо содержательного наполнения этой древности. Даже там, где сохранились материальные свидетельства (памятники архитектуры, курганы), они редко идентифицируются, точно опознаются и правильно называются местными жителями. Вклад в знание о древнем происхождении вносит распространяющаяся традиция празднования юбилеев города. Поскольку эти праздники используются городскими властями в основном для привлечения республиканских средств, то и жители города воспринимают их, прежде всего, как повод для чего-то другого — развлечения, отдыха, наведения порядка, появления новых объектов и т. д.

Сложности и перипетии жизни малых городов в период ВКЛ, Речи Посполитой, Российской империи, а также революционных времен практически отсутствуют в обыденных представлениях. Исключение составляют либо те, кто профессионально связан с историей, либо краеведы-любители. Историческим моментом обязательной фиксации является Великая Отечественная война, причем упоминается она обычно в двух контекстах. Во-первых, статус партизанского края, который культивируется во всех без исключения городах и по значимости в образе города перебивает все предыдущие исторические события. В этом смысле можно отметить Лепель и Ивье. При этом знание о военном времени и партизанском движении также формальное, но о нем напоминают имеющиеся в каждом городе мемориалы.

Второй контекст, в котором война играет важную роль в истории города, — это факт кардинальной (а иногда и полной) смены состава населения города: уничтожение евреев, которые составляли подавляющее большинство населения до войны, и заселение города жителями окружающих деревень или приезжими. Такое упоминание — это в первую очередь объяснение отсутствия корней в городе и вместе с ними интереса к самому городу, несохранившейся памяти о том, что есть что.

Послевоенная, советская история — это история в основном административно-производственная. Факты смены статуса города или границ района, появления крупных предприятий и их упадка в постсоветские времена, размещение крупных военных баз и их расформирование. Другого рода факты в современной истории города практически не встречаются.

3. *Городские достопримечательности.* Среди описаний современной жизни малых городов на первое место выходят разного рода социально-экономические показатели, вне зависимости от того, позитивно или негативно они характеризуют ситуацию: самая высокая безработица (Ганцевичи), самое плохое медицинское обслуживание (Верхнедвинск), самое большое число предпринимателей (Глубокое), строящийся бассейн (Ивье). В отдельных случаях в эти характеристики включаются особо выдающиеся культурные успехи — известный хор (Туров), фестиваль общереспубликанского масштаба (Поставы), очень известный в регионе фестиваль (Давид-городок) и т. д. Еще одним ориентиром в современной жизни городов является проведение мероприятий общереспубликанского масштаба — для малых городов это, в первую очередь, «Дожинки».

4. *Оценка внешнего вида города.* Во-первых, это одна из наиболее важных характеристик в представлениях о городе вообще. Вероятно, при столь ограниченном содержательном насыщении образа города, активно включает в себя визуальные компоненты. Следует отметить, что общая государственная стратегия развития городов уделяет большое внимание обустройству городов, созданию благоприятной среды. Эти стратегические установки обеспечивают не только важность внешнего вида города, но и дают основные категории, в которых описывается городская среда. А именно, они задают общераспространенные представления о красоте и объектах, достойных созерцания. В малых городах, пожалуй, более чем где-либо в других местах, ярко проявляется замена эстетических категорий категориями санитарно-гигиеническими (красиво = чисто) или категориями удобства, порядка, новизны и выполнения норм человеческого существования (красиво = благоустроено). Таким образом, вопросы красоты фактически вытесняются иными категориями восприятия. Поскольку соблюдение санитарных норм и благоустройство идет по определенным стандартам, то и города в своем стремлении к «красоте» начинают походить один на другой и внешне, и в описаниях местных жителей, теряя своеобразие, прежде всего, в своих собственных глазах. В эстетическом отношении к городу превалирует стратегия достижения (как у кого-то из соседей или как в столице), а не выделения, подчеркивания уникальности. Люди гордятся чистыми улицами, парками, оформлением стандартными «малыми архитектурными формами», фонтанами, новыми типовыми зданиями и прочим и не обращают внимания на полуразвалившиеся дореволюционные дома, на организацию пространства площадей и т. д.

Исключением остается, пожалуй, только природа: как в самом городе, так и в окрестностях.

5. *Деиндивидуализация городов.* Опора на представление о городе как о некоей стандартной единице приводит к тому, что у местных жителей теряется восприятие уникальности их собственного поселения. Города отличаются друг от друга не чем-то особенным, а показателями, которые достигнуты. При этом то, что является стандартным, принимается за уникальность. В каждом городе обязательно расскажут о том, что в отличие от других мест здесь до войны жило 70-90% евреев. Но, например, такая индивидуализирующая вещь, как наличие в городе большой татарской общины, сводится в общегородском сознании до банальных «благополучных межнациональных отношений».

Единственными приемлемыми формами индивидуализации являются элементы внешнего вида, памятники архитектуры (костелы, церкви), природные объекты (озера, реки и т. д.). Все, что может иметь в себе живое начало: люди, сообщества, целые города как исторические субъекты — не попадает в пространство стандартных представлений.

6. *Отстраненность от течения жизни.* В рассказах местных жителей город традиционно предстает как некая среда обитания. Течение жизни здесь

подвластно внешним силам, либо персонифицированным во власти (будь то местная, областная или национальная), либо неперсонифицированным, объективным политическим, экономическим, а то и природным процессам. Город четко поделен на власть, которая осуществляет управление, и на тех, кто находится под ее опекой, заботой или же давлением, прессом. Эти проявления в восприятии своего города делают рассказы жителей городов однообразными и довольно безжизненными. Важно, что они определяют и отношение человека к городу как внешнему, неодушевленному предмету.

С. Нестандартные представления: живые города

Главное отличие от стандарта можно охарактеризовать через *восприятие города как некоего живого целого, способного на действия и реакцию, имеющего собственную уникальность, историю, волю, отношения с окружающим миром.*

Можно типологически выделить ряд таких прецедентов:

Конкуренция или борьба за статус. Представления о своем городе и категории, в которых о нем мыслится, меняются, когда у города обнаруживается четко идентифицируемый оппонент, который может рассматриваться как конкурент или даже враг. Самым ярким примером такого эффекта может быть назван Туров, который еще в 1962 году, в ходе административно-территориальной реформы потерял свой статус райцентра, а вместе с ним и все распределительные и административные блага. Райцентром стали Житковичи. Ситуация конкуренции с Житковичами внесла живость и актуализировала весь потенциал этого небольшого города. И именно эта конкуренция является сейчас основным мотивом в рассказах о нем. В такой ситуации в представления о городе добавляется история борьбы, полная драматических событий, которые переживаются горожанами как свои. Город в рассказах о нем становится как бы живым и обретает субъектность — он чего-то хочет, добивается, терпит поражения или побеждает, он строит планы.

«Связь времен». Историческая разорванность и формальность, которые мы отмечали в «стандартных» представлениях о малом городе, могут преодолеваются, если не за счет восстановления всей цепи событий, то через *включение отдельных исторических фактов или периодов в актуальное понимание современной жизни города.* Обычно это происходит там, где прошлое более славное, чем настоящее. Но далеко не все действительно древние города пользуются такой стратегией. Стратегия втягивания прошлого в настоящее осуществляется, когда история восстанавливается, пусть только в каких-то элементах, чтобы стать важным содержательным компонентом в обосновании актуальных претензий на что-то, в создании имиджа города и т. д. Попытки таким образом «собрать» свою историю мы наблюдали в Дисне.

Для запуска такой стратегии в городе должно сойтись два условия. С одной стороны, он должен стать совершенно бесперспективным в отношении экономического или административного функционирования. С другой стороны, в городе должны найтись люди, которые заинтересованы в сохранении города и имеют к этому деятельностное отношение. Втягивание истории в современный образ города, чаще всего, необходимо, чтобы оправдать его статус и значение, даже в условиях бесперспективности в рамках традиционных, стандартных схем.

История города — личная история. Еще один тип нестандартного микронарратива рождается при взаимопроникновении личной истории и истории города, когда собственная биография человека или история его семьи увязывается с городскими событиями, местами, зданиями. Такой способ представления города не может распространяться на всех жителей города, тем более, что смена состава населения после войны в некоторых городах достигала практически девяноста процентов. Чаще это индивидуальные формы восприятия. Но встречаются города, Глубокое в частности, где такая форма отношений с городом представлена довольно широко. Она становится некоторой нормой, традицией для данного города. Такая тесная увязка втягивает в стандартный образ города разного рода оживляющие его подробности, которые обычно перерастают в городские байки. И эти байки актуализируют совершенно иной

ракурс жизни города, в нем восстанавливаются те моменты, которые были значимы когда-то для горожан и в качестве таковых передаются следующим поколениям.

Сама возможность таких представлений напрямую связана с оседлостью населения. Чем больше поколений семьи живет в одном городе, чем глубже и динамичней образ. За счет такого способа представления города он наделяется индивидуальностью.

Город как пространство деятельности. Восприятие города и отношение к нему может строиться вокруг ощущения себя активным и деятельным субъектом городской жизни. В таких случаях сам человек или группа людей задает каркас, вокруг которого выстраиваются представления о городе. Это наиболее редкий тип микронарратива, он встречается у отдельных людей, которые имеют по отношению к своему городу цели, планы и выстраивают перспективы. Далеко не в каждом городе вообще такие люди есть. Но есть города, где такое отношение становится если не нормой, то, по крайней мере, модой (Поставы).

Такой способ мышления опознается по некоторому «теоретизированию», когда о проблемах города или его особенностях строятся рассуждения. Причем в них ситуация не просто объясняется каким-то набором причин (обычно унифицированных), а производится ее анализ, который позволяет принимать решения о действиях. Сама история города, вне зависимости от ее длины, становится историей деятельности тех или иных субъектов: властей, других жителей города, внешних сил.

Представленные нестандартные представления о своем городе можно рассматривать как потенциальные и перспективные, которые следует культивировать в рамках программ городского развития.

ТЕМА 6. ОРГАНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

1. Городская среда и хронотоп — формы понимания и работы с пространственной организацией города.
2. История искусственно-технического отношения к организации городского пространства.
3. Специфика городского пространства малых городов: история и современность.

1. Городская среда и городской хронотоп — формы понимания и работы с пространственной организацией города

Внешний вид города, архитектура, застройка, планировка и организация пространства являются первыми отличительными признаками города, по крайней мере, узнаваемыми и очевидными. Мы узнаем города по особым зданиям, по наличию городской площади и т. д. Кроме того, материализованная в постройках культура и история города составляют на сегодняшний момент в Беларуси главный «вход» в тему городов, их сохранения и восстановления, в культурно-политическом смысле. Благоустройство и эстетическое преобразование составляют одну из самых заметных линий в преобразении белорусских городов в последние годы.

Вместе с тем эти характеристики имеют не только внешнюю связь с развитием городов, восстановлением городского образа жизни. Город — это особая организация жизни, в том числе особая организация времени, свободного времени. Со времен М. Бахтина в культуре и философии стал достаточно распространённым тезис о том, что для социального (человеческого) мира *пространство и время* находятся в единстве своих взаимодополняющих ипостасей. Поэтому правильнее было бы в наше время обсуждать не пространство и время отдельно, а хронотоп, или «время — пространство» как особую онтологическую сущность. И, рассматривая город как некий объект, необходимо оперировать этими связанными вещами — пространством и временем, городским хронотопом.

О городском хронотопе нельзя сказать, что это до конца изученная и понятная вещь, даже несмотря на то, что архитекторы с очень давних времен занимаются обустройством городского хронотопа. Если мы посмотрим на самые первые города, то обнаружим, что даже очень древние города имели продуманную планировку: они определенным образом организовывались под некую хронотопическую установку, определенное течение времени — циклическое, ритуальное и т. д. При том хаос городской застройки, неупорядоченность городской архитектуры, городского пространства, которую мы можем иногда наблюдать в старых европейских городах, это гораздо более позднее явление, которое после стало преодолеваться специальной целенаправленной работой, которая выросла в целую сферу — градостроительство.

Когда мы обнаруживаем продуманность в планировке города и тем самым выходим на констатацию искусственности этого явления, а не естественного пути становления, то нам сразу же приходится реконструировать тип мышления или тот подход — интеллектуальное усилие, которое было положено в основу этой планировки: зачем, почему это делалось, из каких соображений? История градостроения восстанавливает изменение стилей, моделей и эпох. Однако в узких рамках градостроения зачастую происходит уплощение городского хронотопа только к «пространству» и к социальным факторам, влияющим на изменение стилей. Нас же интересует, в первую очередь, связь городского образа жизни и городского пространства, как целостный объект исследования и действия.

Для этого необходимо ввести понятие «среды», в нашем случае «городской среды». Средовой подход, или рассуждения с использованием категории «среда» имеют свой особый генезис и часто используются в нескольких различных подходах. В данном случае нам важно различие «тела» и «среды» в техническом отношении, в отношении организации воздействия на них. *Тело* — ядро, относительно которого мы можем построить определенные физические, он-

тологические и технические знания, направить действия. *Среда* — находящееся вне тела, но с чем тело взаимодействует. Среда в этом отношении не является объектом знаний или действий, среды меняются в результате воздействия на тела. По аналогии со схоластическими первой и второй интенцией, первой технической интенции являются конкретные достижения, изобретения и вещи культуры, продуктами второй технической интенции выступают техногенный мир, культура и в том числе среда. Городская среда является искусственно созданной (культурной) изначально, как и семиотическая среда. Однако мы воспринимаем ее как естественную, возникающую непреднамеренно, а под воздействием достижения иных целей.

По-иному рассматривается среда в экологических подходах, когда сама среда начинает интерпретироваться, пониматься как тело, как ядро, относительно которого могут существовать наши специально построенные знания, и мы можем с ним что-то делать.

Говоря про городскую среду, мы, конечно, понимаем, что архитектурное обустройство города, или создание определенного хронотопа в городе, создает и соответствующую среду обитания для горожан, для человека. Но можем ли мы говорить о том, что пространство-время дома, улицы и т. д. являются в этом техническом залеге телом, а средой является нечто другое, что мы не создаем? Или же по отношению к городской среде необходимо относиться так же, как экологи относятся к среде, т. е. изучают ее как самостоятельно вычлененный идеальный объект, по отношению к которому можно строить и процедуру познания, и процедуру организации?

До определенной поры городская среда определялась не искусственными усилиями людей, она формировалась в рамках «второй интенции», т. е. как бы возникала сама собой. Скажем, строится в городе университет, живет и действует, а через некоторое время, через несколько поколений студентов этого университета, в городе возникает иная среда — среда, которую университет формирует в городе для самого себя. Тогда и обыватели в этом городе начинают жить иначе, чем в другом месте.

Архитекторы или градостроители достаточно поздно стали понимать, как и каким образом они воздействуют на среду, потому что до определенного времени они с помощью пространственной (и в этом смысле — пространственно-временной, хронотопической) планировки решали какие-то специфические задачи.

Так Жорж Осман⁷ радикально изменил облик Парижа в XIX веке. Париж, описанный в романах Гюго, где на узких кварталах средневекового сжатого города разворачивались события, где самым большим открытым пространством был рынок «чрево Парижа». В XIX веке он был колыбелью и очагом разного рода восстаний, революций и всякого рода смуты. Жорж Осман начал свою деятельность по реорганизации города, но в последнюю очередь имея в виду то, что Париж — источник той смуты, которая рано или поздно заканчивается вооруженными столкновениями, строительством баррикад, перестрелками, захватом городских кварталов. В таком Париже очень удобно строить баррикады и очень трудно бороться с бунтовщиками и восставшими. А вот если ликвидировать все эти вот лабиринты и закоулки старого города, построить проспекты, они будут легко просматриваться и простреливаться. Своими архитектурными планами Осман решает, помимо прочего, задачу борьбы против неконтролируемой социальной активности парижских низов. И после его реконструкции — после 1860-70-х годов — Париж стал совершенно другим. Вслед за этими изменениями стал меняться и образ жизни городских жителей. В это же время в Париже возникает такое явление, как богема, и на первый план выходят кварталы Монмартр, Сен-Жермен-де-Пре и т. д. Здесь начинает собираться художественная публика, молодежь, возникает совершенно другой тип контактов между людьми.

Закладывал ли Осман эти эффекты в свою реорганизацию Парижа? Пожалуй, нет. И этим Осман отличается от другого знаменитого архитектора, который тоже создавал большие проспекты, огромные площади, но делал все совершенно иначе. Это — А. Шпеер⁷, главный архитектор «Третьего рейха», любимый архитектор Гитлера.

⁷ Альберт Шпеер (Albert Speer) (1905—1981) — государственный деятель Германии, архитектор, рейхсминистр вооружений и военной промышленности (1943-1945).

В отличие от Османа, Шпеер формировал городское пространство и городскую среду сознательно и специально. Шпеер строил большие проспекты и площади специально для собирания на них организованных толп людей. Он, с одной стороны, уже владел эмпирическим опытом Парижа, а с другой стороны, был знаком с размышлениями французских социологов о социальных организованностях — толпе и публике.

Люди, собранные одним образом, отличаются своими характеристиками и поведением от людей, собранных другим образом. Устройство городской среды, городского ландшафта позволяет собирать одни группы людей либо другие группы людей. Г. Лебон описывает феномен толпы, которая, не вступая в межличностные отношения друг с другом, поддается внушению: либо ораторскому, либо охватившему всю толпу эмоциональному возбуждению, и, не рассуждая, может предпринимать какие-то действия. Через этот феномен толпы Лебон объяснял восстания, бунты, революции XIX века, а заодно и предложил техническую схему того, как можно работать с толпами.

Сравните большую базарную площадь восточного города, на которой идет торговля, очень трудно вообще повысить голос и докричаться до всей толпы, и маленькую площадь средневекового города с двух-, трех-, четырехэтажными домами и хорошей акустикой, с балкона которой один человек может обратиться ко всем людям, которые находятся в пространстве внизу. Здесь уже нельзя вступить в парный контакт друг с другом, потому что как только вы начнете разговаривать в толпе, на вас начнут шикать за то, что вы мешаете слушать.

Альберт Шпеер строил города в нацистской Германии именно под собирание огромных толп. К этому времени усилители звука — репродукторы, радио — позволяли обратиться к миллионам. И если размеры толпы парижского средневекового города были ограничены голосовыми возможностями оратора на балконе или на фонтане, которой стоит посреди небольшой такой площади, то таких ограничений в XX веке для толпы уже не было. Шпееровская архитектура должна была обеспечить фактически безграничные возможности собирать толпы и управлять толпами.

У Габриеля Тарда была другая идея. Реформированный городской ландшафт Парижа предполагал собрание совершенно других групп людей. Эти группы скорее собираются в кафе, в варьете, кафе-шантанах или в театрах, там, где им предлагается некоторая «культурная программа», идея — и они один на один остаются с этой идеей, распадаются на индивидуальные единицы. Но, тем не менее, они сохраняют некое единство между собой через сопричастность к этой идее. Так возникает публика, которая, не вступая в непосредственный контакт друг с другом, не имея каких-то совместных действий (как толпы), тем не менее, сохраняет единство взглядов, единство представлений и т. д. К ним можно обращаться как бы по одиночке, но реакцию вы получите массовую — одинаковую.

Тард жил в эпоху, когда самым массовым средством информации были газеты. Это были уже ежедневные газеты, которые каждый парижанин, каждый человек этих новых организованных городов мог получать по утрам или вечерам. И каждый, сидя утром в парижском кафе, читал газету, вычитывал из нее одни и те же сенсации и новости; не вступая в разговоры с соседом, уходил наполненный теми же самыми ощущениями или теми же самыми чувствами, что и сосед. Этот городской хронотоп (бульвары, кафе, газеты) формирует иные структуры, иные устройства жизни и общения людей.

По свидетельству З. Шибeko в послереволюционной России (и в Беларуси) возникли самые радикальные концепции индустриально-модернистской модели, которая вплотную смыкалась с задачами социальной организации жизни и идеологическими ориентирами. Так для реализации замысла стирания различий между городом и деревней архитектор Гинзбург предлагал проект линейной реконструкции Москвы — два ряда деревянных домов на столбах. Потом эту «линию» предлагалось растянуть до Парижа, даже от Атлантики до Урала, чтобы ликвидировать влияние больших городов.

Рассмотрим, как исторически складывались и эволюционировали представления о градостроительстве, как расширялось техническое отношение на все более широкие сферы городской жизни.

2. История искусственно-технического отношения к организации городского пространства

Согласно З.Шибекко можно выделить несколько общеевропейских моделей городского проектирования, которые задают этапы в формировании европейского градостроительства как отдельной сферы, целиком посвященной пространственному и визуальному аспекту существования городов и регулирования их застройки⁸. На базе исторической смены этих моделей мы можем проследить не только изменение представлений об идеальном городе, но и увидеть изменение способов мышления о градостроительстве.

Размышления о регулировании в строительстве городов, их планировании были присущи и философам Древней Греции, и римлянам, которые стремились за счет такого планирования, в первую очередь, придать большую боеспособность своим поселениям — неприступные стены, прямые улицы и т. д. После этого отмечается долгий период отсутствия интереса и потеря традиции планирования и проектирования городов.

Эти традиции возобновились только в конце XIV — начале XV века. И в период раннего Возрождения. В это время возник и стал расти интерес к внешнему виду городов, фиксация их в живописных полотнах, гравюрах, а также планах, картах и описаниях. В это время архитекторы и художники стали создавать проекты — утопии идеального города. Город как целостный объект, феномен появился в размышлениях и проектах. В XV веке возникло «типичное градостроительство», которое предусматривало некоторые принципы, по которым должно осуществляться дальнейшее строительство, перестройка и развитие городов. В первую очередь, это деление на зоны: промышленная, жилая, в которой выделялись общественные места для отдыха, образования детей и т. д. Однако основным критерием была красота или эстетика. Возрождая греческие традиции и каноны красоты, архитекторы и градостроители эпохи Возрождения возобновили регулярность городских кварталов. В XVI столетии в Европе была выработана первая модель проектирования городов на основе геометрической сетки (*ренессансная модель*). Однако ее воплощение было фрагментарным, а проекты чаще всего утопичны.

Освоение Нового света дало дополнительный толчок к развитию градостроительства. Там не только реализовывалась прежняя модель с регулярной застройкой (в центре костел, ратуша, тюрьма, больница и бойня). Неосвоенность Нового света давала возможности для реализации проектов, не имеющих возможности быть реализованными в старой и уже застроенной Европе. В Южной Америке были заложены *основы перспективного планирования*, где отражались как актуальные постройки, так и резерв территорий под будущее развитие города (перспективная часть).

Следующая модель европейского градостроительства — *модель экспериментального классицизма* (1660-1750 гг., модернизация имеющихся построек и урбанизация пригородов, постройка монарших резиденций). И здесь преимущество отдавалось, в первую очередь, эстетическим категориям, доведению их до совершенства в целых архитектурных комплексах, в которых создавался и особый образ жизни. Самым ярким воплощением является Версаль — место дислокации «двора» и культивации соответствующего образа жизни, которые создавались, в том числе, и за счет организации пространства.

С началом индустриальной эпохи рационализм и прагматика стали преобладать над «красотой» в градостроении. Тогда развивается *индустриально-электичная модель* (середина XVIII века). Приоритет и центр внимания переносится на транспортные пути (первые метрополитены), размещение предприятий и их инфраструктуры, жилье для рабочих и т. д. Уже в середине XIX века в проектировании наметился поиск решения проблемы комфортного жилья горожан в условиях индустриального окружения. Тогда же возникла урбанистика как наука, позволяющая давать ответы на возрастающие вопросы сосуществования человека и индустрии.

⁸ Шыбека З.В. Градская цывілізацыя: Беларусь і свет. Курс лекцый / Захар Шыбека. — Вільня: ЕГУ, 2009.

В начале XX века возникла четвертая общеевропейская модель городского проектирования — индустриально-модернистская. Этот период совпал с общей увлеченностью инженерным отношением ко всему, отсюда богатство утопичных проектов, предполагающих полную переделку города. Все проекты были направлены на преодоление проблем, которые возникли с ростом индустриализации. Уже в это время градостроители осознавали глубину воздействия городского пространства на образ жизни, организацию жизни и социальные отношения. Главным объектом градостроительного интереса стали жилые дома (а не общественные здания) и даже квартиры. Эти «элементы» города проектировались с учетом полноты обеспечения человеческих функций. В это время появились знаменитые минималистские проекты Корбюзье, в которых планировка квартир и инфраструктуры (объектов питания, мест развлечения и отдыха) полностью формировала образ жизни горожанина. Это направление было подхвачено и активно развивалось в СССР, где необходимо было поставить под контроль и частную жизнь, и публичное пространство, которые оставались после занятости на производстве.

Пятой общеевропейской моделью З. Шибeko называет современную модель. Основная ее характеристика — это полностью осознанное стремление ликвидировать разрыв между архитектурным и градостроительным проектированием. С середины XX века представление о том, что, строя дом, архитектор выстраивает и социальное, и культурное пространство, стало практически общепринятой. Тогда же возникло такое явление как модернизация городов в рамках всей страны, общегосударственная урбанистическая политика. В то же время на этот период приходится и ощущение кризиса городов, и попытка восстановления городской культуры и городского образа жизни, в том числе, через проектирование и развитие городского пространства.

3. Специфика городского пространства малых городов: история и современность

До присоединения к России белорусские города изменяли свой облик в соответствии с общеевропейскими закономерностями. Общегосударственной политики практически не было. После присоединения к России и статус города, и проекты городской застройки утверждались государственными службами, в конце XVIII века появились плановые регулярные застройки на месте бывших деревень, а также реконструкция и перепланировка старых городов.

Индустриальная модель формирования белорусских городов начала формироваться только во второй половине XIX века. Наиважнейшим фактором этого процесса стало не развитие промышленности, а развитие железнодорожного транспорта — транспортно-коммуникационные узлы. Вокруг станций стали формироваться и разрастаться населенные пункты, которые требовали планирования.

В силу экономической слабости белорусские города после революции не подвергались радикальной перестройке. Но те изменения, которые происходили, были вписаны в общий контекст индустриализации страны. Поэтому основное строительство велось вокруг промышленных предприятий и было направлено на расселение рабочей силы вокруг предприятий. Города расширялись за счет рабочих поселков. Второй фактор — это обеспечение территориально-административных функций, размещение новых органов власти и управления. На примере Минска (планов его застройки и реализованных проектов) можно убедиться в том, что градостроительство не только стремилось создать условия, которые формируют быт и образ жизни советского человека, но и во многом являются декорацией или витриной для демонстрации идей и идеологии — «город солнца».

В послевоенные годы вплоть до 70-ых в Беларуси, как и во всем Советском Союзе, продолжали быть актуальными принципы строительства по Корбюзье («машина для жилья»). Кроме того, сохранялись установки на стирание грани между городом и деревней, а также боязнь больших городов ассоциироваться с капитализмом. В результате планы застроек больших, средних и малых городов разрабатывались стандартные, не имеющие связи с конкретным городом, его уникальностью или традицией. Планы эти редко выполнялись в полной мере, особенно в малых городах, на которые не хватало средств. Получались

фрагментарные и не имеющие идейной целостности поселения, в которых не только не было возможности вписать в современность традицию и сохранить ее, но не было и выполнено полное переустройство. В 70-ые годы в градостроительную практику вошли «спальные районы», они же перекочевали и в средние, и в малые города (в силу стандартности планов).

Суверенная Беларусь только в начале 2000-ых годов взялась за регламентацию в сфере градостроения. В 2005 году введен Закон «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности». В 2007 году вступил в силу Указ президента «О некоторых вопросах государственной градостроительной политики», который состоит из двух документов: «Основные направления государственной градостроительной политики на 2006-2010 гг.», «Государственная схема комплексной территориальной организации Беларуси». В результате более 207 городов обеспечены планами генеральной застройки. Однако основные принципы, по которым будет осуществляться градостроительство, во многом наследуют советские стереотипы и идеи — обеспечение расселения рабочей силы, стирание различий и дифференциации уровня жизни, утилизация свободного времени и активности (рабочая зона, зона отдыха, зона потребления). Главное же наследие составляет государственная монополия на решение вопросов планирования городского пространства, механизмов привлечения иных факторов, которые набирают силу даже в малых городах (бизнес, церковь или религиозные общины, общественные объединения), не предусмотрено.

Изменение вида белорусских малых городов напрямую связано с особенностями социальной жизни, коммуникации в этих городах.

Белорусские города и местечки после войн XVII века с Москвой были наполнены евреями, и евреи составляли главный, наибольший контингент населения больших городов, тем более, местечек. А что это вообще значит для жизни в этих местечках, для организации этой среды? Что такое жизнь еврейского кагала в таких городах, как Мстиславль? Как они жили? Для этого необходимо представить себе не только сохранившиеся здания, но и обязательно инфраструктуру этих зданий, структуру жизни, которую вели эти люди. Чтобы попасть с улицы на улицу, нужно было дойти до конца квартала и обойти с другой стороны. Проникнуть насквозь можно было только мальчишкам, знающим места, ходы и т. д. И плотность застройки, и плотность жизни городов была такова, что люди терлись постоянно между собой, сталкиваясь-наталкиваясь друг на друга. Они вообще не имели ни личной, ни публичной жизни, потому что они жили постоянно на виду друг у друга.

Такая городская инфраструктура жизни нивелирует индивидуальность. И тогда возникает установка, связанная с бегством, избавлением от этой плотности, от кагального давления. Кагал — совершенно безобидная единица социальной организации еврейской общины — становится нарицательным словом, обозначающим специфический уклад жизни. Люди, получающие доступ к литературе, к культуре, к образованию, начинают тяготиться таким способом жизни и стремятся вырваться из него. Почему из еврейской среды выходит так много революционеров, анархистов и одиночек, творческих людей? Потому что некая «интоксикация» свободой и культурой в совокупности с невыносимыми условиями кагальной жизни заставляет людей рваться к свободе и начинать ее ценить. В XIX веке в белорусских городах складывалась очень специфическая ситуация — ситуация перегрева и давления. Они не были большими, но за счет той организации жизни этот перегрев и излишнее давление существовали, и люди пытались вырваться.

Сегодня малые города (пусть они и сохранили еще хоть какое-то устройство, близкое или повторяющее то пространство, которое было в период их естественного становления) — уже совсем другие. Что бы мы не говорили, как бы мы не возводили их к историческим городам, которые мы знаем по литературе, по воспоминаниям, — они ничего общего не имеют с теми городами; они во много раз менее плотно заселенные, и поэтому жизнь людей течет иначе.

Какова же городская среда сегодняшних малых городов? С одной стороны, они все прорежены, они очень неплотные. Города начинают терять то специфическое свойство города, которое производит свободное время и социальную

активность, как это было в европейских городах, приводящую к восстаниям, трансформациям и социальным изменениям.

С другой стороны, сегодня малые города Беларуси есть «радиатор» социальной активности. За счет все той же низкой плотности, за счет снижения демографического давления люди в этих городах не нуждаются в том, чтобы вступать в контакт даже друг с другом. Но они не имеют характеристик публики. В большинстве городов нет в продаже местных газет. В этом смысле, люди *разрознены* и *закрыты* в индивидуальных домах и по своим квартирам. В малых городах нет эффекта публики, который обеспечивался бы ежеутренними или ежевечерними новостями и газетами.

Если мы сравним насыщенность тарелками спутникового телевидения в белорусских малых городах (некоторых, по крайней мере) и в столице, то плотность тарелок в малых городах будет больше. Сидя дома, люди убивают время через *connect* с информационными каналами. Но эти информационные каналы не создают публики, потому что публику можно было бы создать ежедневными местными газетами и местным радио. Если они и слушают радио, то слушают минское радио, которое вспоминает об этой местности не чаще, чем по статистическому распределению.

В белорусских городах нет публики, но нет и толп. Современная городская среда и информационные потоки в этой среде не ведут к появлению такого феномена, как городское сообщество. Толпами собираться в белорусских малых городах невозможно, потому что они не средневековые города, где возникает это явление, и, конечно, не древние ближневосточные города, где толпы собирались не в самих городах, а при переходе из города в город (древний Израиль и Иудея). В Беларуси нет самого феномена толпы и форм социальной активности, вызванных толпами: городская среда не предполагает такого рода объединения белорусов. Она вообще не предполагает никакой координации. Пока вся среда малых городов ведет к разрозненности людей. Но людей друг к другу тянет тоска. Если из кагала, из той скученности и плотности белорусских местечек, людей выталкивало к свободе, то сейчас в этих же городах люди, «инфицированные» каким-то образом культурой, ищут солидарности, они ищут контактов, а предложить им городская среда ничего не может. Да, этим не может быть клуб, дом культуры или хоровой коллектив.

В экспедициях мы наблюдали те феномены, социальные, гуманитарные, антропологические, которые возникают в результате деформации городской среды. У людей исчезает возможность разговаривать друг с другом. Пока вариантов выхода из этой ситуации для белорусских малых городов нет. И вполне естественный подход состоит в использовании новых технических средств. Следует думать о том, как можно сегодня создавать те эффекты, которые раньше существовали в других формах. И мы многое потеряем, если сейчас не озаботимся новыми идеями для повышения плотности жизни.

ТЕМА 7. АКТИВНОСТЬ И СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ ГОРОЖАН В СОВРЕМЕННЫХ БЕЛАРУССКИХ ГОРОДАХ

1. Понятия свободного времени и активности в рамках городского образа жизни.
2. Традиционные способы утилизации активности.
3. Проявления городской активности.

1. Понятия свободного времени и активности в рамках городского образа жизни

Городской образ жизни предполагает особую, отличную от негородской, *организацию времени и способы реализации активности*.

Чтобы разобраться с особенностями организации времени, необходимо ввести ряд оппозиций: «рабочее время — свободное время», «свободное время от... — свободное время для...». Под рабочим, или занятым временем мы будем понимать все то время, которое человек тратит на обеспечение продолжения жизнедеятельности. Очевидно, что для разных людей, разных культур и разных социальных слоев объем такого времени различен, поскольку различны потребности и то, что относится к «необходимому». Наша задача не стоит в вычленинии объективной доли такого времени и содержания занятий, которые его наполняют. К такому времени и занятиям мы можем отнести все то, от чего человек не может отказаться, что требует от него усилий, — иначе его жизнь станет беднее или вообще прекратится. Сюда входит время выполнения рабочих и профессиональных обязанностей, а также все работы по домашнему хозяйству, обеспечению семьи и т. д. Эта доля времени — занятое, или рабочее время — присутствует как в городском, так и в негородском образе жизни. Но другая категория — свободное время — стало возможным только в рамках городского устройства. Жизнь сельского жителя (до индустриализации сельского хозяйства) была полностью подчинена природным и сельскохозяйственным циклам, и время мыслилось и организовывалось согласно этим циклам. Здесь даже не возникало представления о незанятости, свободности. Даже время отдыха — это время восстановления сил, включенное в производственный цикл. Поэтому, модернизируя это время, можно было бы обозначать как время «свободное от непосредственного сельскохозяйственного труда». Далее по такому же принципу строились представления о времени в индустриальных поселениях, в слободах. Уже, не будучи привязанным к природным циклам, время, тем не менее, рассматривалось как занятое и как свободное от работы. Свободное время принято занимать отдыхом в самых разных проявлениях, однако суть занятий в это время направлена на восстановление сил для работы. С ростом социалистических идей и установок доля этого времени стала увеличиваться, но суть его осталась прежней.

В условиях создания специального пространства, суть которого состоит в «единстве непохожих», стали возникать необходимость и возможность иного «свободного времени». Кроме того, что именно в городах появились и стали процветать «избыточные» для воспроизводства жизни занятия (театр, живопись и т. д.), здесь стало формироваться публичное и политическое пространство, которое было необходимо для урегулирования совместной жизни «непохожих». Включение в такое пространство могло быть доблестью и даже привилегией горожанина, но не было связано напрямую ни с обеспечением жизни, ни с профессиональной деятельностью. Более того, оно требовало избыточного по сравнению с узким принятием решений объема времени — постоянной включенности в коммуникацию, «общественной нагрузки» и т. д. Городской образ жизни вводит в норму время для общественных дел и публичной активности. Для такой активности требуется иное понимание свободного времени — «свободное время для...». Как только свободное время специально выкраивается для участия в «общих делах», организация времени претерпевает кардинальные изменения.

Итак, городской образ жизни предполагает наличие в структуре времени свободного времени, специально выгороженного для занятий общими делами — коммуникации, принятия общих решений, их реализации и т. д.

Чем заняты люди в свободное время в малых городах? Чаще всего они заняты другой работой, то есть продолжают обеспечивать свою жизнь тем необходимым, что соответствует современным потребительским стандартам. Соответственно повышение этих стандартов чаще всего приводит к увеличению занятого времени — чтобы было не хуже, чем у других. Второй вариант ответа на этот вопрос — отдых. Кроме восстановления сил, отдых — это еще и реализация имеющейся и не истраченной активности. Именно формы этой активности позволяют нам разобраться в том, является ли это свободным временем от работы или свободным временем для городской жизни.

«Активность» как категория указывает только на некую энергию, движение, которые присущи объектам или субъектам. Человеческая активность также мало определена, пока мы не обозначим некую форму, которую она заполняет. Только заполнив форму, активность обретает смысл и значение, про нее можно рассуждать и ее можно исследовать. Здесь нам не важна природа или источник такой человеческой энергии, нам важны формы, в которых она реализуется.

Активность горожан — принципиально отличается по формам, в которых она реализуется, от активности жителей иных поселений — деревень, слобод, поселков и т. д. Город как особый способ обустройства совместной жизни ориентирован на то, чтобы эта непохожесть не исчезала и не растворялась, а культивировалась. И «жизнь» в городе чувствуется только тогда, когда в нем можно встретить совершенно разные образы жизни и разные способы проведения свободного времени.

Знакомство с историей социальных, культурных и политических трансформаций в нашем обществе дает все основания полагать, что белорусские города очень далеки от реализации собственно городского устройства. При этом надо понимать, что культурные формы для реализации активности не возникают сами собой, они специально транслируются и воспроизводятся, превращаясь в само собой разумеющиеся и единственно возможные.

Организация свободного времени и формы реализации активности в советском обществе были ориентированы не на городской образ жизни, а на воспроизводство производственных единиц. Поэтому важно проанализировать те формы и типы реализации активности и соотнести их с городским образом жизни, найти проявления активности горожан и попытаться разобраться с тем, в каких формах она существует, каковы ее возможности и потенциал, а также угрозы и проблемы, где и в каком виде возможно культивирование.

На материале экспедиций в малые города можно выделить типовые случаи проявления активности в нескольких типах. Выделяя их, будем рассматривать три характеристики:

- ресурсы и формы сохранения и воспроизводства своей отличительности;
- возможности влияния, публичность и признание в городской жизни;
- отношение жителей города и власти к этим проявлениям активности.

2. Традиционные способы утилизации активности

«Саморезервация». Этот тип представлен как одиночками, так и небольшими группами друзей или семейными парами. К нему можно отнести людей, увлеченных каким-либо делом (чаще всего, это краеведы, историки и т. п.), которому они отдают все свое время, свободное от заработка средств к существованию. Часто они ведут «двойную жизнь», имея вполне приличную работу и заработок, который позволяет использовать накопленные ресурсы для себя и своего дела.

Главный принцип сохранения и воспроизводства такого образа жизни — это *выгораживание и обустройство небольшого пространства для реализации своих интересов* так, чтобы это как можно меньше зависело от внешнего мира. На это выгораживание и обустройство собственной резервации направлена значительная часть активности и ресурсов, иногда не меньшая, чем та, что уходит на собственно предмет интереса. Самодостаточность и самообеспечение

касаются не только материальной стороны такого образа жизни, но и организации коммуникации и взаимодействия с другими горожанами для развития собственного дела.

Для этого типа характерно *избегание публичности*, а также социальной, политической или иной легитимации. Несмотря на известность в городе, а таких людей обычно знают все или почти все, «их дело» не выводит их в разряд фигур, которые имеют авторитет в общественном мнении города или влияние на решение городских вопросов. Они остаются «чужаками», принципиально замыкая свою активность в приватном пространстве. Никакого деятельностного отношения к предъявлению или распространению своего образа жизни нет не только у одиночек, но и у небольших групп. Соответственно нет ни планов, ни каких-либо долгосрочных программ и целей.

Еще одна характерная деталь — это *ориентация на внешнего потребителя-почитателя*. Жители своего города не рассматриваются как те, кто способен оценить, понять или помочь. Для местных властей и жителей города это еще одна достопримечательность, которая предъявляется гостям наряду с памятниками природы, архитектуры и т. д. Однако к содержанию того, чем занята жизнь таких людей, практически никто подлинного интереса не проявляет. Чаще всего, их относят к какой-нибудь стандартной социальной категории, не вникая в подробности.

С распространением идеи агро-туристических усадеб у этих людей появился еще одна удобная и легитимная возможность обустройства своей резервации. При этом они исчезают не только в публичном и символическом пространстве, но уже и территориально «уходят» из малых городов.

Энтузиасты-профессионалы. Этот тип отчасти близок предыдущему. Это тоже люди, увлеченные той или иной сферой деятельности и посвящающие ей свою жизнь. Однако они избирают другой способ для реализации своих интересов. Они делают его своей профессией, а точнее ищут такие места в профессионально-производственной структуре города, где это можно было бы совмещать. Чаще таких энтузиастов-профессионалов можно найти в государственных учреждениях культуры или спорта — кружках, секциях, студиях.

Такая стратегия использования имеющихся форм для развития любимого дела обычно заканчивается тем, что эти формы подминают под себя подлинное своеобразие, стандартизируя и выхолащивая живое содержание из такой деятельности. Человек практически не может в одиночку противостоять бюрократизированной форме, а тем более переделывать или развивать ее. В свою очередь, эти формы, созданные советской системой, направлены не на производство индивидуальности, а на ее утилизацию, приведение к стандарту. К сожалению, такой захват редко осознается самими энтузиастами-профессионалами, поскольку в их опыте практически отсутствуют другие формы проявления своей активности. В результате происходит адаптация и приспособления индивидуальности и особого образа жизни к имеющимся формам и утилизации активности.

Это фактически единственный способ легитимного выхода в «публичное» пространство современного малого города в Беларуси. Но это выход уже в качестве представителя того или иного учреждения, а не горожанина со своим образом жизни и своими представлениями о ней. Соответственно и участие в жизни города возможно только в качестве исполнителя или представителя, но не субъекта.

Нередко именно такой тип активности и воспринимается как единственно возможный жителями города и властями. Таких людей в городе знают, они даже имеют некоторый авторитет и влияние, но оно фактически заканчивается тогда, когда человек уходит с соответствующей должности.

Традиции и стереотипы сведения человеческой активности к имеющимся формам проведения досуга находят свое массовое выражение в **«Кружках, секциях и народных коллективах»**, которые также можно выделить как тип. Это *имитация* и замена самоорганизованных и самодеятельных сообществ, образованных вокруг одного образа жизни или одной идеи. Сравнение ассор-

тимента кружков в разных городах подтверждает стандартизованный подход к их созданию. Имеющиеся кружки и секции формируют нормы проведения досуга горожан, а не являются результатом их самоорганизации. Будучи готовыми элементами организации досуга, они пропускают через себя людей, помогают им занять время.

Так же, как энтузиасты-профессионалы, встраиваются в имеющуюся структуру, так и неформальные объединения нередко «формализуются» и превращаются в кружки при Доме культуры или соответствующих отделах райисполкома. И это довольно распространенная практика. Самоорганизованные группы в ходе своего развития и попыток стать на ноги обычно сталкиваются с одними и теми же проблемами. Они не обладают достаточными ресурсами для поддержания себя: местом для репетиций, встреч или тренировок, возможностью выступить и публично показывать результаты своей работы. Иногда их деятельность входит в противоречие с представлениями власти о том, что должно, а чего не должно быть в городе.

Такой тип утилизации активности является практически единственным, который соответствует представлениям о легальных и легитимных формах активности горожан, участия и их выхода в «публичное» пространство и в глазах власти, и в глазах жителей города. И это очень существенный момент в тех возможностях и перспективах, которые имеет любая активность, появляющаяся в городе, поскольку именно эта форма является наиболее распространенной нормой. Все остальное — частные случаи и скорее отклонения.

Еще одной формой, стоящей на границе такой легитимной активности, являются **общественные объединения**. Часть из них — перенесенные из советского прошлого и созданные по их образцу государственные общественные объединения (ГОНГО) — в отношении активности горожан ничем не отличаются от кружков и секций. Они имитируют самоорганизацию и самодеятельность сообщества, утилизируют в стандартных формах проявления самостоятельности и активности и на жизнь города как самостоятельные субъекты не влияют.

Другие общественные объединения, возникшие в ходе и после перестройки, по своему принципу как раз являются аккумуляторами активности и призваны выводить в публичную сферу разнообразие мнений, способов восприятия и образов жизни. В одиночку человек почти никогда не соразмерен с целым городом и с трудом может удерживать представительство своих интересов в городском сообществе.

Общественные организации — это форма институционализации сообществ людей, имеющих общие цели, интересы, образ жизни. Это форма нужна именно для того, чтобы наиболее эффективно включать в жизнь города собственные интересы. Однако специфика всей сферы НГО в Беларуси придала свой облик и общественным объединениям в малых городах. На сегодняшний день общественные объединения озабочены, прежде всего, собственным выживанием и сохранением институционального статуса. Общественные объединения профессионализируются в лице нескольких представителей и фактически держатся на этих лидерах. Нередко на одном или нескольких человеках «собираются» сразу несколько общественных объединений, с разными целями, задачами и образом жизни.

В связи с этим общественные объединения иногда становятся не аккумуляторами активности, а местами «высказывания недовольства», куда приходят жители города, чтобы поделиться своими претензиями и проблемами. Они становятся не местом культивирования активности, а местом «выпускания пара».

В отношении публичности и влияния на жизнь города возможности общественных объединений крайне ограничены. Если они и признаются, то только в четко определенной и ограниченной сфере. Они могут заниматься решением социальных проблем, сохранением культурного и исторического наследия, работой с молодежью. Но это выглядит как предоставление возможности себя проявить, а не способ участия в городской жизни. Нередко работу, выполняемую общественными объединениями, местная власть приписывает себе. Это такой тип торговли: хотите заниматься чем-то и реализовать себя, занимайтесь, но не претендуйте на признание.

Общественные объединения не стали признанным компонентом городской жизни.

Перечисленные типы представляют собой *способы приведения своей индивидуальности или своего образа жизни либо к стандартным формам времяпровождения, либо к существованию в резервации*. Это во многом уничтожает смысл активности в городской жизни и городском развитии. Более того, как ни странно, коллективность и совместность усилий не только не помогает сохранить своеобразие, но и чаще приводит к формализации.

Описанное выше показывает, что современные белорусские города скорее приспособлены, чтобы поглощать индивидуальность и утилизировать активность, нежели ее культивировать и производить. Способствуют этому, с одной стороны, достаточно четкая и ярко выраженная политика местных властей, опирающаяся на общие государственные представления о рамках и формах проявления активности. В малом городе, функция и назначение которого определяется ролью в территориально-производственной структуре района или области, нет необходимости в культивировании разных образов жизни, тем более, выходящих за пределы социальной и профессиональной структуры. С тем, что возникает самостоятельно, обходятся в зависимости от способов мышления местных руководителей. Другой стороной такого положения дел является прочно укорененная в массовом сознании невосприимчивость к иному, неготовность видеть его и считаться с чем-то, что выходит на стандартные схемы и представления. Это касается и способности различать разные образы жизни и способности искать нестандартные пути для реализации желаемого.

3. Проявления городской активности

Можно выделить еще два типа городской активности, которые наименее распространены, но интересны как раз тем, что несут в себе потенциал развития городского образа жизни.

«Человек и его структура». В отличие от тех, кто обустроивает свое дело в «резервации», такие люди не отгораживаются от внешнего мира, а скорее наоборот. Содержание и смысл их интересов лежит в общественной сфере. Те представления о жизни, которые они имеют, не могут быть реализованы в узком приватном пространстве. В этот тип попадают некоторые из встреченных нами ксендзов и пасторов, которые не ограничены только организацией религиозной жизни, а имеют свои представления о месте и роли религиозных общин (костелов, церквей) и пытаются реализовать их в городской жизни. К этому же типу относится редактор ганцевической независимой газеты, чьи интересы также напрямую связаны с наличием и рабочим состоянием публичного пространства в городе. Особый случай, который также можно отнести к этому типу, — это мэрг. Дисна, которая, будучи носителем новых идей развития города, пытается их продвинуть, используя свое административное положение.

В реализации собственных интересов и взглядов представители этого типа опираются не только на свой собственный капитал, а на некоторые структуры и институты, используют их социальные, политические и организационные ресурсы. Наличие таких структур не только дает поддержку этим «активистам», обеспечивает их средствами для жизни, но и делает их *легитимными и соразмерными* для того, чтобы выступать субъектами в решении вопросов городской жизни. Это не всегда означает, что они имеют действительно нормальный доступ к принятию решений. Просто их уже труднее игнорировать, как это возможно с отдельными людьми.

Здесь «встречаются» институциональные возможности и готовность, стремление их использовать для продвижения тех или иных интересов в масштабах всего города.

Кроме того, следует отметить: 1) наличие у этих деятелей планов и программ действий, хотя и разной степени глубины и проработанности; 2) ориентацию на расширение своей деятельности и включение в нее других людей через включение в структуры их в качестве волонтеров или работников.

Такие люди так и остаются «героями», в одиночку сражающимися за свои интересы и за их продвижение. Тем не менее, практически везде это публичное

предъявление некоей индивидуальности, особого способа виденья мира и, главное, особого способа городского существования, который сложно не заметить. В результате эти действия получают преимущественно одобрение населения, хотя и пассивное. Властям обычно приходится считаться с наличием таких людей в городе.

Этот тип активности, при всей своей ограниченности и слабой влиятельности, делает видимой и наглядной иную норму жизни в городе. В этом отношении *он создает образцы* индивидуальности и активного их продвижения.

Еще один тип городской самоорганизации и активности также имеет специфический характер. Это **неявные сообщества**, строящиеся на сети отношений, сформировавшейся между людьми, занимающими влиятельные позиции в управлении, бизнесе или экономике города. В экспедициях только однажды было обнаружено такое сообщество в более или менее оформленном виде (Поставы), еще в нескольких местах есть некие протообразованные или намеки на такой тип организации. Активность в данном случае связана не с действиями каждого из членов этих сообществ на своем «рабочем месте», а в том, что они, осознавая себя «хозяевами», начинают рассматривать город как место их совместного существования и общей заботы. В ходе особого рода взаимодействия (разговоры, встречи, обсуждения т. д.) постепенно вырабатывается некое виденье развития города, общий взгляд, который потом лоббируется и реализуется через аккумуляцию всех ресурсов.

Фактически собственно самоорганизация и наличие такого сообщества специально остаются скрытыми, вне публичного предъявления. Но об этом знает весь город. И горожане, и власть признают, хотя бы по факту, наличие и силу этого «тайного влияния».

Этот тип демонстрирует довольно специфический канал реализации активности, который возник как результат социальных трансформаций последних лет. Кроме того, он также задает совершенно иную, по сравнению с предыдущим, возможность для производства и культивирования своеобразия. Оно производится и культивируется не публично, однако с использованием традиционных для городской культуры форм коммуникации. В Поставах при отсутствии каких-либо признаков официального существования такого сообщества с очевидностью ощущалось, что где-то постоянно обсуждаются проблемы города, его будущее и обсуждают все это свободные горожане, со своими взглядами, интересами. Там же эти взгляды и интересы согласуются.

Специфика данного типа активности состоит в том, что в этих сообществах создается **среда**, в которой может и должно существовать все городское сообщество. И это пока единственное место, где существует и развивается прототип городской среды. В ней могут производиться, существовать и развиваться индивидуальности.

Пока это существует в очень свернутом виде и «подпольно». Более того, высока вероятность сползания такого типа активности в коррупцию или мафию. Тем не менее, это один из двух имеющихся в данный момент типов активности, которые ее не утилизируют и переводят в ресурс для реализации управленческих задач, а образуют среду, в которой возможно ее воспроизводство и производство.

Итак, жизнь в малых городах устроена преимущественно таким образом, что всякая возникающая самодеятельным образом активность и отличительность используются для нужд управления по хорошо отлаженным каналам. В случае невозможности такого использования создаются условия для того, чтобы такую активность вывести в маргинальное положение. Обустройством резерваций для таких проявлений, в первую очередь, решается задача пресечения возможности осознать себя субъектом городской жизни. Само это пресечение не связано с теми или иными «грубыми» мерами. Оно опирается на патерналистические установки, которые глубоко укоренены в сознании белорусов, которые воспроизводятся и культивируются в существующих структурах обустройства повседневной жизни в малых городах.

Возможности активизации городской жизни и появления иных форм проявления индивидуальности, субъектности и формирования публичного городского пространства связаны с поддержкой и культивированием уже имеющихся прецедентов и образцов. Они могут выступать, с одной стороны, образцами, в которых отражается иная норма мышления и поведения, иной образ жизни. И если они сразу не становятся образцом для подражания, то хотя бы имеют рефлексивное воздействие, демонстрируя непохожесть. С другой стороны, имеющиеся прецеденты могут становиться средой, в которой люди получают определенный опыт жизни, который ведет к культивированию активной позиции горожанина.

РАЗДЕЛ III. ПОДХОДЫ, ПРОГРАММЫ И ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ

 note

ТЕМА 1. КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА КАК РАМКА ДЛЯ ПРОГРАММИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ БЕЛАРУССКИХ ГОРОДОВ

1. Рамки для мышления и деятельности: соразмерность и современность.
2. Программа культурной политики в Беларуси.
3. Города как объект исследования в программе культурной политики

1. Рамки для мышления и деятельности: соразмерность и современность

Размышление о том или ином развитии, а тем более деятельность, направленная на его реализацию, всегда требует рамок. Можно сказать, что безрамочного мышления и деятельности вообще не бывает. Другое дело, что нередко человек не рефлектирует, не осознает, что его суждения, понятия и категории, которыми он оперирует, имеют то значение, которое кажется ему само собой разумеющимся только в определенных рамках: рамках определенной идеологии, научной дисциплины или профессионального мировоззрения и т. д. То же самое касается и деятельности, которая обретает свою осмысленность только в тех или иных рамках. В других условиях (при других установках, ценностях, целях или представлениях о мире) тот же набор действий может оказаться бессмысленным или даже приобрести обратное значение. Отсутствие рефлексии рамок приводит к разного рода проблемам, прежде всего, в коммуникации и взаимодействии: невозможности договориться о смысле и значении слов, об оценке действий, невозможность радикальной критики оснований и принципов, которые организуют мышление и деятельность и т. д.

Промысливание и организация деятельности по развитию городов также требует понимания рамок, в которых они проходят, их анализа и критики, но, прежде всего, обозначения.

Что может выступать рамкой для развития городов? Может ли она быть наполнена любым содержанием? Для такого вопроса и темы как развитие городов рамкой может служить только нечто соразмерное этой задаче. Соразмерность здесь определяется не только *пространственно-временными границами и масштабами*, но и *адекватностью форм мышления и организации деятельности*. Для мыслительных упражнений можно поработать с «развитием городов» в рамках «годового проекта строительства микрорайона», но это будет тренировочное упражнение или эквилибристика ума. Рамочно-ядерные конструкции оборачиваемы (рамки выворачиваются в ядро и наоборот), и даже это их свойство представляет собой одно и главных свойств и достоинств самой мыслительной схемы. Тем не менее, наполняя ценностным, историческим и деятельностьюным содержанием и ядро, и рамку, мы ограничены в выборе.

Так помыслить развитие городов можно только, если масштабы этого мышления будут, по меньшей мере, страновыми или национальными. Фактически страна или нация сейчас являются минимальными единицами для мышления и деятельности, направленной на социальные процессы и явления. Этот же принцип касается и временного масштаба — изменения в жизни страны или нации не меряются месяцами или даже отдельными годами.

В отношении форм мышления и организации деятельности содержание рамок может быть организовано только программно. Тому есть несколько оснований:

- 1) программно-организованное мышление и деятельность представляют собой самые развитые формы мышления и деятельности на сегодняшний день, и поэтому они могут быть объемлющими для любых иных известных способов организации деятельности;
- 2) программная организация позволяет гибко реагировать на быстрые изменения и учитывает высокую неопределенность ситуации и знаний о материале;
- 3) программно-организованное мышление и деятельность включают в себя

в качестве необходимого, если не главного компонента, коммуникацию. В свою очередь, развитие городов предполагает работу с гуманитарными объектами, которые обладают рефлексивностью и волей в принятии решений. Без редукции этих качеств гуманитарных объектов они могут быть осмыслены и изменены только в рамках, в которых центральным элементом является коммуникация.

В качестве рамки для организации деятельности по развитию белорусских городов может выступать только программа национального масштаба, ориентированная на качественную трансформацию белорусского общества. В качестве такой программы выступает **культурная политика**, объявленная В. Мацкевичем в 1994 году и реализуемая Агентством гуманитарных технологий вместе с партнерами и коллегами. Вопросы об иных аналогичных программах можно оставить для факультативного рассмотрения. Единственной программой конкурирующего содержания для рамки задачи городского развития можно назвать государственную идеологию. Несмотря на существенный перевес в отношении ресурсов для осуществления действия в отношении городов, рамки государственной идеологии не могут обеспечить ни современного мышления, ни нормальной и эффективной организации деятельности. Это проявляется в тех результатах, которые можно наблюдать в действиях белорусских властей по отношению к развитию малых городов.

2. Программа культурной политики в Беларуси

Последние два десятилетия Беларусь претерпевала попытки реформирования и трансформации, сходные с теми, что разворачивались в соседних странах. Однако результаты этих реформ в Беларуси не просто неудовлетворительны, но и иногда и противоположны тем, которые достигаются в странах с аналогичными стартовыми условиями. Существует много очевидных объяснений того, почему трансформация и реформы Беларуси проходят медленнее, чем в соседних странах, или вовсе неуспешно. Но две из них относятся к тем, которые подлежат целенаправленному воздействию, которые можно и нужно устранить. Первая — проекты и программы реформ плохо продуманы и подготовлены, вторая — мы просто очень плохо знаем свою страну. Мы — это и те, кто разрабатывает и продумывает реформы, и те, кто их реализует, и те, кто обеспечивает проектировщиков и реализаторов реформ конкретными экспертными знаниями.

При всей очевидности связи между знаниями и действиями в реформах, инновациях или проектах реальное взаимодействие и согласование этих двух планов деятельности составляет особую проблему, проблему соорганизации знания и действия. Программа культурной политики — это один из способов такого согласования.

Культурная политика — это *программа*¹, то есть особый способ соорганизации и разворачивания сложной деятельности, которая включает в себя совокупность процессов, позволяющих обеспечивать осмысленное, целенаправленное и рефлексивное реформирование и управление в социокультурных ситуациях. Она увязывает и обеспечивает совместное продвижение мыслительных, коммуникативных и деятельностных процессов.

Культурная политика, как способ методологического осмысления, возникла в конце 80-ых годов. В ходе работы над этой идеей были выдвинуты различные версии и трактовки. Одна из таких версий оформилась в идеологию и программу Школа культурной политики, возглавляемая П. Щедровицким (Москва). Другая версия разрабатывалась и оформлялась В. Мацкевичем в Беларуси, исходя из тех вызовов и задач, которые стояли перед молодым независимым государством и продолжают быть актуальными для Беларуси. К 1994 году была сформулирована программа культурной политики Беларуси, которая реализуется уже на протяжении 15 лет².

¹ Представления о программах и программной организации деятельности культурной политики основаны на разработках в рамках СМД-подхода: см. Наумов С. Представления о программах и программировании в контексте методологической работы // Кентавр. 1991. № 1. С. 31-46.

² Мацкевич В. Думать Беларусь // Культурная политика. №0, 1994.

В чем же она состоит?

Одним из базовых оснований программы культурной политики являются представления о «жизни» норм культуры, тех эталонов, образцов, идей и концептов, в которых фиксируются все наработанные человечеством способы отношений с реальностью. Нормы транслируются в пространстве культуры и реализуются в конкретных социальных ситуациях. Поэтому **всякая социокультурная ситуация может быть понята и описана через нормы, которые в ней реализуются** (схема воспроизводства деятельности и трансляции культуры). Стремление к наибольшей точности реализации избранных или вошедших в традицию норм определяет нормальное функционирование культуры в социуме. В ситуации, когда нормы перестают выполняться (в силу устаревания или в силу непреодолимого сопротивления материала), требуется работа по замене одних элементов культуры на другие. Это ситуации кризиса и развития. Они требуют осмысления того, какие нормы и образцы не работают и почему. Затем происходит анализ, критика и борьба за новые нормы образцы или идеи, которые могут браться из запасов культуры, а могут производиться интеллектуальными и творческими усилиями.

К моменту распада Советского Союза в 1991 году ни у одного из действующих субъектов не было продуманных, четких и подготовленных схем, рецептов и вариантов действий, которые пришли бы на смену старым советским нормам. В то же время в образовавшихся независимых государствах должны были смениться практически все нормы, по которым организуется жизнь страны. Некоторые независимые государства (в первую очередь, страны Балтии) в короткое время изменили весь комплекс норм, эталонов и образцов, а в Беларуси по-прежнему руководствовались комплексом советских норм. Получив государственный суверенитет в 1991, Беларусь получила и целый набор «имен» разных органов управления и институтов, которых в советском обществе никогда не было — разделение властей, парламент, местное самоуправление, гражданское общество и т. д. За каждым из этих имен в европейской и мировой практике закреплены вполне определенные системы установок, образцов и идей, а также способов действия. Перед всеми вновь образованными государствами стояла дилемма: либо преобразовывать всю свою жизнь в соответствии с принятыми наименованиями, либо отказываться от этих «чуждых» имен, восстанавливать прежнюю систему, либо строить нечто свое.

К 1994 году в Беларуси налицо было несовпадение норм независимого государства, представлений о том, каким оно должно быть, и норм, которые из-за инертности культуры и массового сознания продолжали транслироваться и реализовываться. Поэтому очевидной стала задача приведения реальной ситуации в соответствие с образцами, принципами и идеями, которые лежат в основании современного независимого демократического государства. Эта «простая» задача требует:

- во-первых, заниматься изучением, теоретической критикой и комментированием представлений о суверенитете, государственности, нации и т. д.;
- во-вторых, транслировать эту норму — преподавать и рассказывать, как это должно быть устроено;
- в-третьих, реализовывать норму в конкретной социальной ситуации, то есть строить то, что есть в реальности в соответствии с идеальными представлениями о суверенитете и независимости.

В Беларуси, уже суверенной в течение нескольких лет, ничего подобного не происходило. Вместо того, чтобы заниматься приведением государственных структур и институтов к нормам суверенного государства, те структуры и институты, которые были в наличии и руководствовались старыми нормами, объявлялись суверенными. Региональная администрация, предназначенная для управления территорией или провинцией большой империи, в одночасье стала «национальным правительством». И никто не стал спрашивать, соответствует ли это существующее «национальное» правительство норме независимого государства или нет? Может ли оно принять на себя всю полноту ответственности за страну? Ведь эта администрация была создана, а ее сотрудники были обучены проводить на данной территории волю и политику центра, ко-

торый эту политику разрабатывал и вменял провинциальной администрации. Умений и компетенций реализовывать чужую волю заведомо недостаточно, чтобы самостоятельно управлять страной, вырабатывать собственную политику и проводить ее в жизнь.

В результате осмысления сложившейся ситуации и задач, которые необходимо решать, были В. Мацкевичем сформулированы **три направления культурной политики, как политики, направленной на приведение в соответствие отношений между культурой (знаниями, нормами, эталонами и т. д.) и социальной реализацией этой культуры.**

Во-первых, культурная политика должна быть направлена на пространство культуры — нормы, образцы, эталоны, которые реализуются в ситуации, их критику и анализ, выявление соответствия их тем целям и ценностям, которые ставят себе люди или нации. Здесь можно говорить о том, что нормы устаревают и становятся архаичными, требуют смены. С другой стороны, действующие образцы и нормы могут не соответствовать новым идеям и устремлениям. Так идеи свободы и равенства требовали критики и смены традиционной организации обществ, в которых до этого рабство и иная социальная дискриминация считались нормальным явлением.

Во-вторых, культурная политика должна сосредоточиваться на процессе реализации норм. И все институции и организации, которые есть в стране, должны проверяться на соответствие этим нормам. При обнаружении несоответствия они должны изменяться и приводиться в это соответствие. Иногда для приведения в соответствие требуется «исправление имен». Так, чтобы адекватно строить действия и иметь эффективные программы, нельзя называть органы местного управления, которые существуют в Беларуси — местным самоуправлением. Нельзя называть председателей исполкомов — мэрами и т. д. Это закрывает действительность от мышления и от эффективной деятельности.

В-третьих, нужна специальная работа внутри самой ситуации, чтобы изменять ее качество, готовить ее воспринять эту норму. Это работа по повышению качества материала для реализации необходимых норм.

Таким образом, **культурная политика** распространяется не на определенную сферу в жизни общества, которая как-то выделяется и очерчивается — кинематограф, изобразительное искусство, театр т. д. Здесь культурная политика разрывает границы отрасли культуры и расширяется до политики вообще. Сферой приложения культурной политики становится все пространство социальных ситуаций, для которого действительна и политика как таковая. Различаются они по тому, **где**, в каких пространствах и **какая** работа ведется. Для работы с нормами и образцами нужна одна работа, для изменения качества материала, его подготовки и улучшения, для реализации норм — вторая, а для собственно обеспечения соответствия между тем, что должно быть, и тем, что есть, — третья.

Культурная политика — это новая версия политики. Традиционная политика осуществляется, исходя из ситуации и в самой ситуации. Пространство культуры присутствует в деятельности политика как условие или контекст его действий. Даже оказывая существенное воздействие на то, какие культурные нормы реализуются в конкретных ситуациях и как это происходит, политик не удерживает сами нормы в качестве объекта своего интереса и действий. Чтобы осуществлять политическую власть, конкретный политик должен видеть всю ситуацию и воспринимать ее как целое, иначе он будет действовать неэффективно.

Для культурного политика «открыты» все компоненты, которые участвуют в создании конкретной ситуации и нормы, и результаты их реализации, и процессы трансляции норм и их реализации.

Культурная политика — это версия политики будущего. Современный политик так или иначе приходит к такой версии политики, он не может больше довольствоваться только социокультурной ситуацией и действиями в ней.

Полагая в качестве объекта рефлексии, мышления и деятельности всю полноту существования культуры и ее реализации в конкретной ситуации, культурная политика организуется по нескольким основополагающим принципам:

1. *Культурная политика — это игра.* «Открытость» для действия всего пространства культуры — выбора и конструирования норм, образцов и идей — задает иную детерминацию в реализации норм. То, какая из норм должна быть реализована, зависело либо от традиции (образцы жизни предков), либо от признания некоего линейного пути как необходимого пути, которым идет все человечество, догоняя друг друга (на этом построен принцип модернизации или модернизма). Несмотря на критику первого и второго подходов, переход к иному способу детерминации в отношении избрания норм, образцов, образов жизни и действия представляется крайне сложным. Эта детерминация, которая может быть описана только в терминах выигрыша и проигрыша. Выбирая и критикуя совокупность норм, которая подлежит реализации, культурный политик делает ставку. И эта ставка — его собственная жизнь и деятельность в ситуации, где эта норма будет реализовываться. Выбор зависит от способности рассчитывать ходы, понимать ситуацию, а также от ценностных установок, от мечты. Культурная политика предполагает игру в Беларусь.

2. *Культурная политика — это коммуникация.* Включение в область своего деятельного отношения пространство культурных норм, а также процессы трансляции и реализации этих норм влечет за собой втягивание в политическое поле всего многообразия коммуникативных ситуаций. Во-первых, это коммуникация с иными субъектами, которые имеют отличные представления и аргументы в отношении комплекса норм, подлежащих реализации. В одной ситуации не могут реализовываться две разные нормы, регламентирующие действие одного и того же. О них надо договариваться. Нежелание договариваться выливается в ликвидацию противника. Но пока в качестве установки остается плюрализм норм, возможных для реализации, требуется хорошо организованная коммуникация. Во-вторых, это коммуникация, необходимая для организации коллективной деятельности по подготовке материала, реализации, мониторингу и исследованию и т. д.

Культурная политика — это программа. Программная организация мышления и деятельности культурной политики связана с несколькими моментами. Во-первых, охват всех компонентов организации жизни в социокультурной ситуации требует учета разнообразия материалов (гетероморфности), разного течения времени и скорости процессов (гетерохронности), разнообразия норм и правил (гетеронормности) и т. д. Удерживать все это многообразие в мышлении и деятельности и не редуцировать позволяют программы и программирование, где особым образом строится топика рабочих пространств. Эти пространства автономны и «живут» по собственным законам, а связываются через рефлексивное перебрасывание содержания из одного пространства в другое. Во-вторых, для культурной политики необходимо одновременно удерживать прошлое, настоящее и будущее. Это, казалось, простое условие крайне сложно выполнить без специальной установки. Обычно люди живут либо прошлым, вытягивая оттуда все основания для решений, лучшие образцы и т. д., либо устремлены в будущее, не считаясь с актуальным состоянием и инерцией материала, либо полностью погружены в настоящее. Для работы с нормами и с их реализацией требуется постоянное выстраивание истории, не как груза ошибок или как руководства к действию, а как пройденного пути, который определяет возможности нового шага. Необходима и работа с будущим для удержания ориентиров и коррекции движения. Культурная политика — это проигрывание и промысливание настоящего и будущего в действительности вместо строительства «светлого будущего» или пассивного ожидания его.

3. Города как объект исследования в программе культурной политики

К началу 2007 года программа культурной политики сосредоточивалась на нескольких направлениях. Главными из них были:

- работа по исследованию и развитию сообществ;
- исследование, организация и управление общественными движениями и инициативами;
- организационное развитие в третьем секторе;

- становление и развитие белорусской идентичности;
- гражданское образование.

Весьма скромные ресурсы, которыми располагала исследовательская группа, требовали сосредоточиться и свести эти направления к нескольким обозримым и управляемым линиям. Такое сведение стало возможным благодаря пониманию, что все те проблемы, которыми мы занимаемся, являются компонентами **городской культуры и цивилизации**.

К сегодняшнему дню в Беларуси отсутствует норма городской культуры и городского образа жизни. В стране сложилась и реализуется какая-то иная норма. Культурно-политическая задача состоит в том, чтобы разобраться с ней и понять, каким образом возможно приведение реальности белорусской жизни в соответствие представлениями о городском устройстве.

Чтобы строить какие бы то ни было действия в отношении белорусских городов, необходимы исследования, причем исследования всех материалов тех слоев, которые мы можем выделить при анализе общей схемы трансляции и реализации норм культуры.

1. Первый слой, это нормативный план, включающий: нормы, эталоны, образцы и прототипы деятельности, закрепленные в праве или иных нормативных документах. Но, прежде всего, здесь важны понятие и идея города, представления, которые есть у белорусов о городах и о городском образе жизни.
2. К нему примыкает план трансляции норм, эталонов, образцов и прототипов, который обеспечивает хранение и передачу знаний, умений и навыков. Исследованию подлежат системы формализованного и неформального образования, СМИ, состав библиотек, доступность Интернета и его содержания, мобильность населения и возможность знакомства и освоения иных образцов и образов жизни.
3. Далее, план ситуации, в которой реализуются нормы. Это конкретное знание о жизни и деятельности людей: уровень, образ и качество жизни. Это состояние современных городов, проблемы, трудности, состояние дел, наличие средств и ресурсов, а также мода и доминирующие тенденции в образе жизни людей, субъективные картины будущего для себя и детей и т. д.
4. План ситуации дополняется планом реализации норм. Сюда входят стратегии, программы и планы в отношении белорусских городов, отдельных сфер и даже планирование карьеры отдельных людей. Причем все это должно браться не в статике — в виде текстов или документов, а в динамике — по этапам реализации, с мониторингом и анализом сделанного или не сделанного.
5. Последним идет план действий или актов деятельности, который включает в себя позиции деятелей, материал и продукт или результат деятельности, сами действия. Следует выделить состав ньюмейкеров — тех, кто привносит и реализует инновации в самых разных областях деятельности, в культуре, экономике, политике и т. д. Действия же большинства и различных меньшинств описываются социологической, политической и экономической аналитикой.

Этот комплекс материалов, подлежащих исследованию, определяет и задает первые шаги в движении к развитию городов в рамках культурной политики. Специфика исследования более подробно описана в другом разделе.

ТЕМА 2. ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ БЕЛАРУССКИХ ГОРОДОВ

1. Схема анализа программ развития городов
2. Общая характеристика программ развития городов в Беларуси
3. Объект и материал реализации в программах развития городов
4. Возможности совмещения различных программ.

1. Схема анализа программ развития городов

Программа — это способ соорганизации *взаимосвязи и изменений нескольких разноприродных деятельности, организованностей и процессов*. Программы могут быть оформлены в документы, в которых с разной степенью подробности акцентированы те или иные аспекты организации деятельности. Поэтому для анализа и сравнения программ необходимо за различного рода оформлениями восстанавливать несколько наиболее существенных характеристик программ:

- 1) *Цели или ориентиры программы*. Эти важные характеристики являются наиболее общими, но в них необходимо выделить аксиологические (ценностные) принципы, на которых строятся эти ориентиры. Распространение и принятие в современном мире «общечеловеческих ценностей» нередко нивелирует различия на уровне слов и идеологем. Так и советское и западное общество оперировало одними и теми же словами, обозначая свои перспективы — свобода, демократия, гуманизм, интернационализм и т.д.. За постановкой целей и ориентиров необходимо также восстанавливать представления о развитии, заложенные в программах.
- 2) *Основной объект или сфера, на которую направлено воздействие, вместе с базовой концептуализацией этой сферы*. Так, например, если программа направлена на сферу культуры, то для анализа необходимо разобрать, что включает в себя сфера культуры. Это требует не только определения объектно-онтологического содержания этой категории (объем и содержание понятия), но выявление принципов, по которым строится мышление об этом понятии — подхода к выделению объекта. Для восстановления подхода нередко необходимо проанализировать то, каким образом и по каким основаниям данный объект выделяется среди прочих. Например, город как объект развития, может выделяться в качестве производственной или территориально-административной единицы, а может как минимальная единица самоорганизации или как экземпляр, уникальность.
- 3) *Совокупность материалов, на которых разворачивается программа*. Любая программа, как определенный вид организации деятельности, направленный на работу с будущим предполагает гетероморфность. Это означает, что по отношению к различным материалам должны быть предусмотрены и разные виды работ, разное отношение, разные оценки и т.д.. Однако нередко все материалы редуцируются или сводятся к одному виду. Такое сведение может выглядеть как выбор наиболее важного процесса или деятельности и игнорирование остальных. Другой случай — это редукция, которая осуществляется через применяемые методы работы. Так даже при выделении разнообразия видов материала, с которым предстоит работа — знания, коммуникация, индивидуальность, материальные объекты и т.д. — программная деятельность со всеми этими материалами строится как с материальными объектами.
- 4) *Критерии оценки продвижения в программе, результативность*. Ожидаемые результаты могут быть описаны в виде созданных объектов или иных количественно учтенных показателей (число людей, количество услуг и т.д.), в виде произведенных действий, в виде прецедентов или случаев, которые характеризуют появление новых образцов и норм.
- 5) *Организация времени в программах*. Здесь имеет значение несколько моментов. Первое, в каких единицах рассчитано время программы. Оно может быть в годах, а может быть в этапах, которые необходимо достичь. Второе, это длительность действия программы — год, пятилетка, век и т.д.. Эта характеристика показывает, прежде всего, масштаб мышления программистов — что в программе является современной ситуацией, в которой происходит дей-

стве. Третье, включенность и глубина истории, к которой апеллирует программа. Если изменения направлены на то, чтобы качественным образом изменить образ жизни в городах, то в программу (в качестве объекта анализа) должна быть включена вся история становления имеющегося образа жизни, от которого следует уйти.

2. Общая характеристика программ развития городов в Беларуси

Обзор программ развития, реализуемых на территории Беларуси, позволяет сделать два общих утверждения:

1. *Развитие городов в Беларуси практически не имеет собственного программного обеспечения.* Развитие городов происходит в рамках программ местного развития. Города не рассматриваются как специальный объект, несмотря на то, что формально и документы и действия нередко посвящены именно городам. Такая невыделенность города как специфического объекта развития имеет разные причины по отношению государственным программам и к программам, реализуемым гражданским обществом. В первом случае это связано с понятием о городе, сформированном в советском социальном знании, где города вписаны в общую централизованную схему поселений и не могут быть выделены как уникальные объекты. Во втором случае, города являются такой естественной формой европейского существования местных сообществ и местного развития, что экспорт подходов и методов развития и построения программ нивелирует проблему отсутствия городов в Беларуси (городов соответствующих идее города и европейскому пониманию). В этих программах и действиях требуется специальная критика и доработка в соответствии со спецификой белорусской ситуации. Эта критика и интеллектуальная работа пока не проделана. В итоге судить мы можем только о программах местного развития, которые распространяются и на города.
2. *На территории страны параллельно разворачиваются две широкие программы, направленные на местное развитие, которые противоположны по основным параметрам и в принципе антагонистичны по своей сути.* То, что составляет цель и объект заботы одной из них, является негативным фактором выполнения другой. И наоборот. С таким утверждением не согласится большинство из реализаторов этих программ, и с той, и с другой стороны. Но кроме вызванного несогласия это утверждение позволяет ставить вопросы относительно программ местного развития в нашей стране, которые требуют анализа и обсуждения. Действительно ли их всего две? Действительно ли они программы направлены на один объект? Действительно ли они противоречивы и несовместимы? Как же все-таки происходит их взаимодействие (борьба, конфликт, согласование)? И, наконец, что действительно развивается в результате этих программ?

Почему две программы? Нет нужды в аналитических разборах, чтобы стало понятно, что на самом деле программ развития «на местах» гораздо больше. Одно перечисление всех принятых государственных программ займет полстраницы: программы развития малых городов, сел, программы социально-экономического развития регионов и т.д. Все это относится к местному развитию. Кроме того, нельзя забывать общественные инициативы и структуры третьего сектора, занимающиеся развитием местных сообществ, сельских территорий и т.д. Нет сомнения, что все они также имеют свои программы.

Но все это многообразие касается принятых документов. Если же мы посмотрим на программы и более широко, и более строго, как на способ организации различных процессов, то следует признать, что у всех государственных программ местного развития один и тот же субъект программирования, концептуальные принципы и методологические основания, механизмы и ресурсы реализации, способы работы с ними и многое другое. По сути, каждый очередной документ, это фиксация какого-то этапа или аспекта разворачивания одной масштабной программы. Сами документы имеют, прежде всего, управленческое и организационное значение, нежели отмечают изменения в общей программе или принятие новой, на иных основаниях, с иными представлениями о развитии или об объекте развития.

Со структурами третьего сектора — сложнее. Имеющиеся программы разноо-

бразны: и субъекты у них различны, и задачи они ставят по-разному, и, кажется, независимы друг от друга, если не сказать разрозненны. Однако, это тоже лишь на первый взгляд. Местное развитие, хоть оно и ограничено территориально, тем не менее, не может быть местным по масштабу мышления. Даже большевики понимали, что нельзя построить коммунизм в отдельно взятой стране и поэтому им приходилось охватывать своим мышлением и программами не только Советский Союз, но и весь мир. Тем более нельзя «развить» одно сообщество, одно село или один город, не рассматривая это развитие как конкретную точку приложения сил, но, имея ввиду всю страну, и как минимум в общеевропейском контексте. В свою очередь, если обратиться к субъектам третьего сектора в Беларуси, то собственных, так сказать автохтонных, программ национального масштаба они не предлагают или почти не предлагают. Это «почти» связано не с полным отсутствием предложения, а с неготовностью субъектов третьего сектора включаться в реализацию таких программ, в частности программы культурной политики⁹, в которой разработаны и собственные концептуальные основания, методологические принципы и методы реализации.

Делая столь резкое заявление о фактическом отсутствии собственных программ в третьем секторе надо оговориться, что полноценная разработка национальной программы требует большого количества, прежде всего, интеллектуальных ресурсов, а реализация — материальных, человеческих и организационных. В достаточно слабом белорусском третьем секторе этих ресурсов мало, да и те распылены и разрознены. Поэтому в том или ином виде происходит заимствование широких программных установок, в первую очередь, из европейских программ местного развития. Они связаны с принятыми белорусскими локальными программами и ресурсно, и организационно, и идейно.

Что же представляют собой программы, которые реализует третий сектор? Их можно разделить на два типа. Первый — осмысленное включение в широкие общеевропейские программы местного развития, с заимствованием основных принципов, задач, теоретических и концептуальных оснований и с формулированием страновых или локальных целей и специфики выполнения этих программ. Второй — доморощенные программы, которые нерелексивно (а потому, нередко с ошибками и пробелами) строятся на основании европейских принципов местного развития.

Нет оснований нивелировать внутренние различия европейских программ, которые так или иначе используются белорусским третьим сектором как базовые, но можно с уверенностью говорить о единстве некоторых принципов, относительно местного развития. Поэтому, несколько упрощая, можно говорить о том, что структуры третьего сектора встроены в реализацию широкой общеевропейской программы местного развития.

3. Объект и материал реализации в программах развития городов

Общая государственная стратегия, реализующаяся в целом пакете программ местного развития, наследует базовые советские принципы управления: производственный и командно-административный. Объекты управления и развития выделяются **как элементы производственной системы**, чем бы эти объекты не являлись — территории, города, сообщества, сферы (культура, образование) и т.д.. Обеспечение экономической эффективности и целесообразности является основанием для определения критериев развития. И хотя социальное обеспечение и прочие гуманитарные задачи иногда выходят на первый план в заявлениях и декларациях, но в постановке целей производственный принцип выступает вполне отчетливо:

*...В целях более равномерного размещения **производительных сил страны** необходимо обеспечить комплексное развитие внутриреспубликанских регионов, приоритетное развитие малых и средних городских поселений...* (Государственная комплексная программа развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007 – 2010 годы)

Командно-административный принцип добавляет к такому пониманию объекта еще и способ реализации управленческих решений. Он предполагает наличие на верхних уровнях четкого знания о том, что подлежит развитию и как это

делать, и выполнения руководящих указаний на нижних уровнях. Сам объект управления (территория, город, сообщество) пассивен и только воспринимает воздействия:

*Область является оптимальной единицей социально-экономического пространства страны, в границах которой на современном этапе развития административно-территориального деления Республики Беларусь органы власти **могут наилучшим образом осуществлять эффективное управление своей территорией** (Государственная комплексная программа развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007 – 2010 годы)*

В основании европейских программ развития лежит принципиально иной объект — мышление и деятельность субъектов на той или иной территории или в поселении. Это принцип саморазвития субъектов, которые решают, как они будут жить и несут ответственность за свои решения. Наличие таких самоорганизованных и самодеятельных субъектов принимается в европейских программах практически как данность. Поэтому собственно развитие, связано либо с ростом их социального капитала и ответственности, либо с освоением современных знаний об условиях и стандартах существования и расширением зоны такой ответственности. Задача действий программы — обеспечить возможности этого саморазвития. Это самый общий принцип, который каждый раз конкретизируется и нередко специально не оговаривается. Тем не менее, не восстановив его, мы мало, что можем понять в соотношении действий, которые осуществляются в рамках одних и других программ.

*Общая цель развития населенных пунктов состоит в улучшении социально-экономических и экологических условий в населенных пунктах и условий жизни и работы всех людей, в частности городской и сельской бедноты. Это должно быть основано на деятельности в области технического сотрудничества, **совместных мероприятий государственного и частного секторов и общин, а также участия в процессе принятия решений общинных групп** и таких особых заинтересованных групп, как женщины, коренные народы, пожилые люди и инвалиды. (из Повестки на 21 век)*

Таким образом, очевидно, что объект у этих программ разный: в одном случае эффективные производственные структуры, в другом самоорганизованное и ответственное местное сообщество. При этом материальное воплощение, на котором реализуются обе программы, — одно и тот же. Вот, к примеру, город Дисна. Этот город славен не только тем, что он самый маленький в Беларуси, но и тем, что он один из первых разработал собственную программу устойчивого развития (Стратегия устойчивого развития Дисненского края (Местная Повестка на 21 век)). При этом, как и все малые города, после 2006 года Дисна имеет государственную программу развития.

Мы не будем сейчас подробно сравнивать эти две программы, а лишь укажем на один, но крайне важный момент, касающийся различия объектов развития на одном материале. Программа развития Дисненского края разработана и принята местным сообществом, образовавшимся (или собранным) для ее формулирования и реализации. И те направления деятельности, которое в ней обозначены, это результат их собственного развития и работы. И если следовать нормами Повестки-21, на которых строится программа, но это и есть основной механизм развития — самоопределяющееся и деятельностное местное сообщество («Группа местных действий»), в которое входят представители местных властей, общественных организаций, образования, бизнеса и просто активные жители края.

Немногим позже принимается Государственная программа развития Дисны. Что же служит основанием для ее разработки? Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006-2010 годы, Программа социально-экономического развития Витебской области, а также Стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь и ряд других документов и законов. Наличие программы развития в рамках третьего сектора — игнорируется, поскольку субъект этой программы не существует даже как элемент в том пространстве, которое собирается развивать государственная программа. Он не вписывается в систему производственных

или управленческих отношений. Местное сообщество и «группа местных действий» распределены по разным категориям, которым предписаны отдельные места в рамках осуществления развития города.

В итоге одна программа предполагает, что в ходе развития требуется формирования особых отношений между людьми, живущими в городе, и их особого отношения к самому городу. Другая же программа, для своей эффективной реализации требует разрыва этих отношений, но установления и совершенствования других отношений, в соответствии с функциональными местами в системе производства, управления или инфраструктуре. И эти места требуют совершенно иного отношения к городу. В первом случае — они хозяева, во — втором исполнители и инфраструктура развития. И дело здесь не в том, что более верно или эффективно, а в том, что для одной программы развитию подлечит одна структура отношений, а для второй — другая. И обе они рассчитывают на один и тот же человеческий, интеллектуальный, организационный, технический материал.

4. Возможности совмещения различных программ.

Логически выделенные программы несовместимы по нескольким основаниям. Во-первых, объект и той и другой программы — это особые социальные структуры, которые характеризуется целостностью и системностью, и поэтому не позволяют включать в себя структуры с иной логикой функционирования.

Во-вторых, противоположность обнаруживается в том, каким образом развитие чего-то местного (территории, города, сообщества и т.д.) соотносится с развитием целого (страны, общества). Если для государственных программ параметры развития страны определяют, какие показатели должны быть у местных изменений. Для европейских программ, наоборот, через развитие частей происходит развитие целого. Параметры развития страны складываются из того, что возникает в местном развитии. В одном случае развитие общества и страны раскладывается на развитие частей, во втором — развитие страны складывается из локального развития.

В-третьих, противоречие наблюдается в требованиях к людям, в их образах жизни. Реализация государственной программы развития предполагает воспитание и поддержание патернализма среди жителей развиваемых территорий, которые, будучи необходимыми элементами производственного цикла, могут рассчитывать на полное обеспечение. Европейские же программы требуют осознания себя субъектом и принятие на себя ответственности.

Таким образом, эти программы предполагают различные цели и ориентиры, а также ценностные основания, разный способ мышления о своем объекте, разные критерии продвижения и результаты, разный состав материалов и отношение к нему.

Но логические выкладки встречаются с реальными фактами. Обе эти программы реализуются и даже признаются успешными. Более того, принятая в 2004 году Национальная стратегия устойчивого развития Беларуси, по утверждениям ее разработчиков и инициаторов строилась на основании идей устойчивого развития и все той же «Повестки на 21 век». Как же это возможно?

Чтобы разобраться с «чудесами совмещения», надо начать с общих рассуждений об отношениях простого и сложного. Простые системы управления, простые программы, простые решения всегда более устойчивы к внешним воздействиям и более эффективны, особенно в краткосрочной перспективе, для разрешения конкретных задач. Сложные системы и программы, наоборот, и более тонкие, и менее устойчивые, но в свою очередь позволяют решать задачи с так сказать большим количеством переменных, и в итоге более успешны в длительной перспективе за счет способности удержания гибкого баланса, в противовес жесткости. Для равноправного совмещения программ либо та, что проще должна быть развита и усложнена, либо та, что сложнее — редуцирована, сведена к приемлемым ограничениям. Демократические системы сложнее командно-административных. Но это общие рассуждения. А как же совмещаются белорусская государственная и европейская программы в рамках, например, Программы устойчивого развития Беларуси.

Как мы уже отмечали, европейские программы в принципе и Повестка-21 в частности строятся на отношении к местному сообществу как субъекту, определяющему свою дальнейшую жизнь. Этот демократический принцип уже столько давно реализуется в европейском устройстве, что не требует специального оговаривания. Поэтому особое внимание в формулировке программной деятельности уделяется актуальной, новой идее устойчивости или точнее сбалансированности развития. Все содержание программ устойчивого развития сосредоточено на том, чтобы в систему принятия решений на местном уровне были введены представления об этой сбалансированности. Разработанные механизмы и методы работы касаются внедрения этих идей и при этом уже подразумевают наличие субъектности. Хотя надо отдать должное, что особенно в белорусских условиях признается слабость этой субъектности и акцентируется внимание на привлечение к широкому общественному участию. Очень тонкая грань разделяет слабую субъектность и ее отсутствие. Но эта тонкая грань разделяет принципиально разные отношения и стратегии действия.

Можно редуцировать, не придавать особого значения выполнению базовых условий, а сосредоточиться лишь на конкретных формулировках задач, показателей и методах работы. И если эти задачи и показатели можно оторвать от базового условия формирования субъектности и в таком виде встроить их другую программу, тогда можно совместить более простые государственные программы и более сложные европейские. Совместимы ли задачи сбалансированности экономического развития и экологической безопасности с задачами социально-экономического развития Беларуси? Вполне совместимы, если они не подрывают оснований социального и управленческого устройства. Но достижение определенных показателей ничего не подрывает, даже, пожалуй, укрепляет эту систему. Более того, по выполнению показателей командно-административное управление будет в несколько раз эффективней. Нет необходимости достигать осознания важности проблем, нет необходимости согласовывать представления и действия, нет необходимости ждать, когда люди возьмут на себя ответственность. Можно «спустить» план и обеспечить его ресурсами. И показатели будут выполнены.

По системе разного рода показателей, зафиксированных в государственных программах, местное развитие в Беларуси налицо, даже если принять во внимание «показательную отчетность». Нельзя отрицать рост уровня жизни жителей страны. То же можно ожидать в будущем в отношении других показателей развития — экологических, культурно и природно-охраных, поскольку они стали интенсивно включаться в государственные программы.

Местного же развития как развития субъектов нет, и в ближайшем будущем не предвидится. Предметом чьей заботы является рефлексия и удержание всей сложности оснований для выполнения европейских программ? Европейцев ли, или белорусов, реализующих и продвигающих эти программы? Ответ кажется очевидным. Но таким удержанием специально практически никто не озабочен. А если все же находятся те структуры гражданского общества, которые всерьез озабочены местным развитием через развитие местных сообществ (будь то городских или сельских), то они встречаются с многочисленными препятствиями. С одной стороны, они сталкиваются с противостоянием как государственным программам, так и тем вариантам европейских программ, которые адаптированы к белорусским условиям. С другой стороны они встречаются с инертностью и патернализмом населения, которые подпитываются успехами государственных программ. И, наконец, они ограничены в ресурсах необходимых для организации всех компонентов разработки программ и их реализации.

Результативность государственных программ гораздо выше, но она же становится заложницей разного рода политических и административных кризисов. А их нельзя сбрасывать со счетов, особенно с установкой на устойчивость и долгосрочность результатов. Гарантом и обеспечителем безопасного будущего в рамках государственных программ становится налаженная система управления. В случае ее нарушения — наступает коллапс в выполнении всех необходимых функций, поскольку механизма урегулирования за пределами этой системы управления нет. Кто будет готов к принятию ответственности, к

построению новой системы для дальнейшей реализации программ и какова цена этого восстановления — неизвестно. И что тогда будет со всеми теми достижениями сбалансированности экономики и экологии, если их некому будет контролировать. Ведь субъективной личной ответственности за это никто не несет, а главное никто не имеет опыта самостоятельного действия или организации новой системы управления. Такую ситуацию мы уже проходили в момент разрушения Советского Союза.

Местное развитие, рассчитанное на местное сообщество в качестве субъекта, который ставит и удерживает цели, гораздо более трудоемко, сложно и менее надежно и устойчиво. Но он имеет одно важное преимущество — это причастность к управлению своим будущим большого числа людей. И это своеобразный запас прочности для развития.

Этот анализ ставит задачи возвращения к этапу программирования с учетом всех аспектов, которые были представлены в схеме анализа программ. Эта схема позволяет осмысленно подойти к перепрограммированию и организации эффективной деятельности, где первой задачей становится введение города как объекта развития, а второй выстраивание программной деятельности с учетом представлений о гетероморфности материала и организации времени, в рамках мышления о будущем.

ТЕМА 3. ИССЛЕДОВАНИЕ В ПРОГРАММИРОВАНИИ: СФЕРА ГОРОДСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В БЕЛАРУСИ

1. Городское развитие как политическая и исследовательская практика: методологические основания городских исследований.
2. Исследование в программировании: сопротивление материалов и история.
3. Принципы разработки гуманитарных понятий: понятия и действия.
4. Методы исследования: исследование действием и организационно-деятельностные игры.

1. Городское развитие как политическая и исследовательская практика: методологические основания городских исследований

На сегодняшний день в белорусском интеллектуальном пространстве можно наблюдать многообразие исследовательских линий, с большей или меньшей глубиной освещающих различные локальные стороны города как объекта исследования. Формирование сферы «городских исследований» в Беларуси требует критического отношения, разбора и обсуждения подходов, методов и оснований, которые реализуются отдельными исследователями. Главным основанием для формирования сферы исследований в деятельностном подходе является способ мышления о самом феномене, который эту сферу образует.

Города — это объект политической и социальной практики. Поэтому и осмысленность выделения города как объекта исследования сохраняется только при удержании такого отношения.

Наиболее существенные изменения в различных сферах жизни белорусских городов закладываются и целенаправленно реализуется в рамках государственных программ. Белорусское государство, в лице правящих структур, является фактически единственным политическим и социальным субъектом, который ставит цели и задачи по отношению к развитию городов, в частности в Государственной комплексной программе развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007-2010 годы. Параллельно с этими целенаправленными действиями текут процессы, обусловленные развитием рыночных отношений, техническим прогрессом, распространением информации и другими глобальными изменениями, которые действуют поверх национальных границ и иногда вопреки этим действиям. В отличие от организованных и управляемых действий в рамках государственных программ, влияние глобальных процессов подобно стихийному, естественному прорастанию структур. В Беларуси отсутствуют сколько-нибудь значимые субъекты вне государственного аппарата, реализующие собственные программы в отношении городов. Таковыми в силу различных причин не являются ни местные органы самоуправления, ни представители третьего сектора, ни бизнес, ни политические силы. Поэтому постановка вопроса о развитии в рамках государственных программ является самым влиятельным фактором тех изменений, которые наши города претерпевают.

Общая государственная стратегия наследует базовые советские принципы управления: производственный и территориально-административный. Объекты управления и развития выделяются как элементы производственной системы, чем бы эти объекты не являлись — территории, города, сообщества, сферы (культура, образование) и т. д. Командно-административный принцип предполагает наличие на верхних уровнях четкого знания о том, что подлежит развитию и как это делать, и выполнения руководящих указаний на нижних уровнях. Сам объект управления (территория, город, сообщество) пассивен и только воспринимает воздействия. Белорусские города развиваются как «слободы» — функциональные поселения вокруг центра производства (предприятия, фабрики и т. д.)⁴. Задач собственно городского развития в актуальной белорусской ситуации никто не ставит и не реализует.

⁴ лазычев В. «Глубинная Россия: 2000-2002». М.: Новое издательство, 2003.

Территориально-административный подход к городам, рассмотрение их как производственных единиц, бытует не только в практике реализации государственных программ, но, в первую очередь, в мышлении. Сама постановка вопроса о сути городского развития, о том, что это означает и как это применимо к белорусским городам, — новаторская и пока мало осмысленная. Город, как специальное «огороженное» пространство, где течение жизни в противоположность естественному течению организовано и является предметом размышлений, планирования, координации, взаимного согласования и целенаправленной реализации, только начинает появляться в белорусском интеллектуальном пространстве. Оно находит отражение в историческом осмыслении городской жизни белорусов, в анализе пространственного и информационно-визуального облика городов и т. д. Но эти исследования редко ориентированы на деятельностные задачи. Отсутствие такой ориентации лежит не в значимости результатов, а в заложенных принципах и установках исследования. Научный поиск не включен в социальную и политическую практику, исследования не ориентированы на конкретных деятелей, реально имеющих место в белорусской ситуации, чья деятельность требует обеспечения такими знаниями.

Классические научно-исследовательские установки требуют «объективации» и абстрагирования от практических задач. Именно поэтому большинство исследований не обладает системностью схватывания города как объекта развития, ограничиваясь предметным (дисциплинарным) рассмотрением и выделяя те стороны городского существования, которые находятся в этих дисциплинарных рамках (экономическое развитие, властные отношения и местное самоуправление, социальные и демографические проблемы и т. д.). В результате отмеченное выше отсутствие альтернативных субъектов городского развития связано не только с отсутствием политической воли или организационной слабостью, но и во многом с отсутствием интеллектуального обеспечения для организации деятельности.

Политическая и управленческая практика в отношении городов требует не предметного или дисциплинарного знания, а системного знания об объекте. Причем системные знания не являются совокупностью предметных знаний. Разбор отличий между традиционными научными знаниями и теориями объектов, и знаниями и теориями объектов в рамках организационной и управленческой деятельности не входит в задачи данного раздела. Отметим лишь, что получение такого рода знаний на сегодняшний момент требует не только непосредственной исследовательской работы, но и серьезных методологических и теоретических разработок. В частности одним из важнейших вопросов является определение того, что подлежит исследованию для того, чтобы разворачивать деятельность по развитию городов.

Размышляя над этим вопросом, мы основываемся на том, что *выделение предмета исследования исходит не из объекта как такового и его свойств, а из нашего познавательного и деятельностного отношения к нему*. Задача управления социальными изменениями требует описания материала, на котором будет разворачиваться деятельность (программа деятельности). Исследование «сопротивления материала» — это не технологическая метафора, а способ работы с объектом исследования. Этот способ работы предполагает, с одной стороны, отношение к объекту как к естественному, существующему независимо от деятеля и исследователя. Но в то же время этот независимый объект представляет интерес не сам по себе, а как то, что подлежит преобразованию, как материал деятельности. «Исследование материала» направлено не на то, чтобы узнать, каков объект на самом деле, а на то, чтобы найти адекватные способы работы с ним, правильно рассчитать действия и ресурсы.

«Город» — это социальная и политическая практика в большей мере, нежели объективная реальность, подлежащая фиксации. Осмысленное обращение к городу всегда приводит к рассмотрению его в деятельностном отношении: как к тому, к чему устремлены мышление и действия. Поэтому определение того, что является объектом в городских исследованиях, должно строиться не на «членении» реальности города на отдельные фрагменты и феномены, а на выделении элементов программно организованной социальной и политической практики.

2. Исследование в программировании: сопротивление материалов

Программная организация деятельности предполагает перманентное, взаимосвязанное и рефлексивно управляемое изменение нескольких разноприродных организованностей и процессов в противоположность разовому и конечному действию, а также циклической, рутинной деятельности, ведущей к производству заданного «продукта»⁵.

Что является материалом, на котором разворачивается та или иная программа деятельности? Каждая широкомасштабная программа в самом общем виде может быть представлена как три слоя, в которых протекают различные по природе процессы: изменения в мышлении, изменения в организации деятельности, а также непосредственные изменения в наблюдаемых феноменах, в социальной ситуации.

Город или городское развитие также необходимо представить в виде нескольких слоев программной организации, с тем, чтобы выделить «материалы» на которых строится данная программа. В слое «мышления» программа деятельности предстает как трансляция, передача и развитие методов, подходов и предметных знаний. Материалом здесь служат понятия о современном городе, нормы городской жизни, эталоны, образцы для подражания (города, горожане, поступки и т. д.), образ будущего и даже мечты о городе, критерии оценки успешности и неуспешности развития города, а также формы трансляции и развития (система формального и неформального образования, СМИ и т. д.).

В слое «организации деятельности» лежат разработка и внедрение технологий, новых средств и инструментов деятельности. Материалом же выступают техники, технологии, проекты и планы действий, ресурсы, а также оргструктуры и системы, реализующие те или иные действия (структуры принятия и реализации решений).

В слое феноменальности или изменения ситуации фиксируется появление новых свойств, представлений и способов действия, всего того, что можно эмпирически фиксировать и наблюдать в городской жизни. Материалом здесь служат и внешний вид города (застройка, расположение объектов, эстетика и т. д.), и уровень жизни жителей, наличие средств и ресурсов, и взгляды, мнения и суждения людей, субъективные картины будущего для себя и детей и т. д.

Таким образом, городские исследования в рамках деятельности по развитию городов должны строиться как исследования материалов различных природ. В отличие от простых технических действий, материал любой программной деятельности, даже самой простой, нельзя свести к чему-то одному, например, к людям или к знаниям, к средствам и ресурсам деятельности. Очень часто встречается редукция материала до какой-то одной субстанции. Кто-то работает только с людьми, кто-то со знаниями или ресурсами. Но целостный процесс все равно собирается из очень разнородного материала. Материал в реализации любой программы всегда гетероморфен, всегда представляет собой композицию из материала разных природ. И это следует учитывать, выделяя предмет городских исследований.

Наибольших усилий требует анализ материала на двух первых уровнях — мышления и организации деятельности, поскольку это, прежде всего, рефлексивные усилия по анализу и изменению подходов, методов и знаний, на которых основана программа, и способов, технологий и средств ее реализации. Однако полноценный анализ и эффективные решения относительно деятельности по развитию городов немислимы, если они не включают знание о феноменальности, о материале социальной ситуации. Более того, именно к этому уровню может быть отнесено большинство проводимых исследований. Хотя они и исходят из иных оснований и реализуются в других подходах, тем не менее, имеющиеся о белорусских городах знания, прежде всего, можно отнести к знаниям о материале феноменальности. Исследования современного

5 Наумов С. «Представления о программах и программировании в контексте методологической работы» // Кентавр. 1991. № 1. С. 31-46.

беларусского общества и городов в подавляющем большинстве имеют «объективный» характер или, по крайней мере, претендуют на него. Это означает, что полученные знания дают характеристику беларусских городов такими, «какие они есть на самом деле». Если предположить, что такие знания возможны и осмысленны, то они все же отличаются от знаний о городах как о материале преобразований. Это ставит задачу рефлексии и инвентаризации накопленных знаний о городах и городском развитии на предмет их адекватности конкретным деятельностным и программным установкам.

Результаты исследований сопротивления материала не могут рассматриваться как самоценность и конечный продукт. Они, включаясь в реализационные процессы, могут быть проблематизированы по всем пунктам: от интерпретаций эмпирических фактов до концептуальных схем понимания и анализа.

3. Принципы разработки гуманитарных понятий: понятия и действия

Для исследования материала городского развития требуется соответствующая работа с понятиями и категориями, которые выступают инструментами для выделения феноменов, структур или процессов, отражающих искомые свойства материала. Это налагает на понятийную работу несколько требований и условий.

В гуманитарном знании не существует таких понятий и категорий, применение которых правомочно в любом исследовании. Любая ситуация, которую мы собираемся исследовать, должна быть каким-то образом категоризирована и оформлена в понятиях. Для нашей работы это означает, что нам следует категоризировать нашу ситуацию, прояснить сходства и различия ее по сравнению с теми ситуациями, где были разработаны понятия, на которые мы опираемся, или от которых отталкиваемся. Чтобы это сделать, следует разобрать еще ряд принципов гуманитарного теоретизирования.

В первую очередь, это *принцип историчности*. Историчность гуманитарного знания означает, что оно истинно только для определенного времени, конкретной эпохи и утрачивает свое значение в другую эпоху. Естественно-научное знание сохраняет свою истинность независимо от его практической актуальности. Если нет нужды каждый день измерять электрическое сопротивление, то это никак не влияет на закон Ома. Если нам очередной раз необходимо его использовать, то мы будем использовать в том же виде, в котором был сформулирован и применяется. Совсем иное дело человеческое сопротивление переменам и нововведениям. Осмыслив и измерив степень сопротивления людей переменам в одной ситуации, мы не можем использовать это знание в другой ситуации непосредственно. Мы можем помнить об этом как о прецеденте, апеллировать к нему по аналогии, но не более того. В каждой новой исторической ситуации нам придется заново анализировать причины и природу человеческого поведения и действий.

Специфика гуманитарного знания, таким образом, состоит в том, что каждое общество, претендующее на автономное, суверенное развитие в каждую культурно-историческую эпоху должно создавать для себя соответствующий комплекс гуманитарного и общественного знаний. Каждое исследование или разработка должны иметь технические или принципиальные задания, в которых оговаривается не только то, какое знание и о чем необходимо получить, но и для чего, с какими целями и в каких условиях это знание будет применяться и использоваться.

Необходимость обозначения целей и условий понятийной работы актуализирует роль и значение *принципа прагматики* при формировании гуманитарных понятий и категорий. Мы легко можем сравнить по объективным показателям (например, температура) условия жизни в различных городах и регионах. Но как только мы переходим от описаний и сравнений к принятию решений, то оказывается, что эти сравнения и описания совершенно бесполезны без дополнительных знаний о том, для кого принимается решение. Скажем, различные физиологические показатели организма человека могут одну и ту же среду обитания признавать либо комфортной, либо совершенно не пригодной для жизни. Поэтому мы должны иметь одни категории и понятия для описания

сред, условий, ситуаций и другие категории и понятия для принятия решений. Кроме того, мы должны иметь различные понятия и категории как для принятия общественных, политических, социальных решений, так и для индивидуальных решений. В таком случае формулировка и определение гуманитарных понятий и категорий во многом определяется тем, какие решения и кем будут приниматься с использованием этих понятий и категорий.

В отношении к современному западному знанию и категориальному аппарату регулирования и управления в сфере образа жизни существуют различия иного рода. Эти различия связаны с пригодностью понятий для ситуации развития, разворачивания, того, что уже имеется, и непригодностью их для ситуации реформирования, создания новой организации социальной жизни. В Беларуси и в Европе одни и те же процессы протекают в разных стадиях или фазах. И то, что справедливо на стадии завершения, может быть совсем не справедливым на начальной стадии.

Принцип *перформативности* гуманитарных понятий и гуманитарного знания в целом можно обозначить вопросом: существовали ли социальные и гуманитарные явления до того, как были кем-то названы, концептуализированы, осознаны и стали предметом исследования?

Так одно из базовых понятий для городских исследований — «образ жизни». Существовал ли «образ жизни» до того, как эту категорию ввели в обиход гуманитарных наук и обыденный язык. Если раньше люди жили, и жизнь разных людей была непохожа друг на друга, резонно предположить, что эти различия в жизни можно называть разными образами жизни, а значит, образ жизни существовал и раньше. Безусловно, люди жили по-разному, но мыслили об этом и объясняли разницу в других категориях (не в категориях образа жизни), а значит, и относились к этому иначе.

Представим себе город зарождающегося капитализма с протестантской этикой, интересовавший М. Вебера, например, Женеву, Страсбург или Бостон в Новой Англии. Можно ли было размышлять в этих городах о различных образах жизни. Весьма сомнительно. При наличии строгой этической регламентации и подробного описания норм жизни нет необходимости в такой категории, как образ жизни. Зафиксировать и описать имеющиеся различия можно, только добавив к «образу жизни» некое содержательное понятие. Например, «городской образ жизни» или «сельский образ жизни». Но если категории «город» и «деревня» достаточно глубоко разработаны, то они включают в себя и нормы организации жизни и поведения в городе и на селе.

Что дает нам в таком случае употребление категории «образ жизни»? Понять это можно тогда, когда мы используем эту категорию не для описания уже известных и описанных, понятных различий в жизни людей, а для поиска и схватывания еще неизвестных и неописанных. Но сама попытка описать и зафиксировать новые отличия — это уже не просто исследовательская процедура, но действие по изменению социальной структуры общества и норм регулирования его жизни.

Употребление категории «образ жизни» в условиях раннего капиталистического города эпохи реформации было бы равносильно призыву к революционному преобразованию существующего порядка. Безусловно, и в тех условиях люди в городе, даже в пределах одной общины, могли жить по-разному, но эти отличия воспринимались как вариации одной нормы, одной идеи или онтологии жизни. Образ жизни как инструментальная категория типологического метода позволяет описывать и нормировать повседневную жизнь в рамках уже существующей и не подлежащей изменению структуры общества. Такое использование характерно для традиционных закрытых обществ. И в рассуждениях об образе жизни в этом контексте он всегда предстает с конкретизацией — городской, сельский, буржуазный, аристократический и т. д.

В свою очередь, образ жизни как правовая категория может быть использована в практических и политических целях изменения социальной структуры и социальных отношений. Т. е. категория «образа жизни» может привлекаться для обоснования права жить не так, как другие, с ее помощью можно добиваться свободы от регламентации и предписаний. Перформативный характер

категории «образ жизни» проявляется в том, что считавшееся ранее отклонением от нормальной жизни или вариацией нормы начинает признаваться как другая, столь же законная норма. И это характерно для современных открытых обществ. Различное содержательное наполнение и использование данной категории задает соответствующую социальную, политическую и управленческую практику.

4. Методы городских исследований: исследование действием

Изложенные выше методологические принципы и установки в отношении предмета городских исследований и построения понятий для них ставят вопрос об адекватных методах. Организация исследования как определенного типа деятельности с объектом, включение в содержание основных понятий наряду с естественным искусственным отношения создает особое представление об организации исследования и его структуре. Методы становятся средствами деятельности по получению знаний об объекте. И методы, и полученные знания «принадлежат» деятелю-исследователю и характеризуют не объект, а его деятеля-исследователя.

Деятельностный подход к исследованию не только ведет к иной интерпретации, иному отношению к получаемым знаниям об объекте, но и расширяет спектр методов анализа. Расширение происходит за счет включения в комплекс традиционных научных видов сбора и анализа информации, таких методов, которые предполагают создание реальной ситуации или включение исследователя в уже имеющуюся ситуацию в качестве субъекта и получение знаний в ходе рефлексии успешности или неуспешности собственных действий. Такими методами являются организационно-деятельностные игры и исследование действием.

В рамках городских исследований эти «дополнительные» методы исследования актуальны и востребованы по нескольким причинам. *Первая* — это специфика города как объекта исследования, который представляет собой в большей мере политическую и социальную практику, нежели статичный фрагмент реальности. По крайней мере, для Беларуси задача развития городов состоит в том, чтобы эта практика была воссоздана и воспроизводилась как норма организации жизни. Традиционные методы исследования дают возможность зафиксировать те или иные стороны данного процесса в объективированных формах. Искусственный аспект исследования ускользает от них.

Вторая причина связана с тем, что белорусские города являются пока мало изведанной «зоной». Практически все, что мы знаем о них, это знания о белорусских поселениях, сформированные исходя из того производственного принципа, о котором говорилось в начале раздела. О городах Беларуси, о том, что в них есть, чтобы быть городами, и что необходимо, чтобы они стали городами, мы имеем очень скудные представления. Возможность использования знаний, накопленных в других социальных и исторических ситуациях, здесь крайне ограничена. Обычно исследователи избегают таких ситуаций, стараясь наполнить «изучаемую реальность» теми или иными знаниями, нерелексивно взятыми из легитимных источников или из обыденных представлений. Но для того, чтобы запустить мышление о городах в Беларуси, следует не только смириться с «неизведанностью», но и принять ее как установку для разворачивания исследований. При этом актуализируются вопросы легитимности содержательных, понятийных и иных полаганий, с которых начинается исследование. Откуда они могут браться, если предположить, что мы ничего не знаем про наш объект. Берутся они из практических задач, которые и являются запускающим двигателем исследования. Но при этом они имеют совершенно иной статус, далекий от претензий на научную истину. В свою очередь, движение к построению понятийного аппарата, накоплению знаний требует методов, в которых бы решение практических задач сопровождалось специально организованной рефлексией, работой по концептуализации и оформлению получаемых знаний.

«Исследование действием» — методический принцип, который предполагает включение в деятельностную ситуацию и получение знаний в ходе взаимодействия с «объектом». Он строится на ряде установок:

- осознание отсутствия или недостаточности знания об объекте;
- готовность к действию в условиях неопределенности и недостаточности знания;
- рефлексивность и осознание важности обратной связи в структуре действия;
- раздвоенность целей: действие направлено как на достижение результата, так и на получение нового знания.

Исследование действием внешне очень походит на включенное наблюдение или даже социальный эксперимент. И по набору действий и техник «на месте» они практически неразличимы. Отличия заключаются в исследовательских установках. Главными здесь являются позиция исследователя и его отношение к своим действиям, а также цели и задачи, которые он решает. Во включенном наблюдении основная цель — познавательная, получение информации об объекте. В классической научной установке нести изменения ситуации. Исследователь остается «внешним» по отношению к ней, он не ставит политических целей и не является полноценным социальным и политическим субъектом. Отсюда возникает комплекс морально-этических проблем и дилемм, которые следуют за неизбежным, но безответственным включением в «чужую» ситуацию. Безответственно оно постольку, поскольку исследователю нечем отвечать и платить, в том же смысле как отвечают и платят за изменения реальные субъекты и участники исследуемой ситуации. Он принципиально не вносит в исследуемую ситуацию ни собственных социальных или политических ни задач, ни ресурсов. В то же время он неизбежно влияет на ситуацию.

Исследование действием предполагает, что исследователь обязан иметь собственные политические цели и задачи по отношению к исследуемому объекту. Это возможно, например, в связке исследователь-политик. В исследовании действием политические цели и задачи имеют равную значимость с исследовательскими. Действия совершаются не просто, чтобы вызвать эффект, а чтобы действительно реализовать определенную задачу. Исследование же состоит в рефлексии и анализе ситуации взаимодействия, успешности или неуспешности действий. Соответственно и объект описывается и анализируется в тех его свойствах и качествах, которые важны для дальнейшего успешного действия. В свою очередь, успешность исследовательской деятельности тесно связана с эффективностью решения политических задач, продвижения к целям. И ответственность исследователя «обеспечивается» реализацией этих целей и вложенными ресурсами и капиталом.

Организационно-деятельностные игры также могут использоваться в качестве исследовательского метода в программах развития городов. ОДИ — игровая имитация той или иной сферы деятельности для постановки и решения новых проблем. В ходе имитации и проигрывания различных ситуаций и сценариев происходит исследование сферы. Имитация сферы деятельности на игре позволяет глубоко проникнуть в структуру актуальной ситуации, определить проблемы, существующие в данной сфере, перевести эти проблемы в идеальный план и там найти решение для них, а затем найти адекватные способы реализации найденных решений в совместной деятельности. Организационно-деятельностные игры — это способ весьма затратный, но в то же время это метод исследования, который позволяет разобраться в проблемах, которые пока не имеют решения. Среди основных характеристик этого метода следует указать:

- междисциплинарность и межпредметность исследования, которое позволяет втягивать в себя не только разные гуманитарные и социально-экономические знания, но также и знания управленческие, инженерные и т.д. За счет использования специальных методологических схем работы создается общий язык работы, предельно очищенный от предметной конкретизации, но отражающий суть отношений в кооперативной деятельности.
- вовлеченность в исследование лиц, непосредственно включенных в деятельность по развитию городов. Это позволяет ликвидировать разрыв между полученным знанием и необходимостью освоения его деятелями и

участниками городского развития. Эта включенность позволяет преодолеть опосредованность, которая создается обычным исследовательским инструментарием. Суть понятий, критика информации и аналитических выводов производится сразу в ситуации живой коммуникации.

Важно отметить отличие этих методов от традиционных способов анализа проблем, которые применяются в западных технологиях анализа проблем городского развития, прежде всего, это SWOT-анализ. Такого рода методы рассчитаны не на углубление и поиск проблем, а, прежде всего, на их инвентаризацию и систематизацию. Однако в ситуации перехода от негородского к городскому образу жизни они могут зафиксировать только очевидное. Проблема же формирования сферы городских исследований в Беларуси в самоопределении в имеющейся исторической ситуации, которое становится основой дальнейшего исследования и развития.

ТЕМА 4. ТЕХНОЛОГИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

1. Проблема развития сообществ в Беларуси.
2. Технологии как способ работы с гуманитарными объектами.
3. Разработка технологии по возрождению сообществ в Беларуси.
 - 3.1. Принцип «живое от живого».
 - 3.2. Анализ ситуации: сохранившиеся прото-сообщества.
 - 3.3. От экстерриториальных к местным сообществам.
 - 3.4. Задачи и направления деятельности, порядок действий.

1. Проблема развития сообществ в Беларуси

Исходным тезисом, на котором строится деятельность по развитию местных сообществ в Беларуси, является констатация факта: «**В Беларуси нет местных сообществ и нет местного самоуправления**». Радикальность этого утверждения призвана подчеркнуть тот факт, что сообщества целенаправленно были исключены из общественного устройства советского общества, как противоречащий этому устройству элемент, и до сих пор не восстановлены⁶. Утверждение, что в современной Беларуси сообществ нет, необходимо для выработки стратегического тезиса: *нельзя развивать несуществующее, но его можно создать заново или просто создать*. Многочисленные попытки развивать сообщества в Беларуси, предпринимавшиеся последние полтора десятка лет, не имели успеха именно потому, что они пытались развивать советские коллективы (или иные формы объединения людей), принимая их за сообщества, аналогичные тем, что существуют в Европе, или тем, что существовали в Беларуси в досоветский период. Приходя к выводу, что советские формы объединения людей коренным образом отличаются от сообществ, характерных для «открытого общества» или даже традиционного европейского общества, мы понимаем, что характерные для советского периода коллективы могут развиваться или изменяться в советских же формах и рамках. Сообщества же как элементы для демократического или открытого общества необходимо создавать заново, пусть даже из тех же самых людей, из которых состояли прежние советские коллективы. Как только мы приходим к такой постановке задачи, мы оказываемся перед проблемой, а как создаются сообщества там, где их нет и не было.

Теоретическая и методологическая постановка проблемы могут рассматриваться независимо друг от друга. А решение теоретических и методологических проблем могут разворачиваться одновременно, обогащая друг друга при необходимости. Так селекционеры выводили новые породы животных и сорта растений за много веков до того, как появились теории отбора Дарвина или генетика Менделя. И Дарвин, и Мендель учитывали методы селекционеров при разработке своих теорий так же, как селекционеры обогатили и развили свои методы, благодаря ознакомлению с теорией.

В нашем случае мы сталкиваемся с теоретической дилеммой, которая гласит, что *все, происходящее с людьми, определяется или правилами, нормами, принципами, или внешними условиями жизнедеятельности людей, или человеческими качествами*. Если верно первое, то тогда отсутствие сообществ в Беларуси определяется какими-то нормами и принципами, мешающими организации сообществ. Если верно второе, то следует допустить, что беларусы наделены какими-то особыми качествами, мешающими им объединяться в сообщества и создавать сообщества.

Сегодня в Беларуси нет удовлетворительного исследовательского или эмпирического знания и материала, чтобы определиться с выбором из этой дилеммы. Но есть возможность заниматься практическим созданием сообществ, не дожидаясь, пока теоретики и исследователи дадут точное объяснение причин их отсутствия в стране. При этом в ходе реализации практических действий есть возможность получить знания, которые станут вкладом в решение данной теоретической или знаниевой дилеммы.

⁶ Мацкевич В., Водолажская Т. Становление и развитие сообществ. Минск. 2008

В социальных проектах, в реформах и даже в локальных социальных трансформациях деятель часто сталкивается с неисследованностью той сферы или тех объектов, с которыми ему приходится иметь дело. В таких ситуациях действия предшествуют знанию, используя методический принцип «исследования действием». Каждое новое поколение деятелей сталкивается с неисследованной социальностью. Стабильное неизменное общество существует только в мечтах и идеальных представлениях, да и то только у сторонников «закрытого общества». Деятели, принимающие идеалы «открытого общества», понимают, что им приходится действовать в ситуации перманентных изменений и приходится иметь дело всякий раз с новой формой социальности. Поэтому исследование действием — это метод единственно возможный в условиях трансформирующихся и реформируемых обществ и распространенный среди других методов в открытом обществе.

2. Технологии как способ работы с гуманитарными объектами

Кроме проблемы необеспеченности действий по возрождению сообществ необходимыми знаниями, деятель сталкивается с другой не менее существенной проблемой объекта деятельности и его гуманитарной природы.

Основная социокультурная проблема современной Беларуси состоит в том, что культурная традиция и действующие обычаи тянут в прошлое, в закрытое общество и узкий порядок, которые породили общий системный кризис, а позитивное разрешение кризиса возможно только иными культурными средствами, которые принадлежат будущему, открытому обществу и расширенному порядку. Общее решение этой проблемы формулируется словами неокантианца Лотце: «То, что должно быть, является основанием того, что есть».

Эта установка — установка искусственного отношения к реальности. Искусственность здесь противостоит естественности, воспроизводству существующего порядка, признанию объективности действующих процессов и их неподвластности человеческому действию. Если имеющиеся в наличии известные, принимаемые по умолчанию, неписанные нормы и эталоны позволяют достигать поставленных целей, можно говорить о существовании культурной традиции. Если нет, то приходится изобретать и осваивать другие, нетрадиционные, нормы и образцы жизни и деятельности. В этом и состоит технология. В традиции и в технологии нормы жизни и деятельности предшествуют реализации действий по достижению целей. Но в традиции эти нормы берутся из прошлого или из транслирующей прошлое памяти, а в технологии нормы проектируются в мышлении, т. е. берутся из будущего. Традиция строительства домов толкой возможна только тогда, когда все дома строятся такими, какими их строили многие поколения предков. Если нужно построить дом новой конструкции, то нужно организовать проектирование, разработать прорабскую программу, создать новые материалы и ввести технологию строительства.

Задача создания сообществ там, где их практически нет, — это задача технологическая. В то же время объектом воздействия здесь являются не неодушевленные предметы и материалы, а люди — их ценности, образ жизни, установки и т. д. В современном сознании присутствует установка на то, что по отношению к людям технологии не применимы. Идеология социальной инженерии и социального конструирования, которая нашла свое воплощение в тоталитарных системах СССР и нацистской Германии, задала неприятие технологического отношения к человеческому материалу. Однако без технологического, искусственного отношения нет возможности осознанно и эффективно менять нормы и образцы в обществе. Нет возможности организовать деятельность по такой смене.

Кроме морально-этического аспекта технологий, направленных на человеческий материал, возникает и проблема рефлексивности объекта воздействия. Если в простой технологической схеме сопротивление материала — это предмет исследования, и в ходе воздействия он не изменяется, то, как будут вести себя люди, наделенные сознанием и волей — предугадать сложно.

Однако эти сложности не могут быть препятствием для развития **гуманитарных технологий**, технологий, специально рассчитанных на такой особый материал и снимающих обозначенные проблемы. Гуманитарными технологии

называются потому, что составляющими в них являются «особые» нематериальные элементы: различного типа знания, идеи, схемы, конструкты, знаковая среда (реклама, продукты СМИ и др.), квалификации, человеческая психика, время, доверие, ответственность, авторитет, авторское право и т.п..

Гуманитарными технологиями мы называем все виды осмысленной работы с элементами культуры (нормами, образцами, эталонами и т. д.) по их трансляции и реализации в реальности. Такая работа в силу специфики предметов, которыми она оперирует, с необходимостью включает в себя элементы коммуникации и постоянного исследования, обновления знания об объекте. При этом термин «технология» помогает удерживать искусственную установку на деятельность в области культуры (в широком смысле слова).

Продукты гуманитарных технологий имеют такой же цикл жизни, как и продукты обычных технологий: от первых прецедентов нетрадиционного, «вызывающего» поведения и действия, через моду и культивирование такого поведения и образа действия в элитарных кругах, до распространенности нового поведения и образа действия в широких слоях населения. Когда новое поведение и образ действия становятся само собой разумеющимися, перестают требовать искусственного культивирования и артикулированной демонстративности — кончается сфера технологии и начинается традиция.

3. Разработка технологии по возрождению сообществ в Беларуси

3.1. Принцип «живое от живого»

Подход к задаче воссоздания местных сообществ в Беларуси будет строиться не на знаниях о сущности и устройстве сообществ, законах их возникновения и развития, а на простом практическом предположении, что *люди, жившие в сообществах, могут и будут транслировать свой опыт, нормы и правила такой жизни в ходе решения насущных проблем*. Этот подход исходит из того, что люди адаптивны и обучаемы. Если человек волею судьбы или обстоятельств попадает в существующее уже сообщество, он приспособливается к нему, научается правилам и нормам, необходимым для жизни в сообществе. Это старинная практика, известная как культурная ассимиляция, в более современных формах, как интеграция. Эта практика может быть рассмотрена как основа и возможность *порождения сообществ или, говоря образно, их «почкования»*.

Исходя из таких представлений возможной и успешной в плане создания и организации сообществ в Беларуси может быть следующая схема:

1. Люди интегрируются в уже существующие живые и функционирующие сообщества.
2. Такие интегрированные сообщества численно и количественно растут.
3. При достижении некоторой критической массы сообщество делится (или «почкуется»), после чего два (или более) образовавшихся новых сообщества продолжают жить и функционировать самостоятельно.

В силу простоты и очевидности эта схема может быть положена в основу технологии.

Чтобы приступить к реализации практики «живое от живого» мы должны найти, обнаружить такие сообщества, которые либо смогли пережить культурную революцию советского периода и сохраниться хоть в каком-то виде, либо могли возникнуть уже после того, как действия советской власти перестали быть эффективными.

3.2 Анализ ситуации: сохранившиеся прото-сообщества

Существуют несколько типов сообществ, которые не были до конца уничтожены в годы советской власти:

- **Религиозные общины.** В силу исключенности религиозной жизни из жизни советского общества, на сохранившиеся очаги не распространялись общие правила устройства социальных отношений. Поэтому то, что смогло пережить советское время, а также новые религиозные объединения, возник-

шие в результате распространения новых западных деноминаций, сохраняя и несли в себе сообщество как принцип социальной организации.

- **Профессиональные сообщества.** На протяжении всей истории своего существования советская власть их пыталась подавить и уничтожить, но она же и нуждалась в этих сообществах, поэтому старалась не уничтожать их до конца и подавляла с целью сделать подконтрольными. На сегодняшний день они крайне слабы, хотя и составляют часть «технологического ресурса».
- **Объединения неформалов** (образовавшиеся в «Перестройку»). Являлись хотя бы в некотором смысле сообществами, по крайней мере, некоторые из них проявляли признаки самоорганизации и активности в отношениях между собой, с государством, властями и т. д. Многие неформалы прекратили свое существование вместе с концом Перестройки. Некоторые из них растворились в политических движениях, некоторые послужили началом организации третьего сектора. Однако может быть какие-то из них дожили до нашего времени.
- **Диссиденты и некоторые клубы, организованные по профессиональному принципу или по увлечениям.** Это специфическое явление, которое с некоторой долей условности можно рассматривать как сообщество или прото-сообщество. Они были школой (пусть и самой начальной) иного образа жизни, школой самоорганизации, инициативности, равноправия, демократичности и солидарного отстаивания своих интересов.
- **Преступные сообщества.** Несколько раз на протяжении своей истории советская власть утверждала, что ей удалось ликвидировать организованную преступность, но сразу же после этих сомнительных побед организованная преступность возникала в новых формах. Мы не беремся судить, было ли это приспособлением преступных сообществ к новым условиям или же они возникали всякий раз заново, но для нас это не так актуально, поскольку в нашей практике мы не можем обращаться и апеллировать к сообществам этого типа.

3.3. От экстерриториальных к местным сообществам

Анализ оставшихся сообществ, в которых люди могли бы приобретать опыт жизни в сообществе, показывает, что это экстерриториальные сообщества. Чтобы рассчитывать на успех практики «живое от живого» необходимо удостовериться, что опыт жизни в сообществах принципиально переносим из экстерриториальных сообществ в местные.

Экстерриториальные и местные сообщества сходны в том, что они:

- а) строятся и объединяются на основе общих интересов;
- б) способны к самоорганизации и выращиванию автономных структур управления сообществами;
- в) способны к воспроизводству и длительному существованию через смену и преемственность поколений;
- г) способны принимать на себя ответственность за нечто, чем сообщество владеет, распоряжается или имеет в собственности, то есть быть хозяином в зоне своей ответственности и своих интересов.

Экстерриториальные и местные сообщества отличаются друг от друга:

- а) Интересы местных сообществ лежат скорее в сфере обеспечения жизни, тогда как интересы экстерриториальных сообществ лежат либо в сфере деятельности, либо в сферах идей, отдыха, духовных исканий и т. д. Поэтому участники экстерриториальных сообществ в меньшей степени нуждаются друг в друге, привязаны друг к другу, в меньшей степени ощущают потерю или исключение кого-то из своих членов.
- б) Совместное владение и распоряжение в экстерриториальных сообществах скорее виртуально, тогда как в местных сообществах оно зримо и телесно (дороги, территория, недвижимость, природные ресурсы).

Виртуальные же владения экстерриториальных сообществ — это сфера идей, норм, культурных и духовных ценностей. Поэтому коммуникация в экстерриториальных сообществах сложнее и интенсивнее, в местных же сообществах она понятнее, яснее, обыденнее. Эти особенности коммуникации и дискурса несколько затрудняют взаимопонимание между членами экстерриториальных и местных сообществ и могут препятствовать переносу опыта из одного в другое.

Возможность переноса опыта жизни из одних сообществ в другие можно увидеть в лозунге устойчивого развития, сформулированном в 1992 году: *мыслить глобально, а действовать локально*. В каком-то смысле экстерриториальные сообщества потому и не привязаны к территории, к месту, что их интересуют общие глобальные проблемы. Но это до тех пор, пока такие сообщества не ставят перед собой реализационные, практические цели. Например, размышления о техногенном загрязнении окружающей среды непременно предполагают всемирный масштаб, историю цивилизации и историю техники как таковые, вообще. Но субъектами подписания Киотского протокола могут быть правительства конкретных стран. То есть реализация конкретной программы сокращения промышленных выбросов в атмосферу уже привязана к местности. Если еще более конкретизировать, то реализация самого Киотского протокола уже опускается на локальный уровень. На этом примере можно видеть, что практически любая проблема может иметь несколько измерений: глобальный или экстерриториальный масштаб, страновой или национальный и локальный или местный. При этом решение такого рода проблем возможно только в комплексе, но не может быть найдено только на одном из названных уровней (только в национальном или только в локальном масштабе).

Применительно к нашей теме это рассуждение выглядит следующим образом: *жизнеспособность и действенность экстерриториальных сообществ в Беларуси обеспечивается их вовлеченностью в мировые транснациональные процессы*. Через эту вовлеченность белорусские экстерриториальные сообщества сохраняют преемственность норм и традиций и способны переживать даже очень трудные времена. Поэтому только эти сообщества и имели возможность сохраниться или же возродиться, так как основания и нормы, объединяющие членов этих сообществ, транслировались и вне советского общества. В этом причина их жизнеспособности, в отличие от территориальных сообществ, основанием существования которых является привязка к местности, которая и была разрушена в период советской власти. Но это относится к жизни экстерриториальных сообществ, но не к их деятельности и практике. *Для успешной деятельности необходимо определение зоны ответственности сообщества или ее локализация*.

3.4. Задачи и направления деятельности, порядок действий

Втягивая изложенный материал общая схема-принцип возрождения местных сообществ выглядит следующим образом:

- Развитие местных сообществ возможно только через приобретение людьми опыта жизни в сообществах, как опыта особенных социальных отношений.
- Такой опыт в современных белорусских условиях сохранился только в рамках некоторых видов сообществ, в первую очередь, в экстерриториальных.
- Эти «чудом сохранившиеся» очаги жизни сообществ сами требуют поддержки и развития, которые могут быть получены через реализацию идей, объединяющих членов экстерриториальных сообществ, в конкретных условиях и локальной ситуации.
- Включение в экстерриториальные сообщества дает людям опыт жизни в сообществах.
- В свою очередь, локальная реализация общих (глобальных) идей на местности может заложить основу для объединения местных жителей вокруг, во-первых, людей, обладающих опытом жизни в сообществах, а во-вторых, вокруг задачи, «привнесенной» экстерриториальными сообществами для решения которой нет соответствующих местных структур.

- Присвоение ответственности за решение новой задачи группой в конкретной местности людей создает возможности для возрождения местных сообществ.
- Наличие в местных протосообществах людей, включенных в экстерриториальные сообщества, позволяет транслировать и реализовывать нормы «новых» социальных отношений, распространять опыт жизни в сообществах.
- Взаимодействие между экстерриториальными и местными сообществами увеличивает ресурсы и возможности каждого из сообществ по отдельности, позволяет наращивать социальный капитал и расширять зону ответственности.

Из этой схемы вытекает ряд направлений деятельности.

Во-первых, это поиск «живых» сообществ, интеграция в них людей и передача им опыта жизни в сообществах. Реализация этого направления нам видится в двух возможных вариантах. Очевидно, что эта задача может быть принята только теми сообществами, которые разделяют общий подход к деятельности по возрождению сообществ (ни одну религиозную общину или профессиональное сообщество нельзя заставить делать это).

Вторым направлением деятельности является помощь отпочковавшимся местным прото-сообществам в наращивании социального капитала и жизнеспособности. Это направление строится на установлении взаимных «инфраструктурных» отношений между экстерриториальным и местным сообществами (одним или несколькими). Такого рода отношения предполагают, что одно сообщество может обеспечивать решение определенных задач и проблем для другого. Тем самым повышается социальный капитал каждого из них, так как эта взаимосвязь позволяет одному сообществу стать «со-обладателем» некоторой общей собственности, которой владеет другое сообщество.

Третьим направлением деятельности является PR и коммуникация. Популяризация и распространение этого подхода и опыта. Необходимо как можно шире вступать в коммуникацию с возможными партнерами и союзниками, разъяснять им подход.

Четвертым направлением, которое следует обозначить отдельно, является анализ и осмысление полученного опыта обратной связи, рефлексия ошибок и достижений, оформление результатов в виде методик, технологий и пособий, пригодных для трансляции.

Пятым направлением является образование и подготовка, повышение квалификации участников запускаемых процессов по созданию и развитию сообществ. Это не только получение знаний, но и в первую очередь работа по развитию рефлексивности, способности к целеполаганию и организации собственной и коллективной деятельности.

Переводя описанное понимание деятельности, необходимой для возрождения местных сообществ, в технологическое, то есть доступное для использования другими субъектами, мы получаем следующую цепочку действий:

1. Самоопределение субъекта программы развития сообществ в Беларуси.
2. Определение целей программы, системы понятий и представлений, необходимых для ее реализации.
3. Определение набора характеристик и показателей, по которым мы можем выделять интересующие нас сообщества от того, что сообществами не является, симулирует или выдает себя за сообщество.
4. На основе выделенных показателей и характеристик **разработка процедуры** проверки выбранных нами для дальнейшей работы сообществ (потенциальных сообществ) на соответствие этим показателям.
5. Составление «базы данных» потенциальных сообществ на основе имеющихся у нас источников информации.

6. Исследование потенциальных сообществ из «базы данных» на соответствие выделенным показателям и характеристикам по разработанной процедуре.
7. а) установление с сообществами, отвечающими упомянутым характеристикам, партнерских отношений для совместной реализации программы развития сообществ;
б) среди оставшихся сообществ поиск активных, инициативных людей.
8. Включение активных, инициативных людей, найденных на предшествующем этапе, в сферу деятельности существующих сообществ для приобретения ими опыта жизни и деятельности в сообществах.